

БАРКОВ

Наталья
Михайлова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Самый одиозный из всех российских поэтов, Иван Семенович Барков (1732–1768), еще при жизни снискал себе дурную славу как автор непристойных, «срамных» од и стихотворений. Его имя сделалось нарицательным, а потому его перу приписывали и приписывают едва ли не все те похабные стишки, которые ходили в списках не только в его время, но и много позже. Но ведь Барков — это еще и переводчик и издатель, поэт, принимавший деятельное участие в литературной жизни своего времени! Что, если его «прескверная» репутация не вполне справедлива? Именно таким вопросом задается автор книги, доктор филологических наук Наталья Ивановна Михайлова.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Наталья Михайлова](#)
 -
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [illegible]

- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)

- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)

- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)

- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)

- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)

- [358](#)
 - [359](#)
 - [360](#)
 - [361](#)
 - [362](#)
 - [363](#)
 - [364](#)
 - [365](#)
 - [366](#)
 - [367](#)
 - [368](#)
 - [369](#)
 - [370](#)
 - [371](#)
 - [372](#)
 - [373](#)
 - [374](#)
 - [375](#)
 - [376](#)
 - [377](#)
 - [378](#)
 - [379](#)
 - [380](#)
-

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1963

(1763)

Наталья Михайлова

БАРКОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

На первой полосе фототетради помещен портрет Ивана Семеновича Баркова, гравюра пунктиром А. А. Осипова, около 1801 года.

При оформлении переплета использованы рисунки художника Юрия Иванова.

© Михайлова Н. И., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Граф. У тебя прескверная репутация!
Фигаро. А если я лучше своей
репутации?*

Бомарше.

*Безумный день, или Женитьба
Фигаро*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
Ни даже имени такого
Не смею громко произнести!*^{1}

Это четверостишие Пушкин записал в альбом Анны Петровны Керн. Стихи Баркова — вовсе не стихи того самого Баркова, который до сих пор известен прежде всего как поэт-порнограф. И Барков здесь — не тот самый Иван Семенович Барков, а его однофамилец Дмитрий Николаевич Барков, петербургский чиновник, театрал, переводчик, член общества «Зеленая лампа», знакомый Пушкина и А. П. Керн. Пушкинская шутка — комическая гримаса мнимого ужаса: Барков — воплощенная неблагопристойность, даже его имя нельзя произнести при даме. А впрочем:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом* (III, 155).

Нет, имя Баркова не умерло. Его срамная поэзия живет и увлекает всё новые поколения читателей. Известные творения поэта XVIII века по понятным причинам не печатались, но распространялись во множестве списков, «получили народность» и более того — умножались всё новыми и новыми сочинениями, Барковым не написанными, но ему приписанными. (Скажем сразу: «Лука Мудищев» — не Баркова, а другого охальника сочинение.) Так было и в XVIII, и в XIX веках.

Наконец, на исходе XX столетия стихотворения Баркова, и даже те, что ходили под его именем, предали тиснению, изучили, откомментировали. Казалось бы, сбылось пророчество Пушкина, который, беседуя с Павлушей Вяземским, сыном П. А. Вяземского, сказал:

«Вы не знаете стихов... Баркова... и собираетесь вступить в Университет? Это курьезно. Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение... Для меня сомнения нет... что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова»^{2}. Так-то оно так, но и в этом разговоре Пушкин шутит. Рекомендация юному другу непременно прочесть стихи Баркова, коль скоро он собирается стать студентом, сродни настоятельным наставлениям гусарского офицера Зурина, советующего Петруше Гриневу привыкать к службе, а именно пить пунш и играть на биллиарде (на деньги, конечно). Так что не будем излишне серьезно воспринимать и пушкинскую высокую оценку Баркова, и признание огромного значения его сочинений. Вероятно, в этом есть шутливое преувеличение.

И всё же, шутки шутками, а Баркова и барковиану действительно издали, причем издали с максимальной полнотой. Ну и что? Поклонники такого рода литературы получили возможность многократно в разных вариантах прочесть зарифмованное слово из трех букв, которое всё еще можно увидеть на заборах, на стенах грязных подъездов и сортиров. Но, во-первых, не будем ханжами, а, во-вторых, в изданиях сочинений Баркова есть и вполне пристойные стихотворения, есть переводы Горация, Федра, других авторов, труды по российской истории. К тому же Барков был еще издателем и редактором, первым издал сатиры Антиоха Кантемира, присовокупив к ним жизнеописание сатирика. Так что

творческое наследие Баркова несомненно требует осмысления, как нуждается в изучении и его биография. Увы! Нам недостает многих достоверных сведений, документов. Ведь даже имя его отца, петербургского священника, в разных источниках названо по-разному: то ли Иван, то ли Степан, но всё же скорее всего Семен. Как звали его матушку, мы не знаем.

С Барковым (его фамилия писалась и как Борков) связано много легенд.

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Покатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*^[3]

Барков, как и живший более полутора веков спустя Есенин, поэтическое признание которого приведено выше, не сводится к «дурной славе». Да, были драки и пьяные дебоши, были трактиры и бордели. Но что стояло за драками, пьянством и распутством? Кто вы, господин Барков?

К настоящему времени «баркововедение» достигло значительных успехов. Появились научные публикации, посвященные Баркову — ученику М. В. Ломоносова (интересно!), его роли в литературной полемике, в которой участвовали Ломоносов, А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский (очень интересно!), его работе издателя и комментатора (очень познавательно!). Исследователи не только России, но и других стран опубликовали статьи о жанровом и стилистическом новаторстве Баркова, о его экспериментаторских поисках, о его диалоге с европейской литературой.

В защиту Баркова выступила «дружина ученых и писателей», которая, по словам Пушкина, «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех

приступах образованности» (VII, 137). Правда, «дружина писателей» — в данном случае может быть слишком сильно сказано. Но всё же знаменательно, что о Баркове писали прозаики, драматурги, поэты XX века.

Андрей Битов написал культурологическое эссе «Барак и барокко (Барков и мы)».

Леонид Зорин в пьесе «Царская охота», которая долгое время не сходилась со сцены, была экранизирована, сочувственно отозвался с помощью своего персонажа — пиита Кустова о Баркове:

«Ах, Боже святой, что за кудесник, таких уж нет. Все помнят одни срамные вирши, а знали б его, как знал его я! Как мыслил, судил, как верен был дружбе, а как любил безоглядно! Высокий был, ваше сиятельство, дух...»^{4}.

Олег Чухонцев посвятил Баркову свое стихотворение, которое так и назвал — «Барков»:

*Храпел мясник среди пуховых облаков,
Летел ямщик на вороных по звездной шири.
А что же ты, иль оплошал, Иван Барков,
Опять посуду бил и горло драл в трактире.
<...>
Но вздор накатит — и разденется душа,
И выйдет голая — берите на забаву.
Ах, Муза, Муза, — до чего же хороша! —
Идет, бесстыжая, рукой прикрыв жураву^{5}.*

Андрей Вознесенский в интервью в газете «Московский комсомолец» вспоминал Баркова, которого, как говорил он, «у нас считают порнографом»: «Но в сравнении с тем, что происходит сейчас, это идиллическая, целомудренная порнография»^{6}.

Наталья Муромская в адресованном Баркову стихотворении, в котором отразились некоторые

накопленные о поэте XVIII столетия знания, писала уже в XXI веке:

*Живу сегодня я надеждой:
Когда-нибудь, Иван Барков,
Поэт борделей, кабаков,
С душою пламенной и нежной,*

*Пусть сквернослов, но правдолюб
(А был он именно таков —
Иван Семенович Барков),
Спустя века нам будет люб.*

*К тому ж, ревнитель просвещения,
Он Кантемира издавал.
Сиял Баркову свет ученья.
Он Ломоносова знавал.*

*Гораций, Федр, еще французы —
Барков их славно перевел.
Напев его задорной Музы
И здесь Баркова не подвел.*

*Нет, нет, конечно, не случайно
Про жизнь его хотим узнать.
Он — человек, а значит — тайна.
Но можно ль тайну разгадать?[{Z}](#)*

Нам остается только откликнуться на заключенный в этих стихах призыв — самоотверженно попытаться разгадать тайну Баркова, не претендуя, разумеется, на единственно возможный ответ.

Глава первая

ВРЕМЯ. 1732-1768

О время!

Екатерина II. О время!

Время Баркова началось в 1732 году. Вторым годом в России царствовала Анна Иоанновна, племянница Петра I. В январе 1732 года вместе с двором она переехала из Москвы в Петербург — городу на Неве был возвращен статус столицы Российской империи.

Когда родился Барков, Ломоносову исполнился 21 год, Сумарокову — 15 лет, Тредиаковскому — 29 лет. В тот же год, что и Барков, появились на свет президент Соединенных Штатов Америки Джордж Вашингтон и Бомарше, автор комедии «Безумный день, или Женитьба Фигаро», которую А. С. Пушкин советовал перечитать в минуты уныния.

*Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари (III, 341-342), —*

Так Пушкин в 1836 году написал о своем времени. Но пушкинские строки можно отнести не только к его эпохе. В них — универсальная формула истории человечества всех времен и народов. В них — и трагическое время Баркова, которое закончилось для

него в 1768 году, когда русский престол шестой год занимала Екатерина II.

1732-1768 годы — эпоха заговоров и дворцовых переворотов, когда менее чем за 40 лет на троне сменили друг друга три императрицы и два императора. Это эпоха фаворитов, «жадною толпой стоящих у трона», их стремительных взлетов и не менее стремительных падений, интриг, доносов и казней. Это «громкий век военных споров», войн, которые Россия вела на западе и на востоке, Семилетней войны, в которой она принимала участие.

Барков не служил в армии, не воевал, был далек от двора и не участвовал в дворцовых переворотах. Он не был участником исторических событий. Скорее всего, не был и их свидетелем. Но он был их современником. Впрочем, Пушкин однажды иронически заметил, что и в таком случае все равно можно иметь свой взгляд на историю. П. А. Вяземский сохранил в записной книжке такой рассказ Пушкина:

«Пушкин забавно рассказывал следующий анекдот. Где-то шла речь об одном событии, ознаменовавшем начало нынешнего столетия (имелось в виду убийство Павла I в 1801 году. — Н. М.). Каждый вносил свое сведение. «Да чего лучше, — сказал один из присутствующих, — академик *** (который также был налицо) — современник той эпохи и жил в том городе. Спросим его, как это все происходило». И вот академик *** начинает свой рассказ: «Я уже лег в постель, и вскоре по-полуночи будит меня сторож и говорит: извольте надевать мундир и идти к президенту, который прислал за вами. Я думаю себе: что за притча такая, но оделся и пошел к президенту, а там уже пунш». Пушкин говорил: «Рассказчик далее не шел; так и видно было, что он тут же сел за стол и начал пить пунш. Это значит иметь свой взгляд на историю»[\[8\]](#).

По части пунша можно не сомневаться: Барков всегда отдавал должное горячительным напиткам. Что же касается его взгляда на историю его времени, то какими-либо сведениями на этот счет мы, увы, не располагаем. А потому нам придется довольствоваться взглядами историков и писателей, обращаться к документам XVIII столетия, чтобы представить, в какое же время он жил.

В зеркале сатиры Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина история Российской империи XVIII века представлена историей села Горюхина и города Глупова. Горюхинцы и глуповцы переживают междоусобицы, смену власти, всяческие притеснения. Салтыков-Щедрин, по-своему продолжая Пушкина, блистательно воссоздал эпоху дворцовых переворотов: авантюристски-градоначальницы сменяют друг друга. Их поддерживают пьяные солдаты из местной инвалидной команды (намек на роль гвардии, которая штыками прокладывала императрицам путь к трону): «Вот наша матушка! Теперь нам, братцы, вина будет вволю!»^{9}. Глуповцы всякий раз «шарахаются к колокольне», сбрасывают с раската то Ивашку, то Семку (вот он — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Обыватели же всякий раз поздравляют друг друга, лобызаясь и проливая слезы. Картина безрадостная, но точная.

В образе градоначальницы Ираиды Лукиничны Палеологовой Салтыков-Щедрин запечатлел Анну Иоанновну, в царствование которой в 1732 году часы начали отсчитывать время Баркова: «...бездетная вдова, непреклонного характера, мужественного сложения с лицом темно-коричневого цвета, напоминавшим старопечатные изображения»^{10}.

Но прежде чем говорить об Анне Иоанновне и ее царствовании, на которое приходятся годы детства

нашего героя, несколько слов о 1732 годе, в котором начиналась жизнь Баркова.

Возьмем подшивку «Санктпетербургских ведомостей» за 1732 год. (Нам повезло — тот экземпляр, который нам предоставили в отделе редких книг научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, держал в руках А. С. Пушкин — он подарил его, как и подшивки этой газеты за другие годы, своему приятелю, библиофилу Сергею Дмитриевичу Полторацкому.)

Когда листаешь плотные, пожелтевшие от времени страницы, сразу обращаешь внимание на то, что российскому читателю предлагаются новости из многих стран — Италии, Испании, Германии, Франции, Польши. В этих сообщениях — тоже история, но история «домашним образом»:

Римский папа «жестоко занеможествовал», но «к вящей радости стало Папе легче».

«Обретающаяся в стране Шабли рысь чинит великие причины, понеже она несколько баб и детей заела, а однако ж поймать оную невозможно».

На острове Корфу «появились... красноватая летучия мышь, которых на корабельные парусы так много насело, что их с великим трудом собрать могли».

«Его королевское высочество Герцог Лотарингский забавлялся... в Волмерстате ловлею... на которой... 4 серн, 58 зайцев, да 2 лисиц застрелил»^{11}.

Читая «Санктпетербургские ведомости» этого года, можно узнать, какие товары предлагались покупателям. Любопытно объявление Санкт-Петербургской главной портовой таможни:

«Звание конфискованным товарам, которые проданы быть имеют, а имянно:

Ленты с золотом и серебром

Кисея

Пуговицы, обшитые золотом и серебром

Кофейник серебряный

Шапка женская парчовая с кружевом золотым...»

В длинном списке — чулки мужские и женские, рукавицы кожаные, водка двойная хлебная, рейнское белое вино, чай, цветки бумажные, рукомойники жестяные... Впрочем, вряд ли священник, в доме которого родился сын Иван, покупал что-либо в портовой таможне...

Главные же сведения в газете — о императрице, о торжествах и парадах, которые она иногда созерцала с балкона, о ее поездках в адмиралтейство, где она «изволила... там на стапеле стоящие военные корабли осмотреть», в оранжерею, где «особливо понравился Ея императорскому Величеству из... плодов ананас называемый», в Кунсткамеру и библиотеку Академии наук (в университете Академии будет учиться Барков, станет академическим переводчиком). Всё правильно: «Ея Величество всемилостивейшая наша Государыня Императрица изволит в государственных делах к бессмертной своей славе с неусыпным трудом упражняться»^{12}.

Таков был год рождения Баркова, таков был исполненный великолепия фасад Российской империи в царствование Анны Иоанновны. Но что скрывалось за фасадом?

«Это царствование — одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней — сама императрица», — утверждал В. О. Ключевский. «Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерстневшая при раннем вдовстве»^{13}, — такой представил ее историк, не забыв о ее «злом и малообразованном уме» и «ожесточенной жажде запоздалых удовольствий». Обратил внимание Ключевский и на ее упоение «безотчетной властью», ее «празднества и увеселения, поражавшие иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусицей». И еще — на то, что «большим удовольствием для нее было

унизить человека, полюбоваться его унижением, потешиться над его промахом»^{14}.

Тредиаковский, «трудолюбивый филолог», теоретик литературы, переводчик, поэт, вклад которого в развитие русской поэзии неоспорим (он первый разработал теорию силлаботонического стихосложения и первый применил ее на практике), будучи придворным стихотворцем, вынужден был от дверей тронного зала на коленях ползти к престолу «императрис» Анны Иоанновны, чтобы вручить оной очередное похвальное слово или торжественную оду, сочиненную в ее честь. На коленях полз автор получившего необыкновенную популярность перевода французского романа П. Тальмана «Езда в остров любви», сочинитель песенки о весне, птичках синичках, которую распевали в городах и деревнях России, ученый, аттестованный профессорами Сорбонны, преподаватель Академического университета, ставший в 1845 году, уже после кончины Анны Иоанновны, академиком... У него будет учиться Барков, принятый в университете 1848 году...

Заслуги перед отечественной словесностью и просвещением не избавляли от унижения, насмешек и даже от побоев.

В «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» Пушкина есть такая запись:

«Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца» (VII, 40).

В записи Пушкина речь идет о знаменитой «забавной свадьбе», описанной в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом». Устроителем этой свадьбы, задуманной императрицей как часть грандиозных празднеств в

честь победы над Турцией осенью 1739 года, был кабинет-министр Артемий Петрович Волинский, а вынужденным участником — В. К. Тредиаковский.

По приказу Анны Иоанновны между Адмиралтейством и Зимним дворцом был выстроен из льда дом. Из льда соорудили сени, два покоя, баню. Даже рамы и стекла в окнах были ледяными. Но баню топили соломой. Ночью в окнах зажигали свечи, дом освещали разноцветные огни плошек. Петербуржцы и иностранные гости Северной столицы сбегались поглазеть на необыкновенное зрелище. Как знать, может быть, в толпе стоял и семилетний Ваня Барков. Быть может, и он, будущий поэт, изумлялся, глядя на ледяные пирамиды и пушки, на ледяных дельфинов и огромного ледяного слона. Днем из хобота изливался фонтан воды, ночью — огненный фонтан горячей нефти: в императорской потехе соединилось поистине несоединимое — лед и пламень.

17 февраля 1840 года состоялась шутовская свадьба князя М. А. Голицина (его, придворного шута, звали Квасником, потому что он подносил государыне квас) и придворной калмычки Бужениновой. Для князя это было наказание за то, что он за границей принял католичество и женился на итальянке. Разумеется, по возвращении в Отечество его вернули в лоно православной церкви. Что случилось с его иноземной женой после того, как она попала в Тайную канцелярию, неизвестно. Свадьбе предшествовало маскарадное шествие: жители России — вотяки, татары, калмыки и прочие (кто на оленях, кто на собаках, а кто и на свиньях) — в национальных костюмах плясали и пели народные песни.

Какую же роль в этом театральном действе, посвященном знаменующим государственную мощь Российской империи, единение всех живущих в ней народов, должен был сыграть Тредиаковский? Конечно же, роль

придворного пиита. Ведь участвовали же в организации праздника художники Караван и Вишняков, архитекторы Трезини и Бланк. Так что без пиита никак нельзя.

Когда Тредиаковского привезли к Волынскому, то он позволил себе не сразу согласиться сочинить стихи в честь новобрачных. Тогда кабинет-министр и его офицер стали жестоко избивать несчастного поэта. Стихи пришлось написать. В маске и шутовском костюме Тредиаковского привезли к ледяному дому с тем, чтобы он сам продекламировал свои вирши.

Побои, полученные Тредиаковским, были настолько сильны, что он поспешил написать завещание, в котором распорядился книги свои передать в академическую библиотеку.

В 1840 году был казнен обидчик Тредиаковского Волынский — правда, не только за побои, Тредиаковскому нанесенные. Кабинет-министр, некогда в бытность свою губернатором Архангельска проворовавшийся, злоупотреблявший властью во время губернаторства в Казани, писавший доносы на фельдмаршала Миниха, был обвинен в заговоре, в умысле на захват престола. Народное предание окружило Волынского ореолом мученичества, представило борцом с фаворитом Анны Иоанновны Бироном, с немецким засильем в Российском государстве. Так представил его впоследствии и К. Ф. Рылеев, приглашая отца семейства привести сына к могиле мученика:

*Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина^{15}.*

В царствование Анны Иоанновны казни были делом обыкновенным. «Тайная канцелярия, — писал В. О. Ключевский, — работала без устали, доносами и

пытками поддерживая должное уважение к предрешающей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением. Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества, не исключая архиереев; одного священника даже посадили на кол. Ссылали массами, и ссылка получала утонченно жестокою разработку. Всех сосланных при Анне в Сибирь считалось свыше 20 тысяч человек, из которых нельзя было сыскать никакого следа, куда они сосланы»^{16}.

Упоминание В. О. Ключевского о несчастном священнике, посаженном на кол, дает основание полагать, что и семья священника Баркова жила в атмосфере доносов и казней. Ее тоже могли коснуться репрессии этого страшного времени. Бог спас.

Когда речь идет о жестокости царствования Анны Иоанновны, пожалуй, надо вспомнить о ее страстном увлечении охотой. Во дворце во всех углах и простенках стояли ружья для того, чтобы она могла из окон стрелять в пролетающих птиц. В Петергофе для императрицы устраивались охоты с высоких повозок. Повозки ставили в центре поляны, окруженной стенами из корабельного полотна. По коридору, также огороженному полотняными стенами, загонщики гнали крупных и мелких зверей — волков и медведей, оленей и кабанов, рысей, зайцев. Ну а императрице оставалось только отстреливать зверье и гордиться своими охотничьими трофеями. Так, в 1740 году чуть больше чем за два месяца царственная Диана-охотница убила 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374 зайцев, 68 диких уток, 16 птиц. Мужественные забавы императрицы не исключали проявлений доброжелательности и кротости. Во всяком случае леди Рондо, жена английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны, описывает ее так:

«Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого разу. Когда же она говорит, то на губах ее появляется невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что кажется, будто говоришь с равной себе; однако же она ни на минуту не теряет достоинства государыни. Она, по-видимому, очень кротка, и если бы была частным лицом, то, так я думаю, считалась бы чрезвычайно приятной женщиной»^{17}.

Леди Рондо отмечает и простоту в обхождении «первого любимца ее величества» обер-камергера графа Бирона, и любезность фельдмаршала графа Миниха. Заметив, что «видеть, как такой человек (Миних. — Н. М.) подражает ужимкам щеголя — все равно, что видеть резвость коровы», она пишет своей подруге:

«...Он один из самых любезных кавалеров здешнего двора и когда находится в обществе дам, то старается высказывать веселость и нежность... Если бы вы находились в обществе этого господина, который, судя по газетам, убил тысячу и даже десять тысяч людей, то вы очень удивились бы, увидев, как он, с томными глазами, прислушивается к вашему голосу, потом вдруг схватывает вашу руку и целует ее с восторгом. Но вы удивились бы еще более, заметив, что он считает необходимым обращаться подобным образом со всеми женщинами»^{18}.

Ну что же, недаром XVIII век называют веком чувствительности.

В начале октября 1740 года Анна Иоанновна занемогла. Почечно-каменная болезнь уложила ее в постель. 17 октября 1740 года императрица почил в Бозе. Перед смертью она объявила наследником престола двухмесячного сына своей племянницы Анны

Леопольдовны Ивана Антоновича, регентом же при нем — Бирона. Тот стоял в ногах умирающей императрицы и плакал. Как сообщает английский посланник Э. Финч, «Ее Величество, глядя на него, сказала ему «Небось!» (Nie bois) — обычное выражение в этой стране, обозначающее «Не бойся!» (Never fear)»^{19}. Так закончилось царствование Анны Иоанновны, во время которого были подписаны Рештский трактат между Россией и Персией (и Персии возвращены провинции на южном побережье Каспийского моря), а затем и Гянджинский мирный договор (по которому Россия получила от Персии ранее завоеванные Петром I Баку и Дербент); Россия, участвуя в «войне за польское наследство», возвела на польский трон угодного ей Августа III вместо избранного на трон королем негодного Станислава Лещинского; победоносно завершена Русско-турецкая война: взяты Азов, Перекоп, Бахчисарай, Очаков, Хотин (М. В. Ломоносов написал прекрасную «Оду на взятие Хотина»); заключен Белградский мир с Турцией, России возвращен Азов; основаны крепости Оренбург, Челябинск, город Барнаул... Что же касается просвещения (а XVIII век — век просвещения), то в царствовании Анны Иоанновны состоялась Великая Северная экспедиция (так называемая Вторая Камчатская), в которой участвовали В. И. Беринг, С. И. Челюскин, Д. Я. и Х. П. Лаптевы, С. П. Крашенинников, Г. Ф. Миллер; в Петербурге испанской труппой поставлены первая в России опера Франческо Арайя «Сила любви и ненависти» и его же опера по либретто Сумарокова «Цефал и Прокрис», основана танцевальная школа Ж. Б. Ланде, положившая начало русскому балету. В России работали физик Г. В. Крафт и математик Х. Гольдбах, художник А. М. Матвеев, в Петербурге творили Сумароков, Ломоносов, Тредиаковский (с ними Баркову еще предстояло встретиться), в Париже сочинял стихи

русский посланник А. Д. Кантемир (сатиры которого Баркову еще предстояло издать).

Через две недели после кончины Анны Иоанновны ее внучатый племянник Иван Антонович стал императором Всероссийским Иоанном VI.

В августе 1741 года царственному малютке исполнился год. В петербургское небо взлетали огни фейерверков. В оде, сочиненной по случаю праздника, Ломоносов так обращался к годовалому монарху:

*Природы Царской Ветвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свет.
Щастливых дней Аврора ясна,
Монарх-Младенец — райской Цвет,
Позволь Твоей рабе нижайшей
В Твой новый год петь стих тишайшей...[{20}](#)*

Стих — конечно, тишайший: ведь младенцу же. Что же касается надежд, то они не осуществились. В ночь с 8 на 9 ноября 1741 года регент Бирон был арестован в спальне Зимнего дворца. Его судили, обвинили в государственной измене, приговорили к смертной казни. Казнь была заменена ссылкой в Пелым. По существу это был дворцовый переворот, организованный фельдмаршалом Минихом. Регентшей при малолетнем Иоанне VI стала его мать Анна Леопольдовна. Но и ее регентство, как и царствование ее сына, продолжалось недолго: 25 ноября 1741 года очередной дворцовый переворот возвел на престол дочь Петра I Елизавету. И теперь уже Миних был арестован и, как и Бирон, сослан в Пелым. По пути в Сибирь он встретил совсем еще недавно всесильного Бирона, которого по милости новой императрицы везли в Ярославль, где ему суждено было провести 20 лет.

Царственное же семейство — Иван Антонович со своей матерью Анной Леопольдовной — было арестовано, сослано в Ригу. Потом была крепость под Ригой, Холмогоры. С 1744 года Иван Антонович содержался отдельно от родителей, в 1756 году был заточен в Шлиссельбургскую крепость. Ему была уготована судьба Железной маски — по разным версиям двойника или же брата-близнеца Людовика XIV: никто не должен был видеть возможного претендента на российский престол, никто не должен был знать ни его имени, ни состояния. Его тайно посещали Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II. В июле 1764 года при попытке поручика Василия Мировича освободить Ивана Антоновича и вернуть ему русский трон узник Шлиссельбургской крепости, согласно инструкции, был убит охранявшими его стражниками и там же, в Шлиссельбургской крепости, тайно похоронен.

Автор самого известного сочинения о Железной маске (этот сюжет не раз был экранизирован в XX веке) заинтересовался трагической историей Ивана Антоновича, в которой в самом деле много романтического. Александр Дюма написал о нем в своих «Путевых впечатлениях в России» (французский писатель посетил наше Отечество в 1858–1859 годах). Написал с сочувствием к несчастной участи бедного страдальца:

«Этот младенец заплатил за свое краткое царствование, такое краткое, что современники его почти не заметили и о нем едва упоминается в истории, двадцатью годами крепости, десятью годами безумия и страшной смертью»^{21}.

Нужно ли говорить о том, что Иван Барков был среди тех современников Ивана Антоновича, которые не заметили краткого его царствования?

Итак, в 1741 году Иоанна VI на троне сменила Елизавета Петровна. 27 ноября 1741 года

«Санктпетербургские ведомости» оперативно информировали об этом читателей, опубликовав манифест. Публикация, на наш взгляд, заслуживает внимания, а потому приведем заинтересовавший нас документ полностью.

«В Санктпетербурге ноября 27 дня

В прошедшую среду, то есть 25 числа сего месяца, соизволила Ея Императорское Величество наша всемилостивейшая Государыня Елисавет Петровна по всеусердному и единогласному прошению верных своих подданных как духовных, так и светских чинов, восприять принадлежащей Ея Величеству от давнаго времени по близости крови, самодержавный Всероссийский родительский престол: о чем того же дня опубликован был следующий манифест.

Божию милостию мы Елисавет Первая, императрица и самодержавица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая объявляем во всенародное известие.

Как то всем уже чрез выданный в прошлом 1740 году в Октябре месяце 5 числа манифест известно есть что блаженные памяти от Великия Государыни Императрицы Анны Иоановны при кончине Ея наследником Всероссийского престола учинен Внук Ея Величества, которому тогда еще от рождения несколько месяцев только было, и для такого Его младенчества правление государственное чрез разные персоны и разными образы происходило, от чего уже как внешние так и внутри государства безпокойства и непорядки, и следовательно немалое же разорение всему государству последовало б; того ради все наши как духов-наго, так и свецкаго чинов верные подданные, а особливо Лейб гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы для пресечения всех тех произшедших и впредь опаасаемых безпокойств и непорядков, яко по крови ближняя отеческий Наш

престол всемилостивейше воспрять соизволили, и по тому Нашему законному праву по близости крове к самодержавным Нашим родителям Государю Императору ПЕТРУ Великому и Государыне Императрице ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, и по всеподданнейшему наших верных единоголосному прошению тот наш отеческий Всероссийский престол всемилостивейше воспрять соизволили, о чем впредь со обстоятельством и с довольным изъяснением манифест выдан будет, ныне же по всеусердному всех наших верно подданных желанию всемилостивейше соизволяем в том учинить Нам торжественную присягу ноября 25 дня 1741 года.

Подлинный подписан

собственною Ея

Императорскаго Величества рукою, тако:

Елизавет.

Печатан

в Санктпетербурге

при Сенате

Ноября

25 дня 1741 года»^{22}.

Документ замечательный во многих отношениях. Прежде всего обратим внимание на то, как грамотно обоснована необходимость смены власти: Иоанн VI, не названный по имени, — младенец. Что с него взять? Управление страной регентами при нем, также не названными по имени (их, как и царя-младенца, надлежало как можно скорее забыть), привело к «беспорядкам», «беспокойствам и непорядкам» как во внешней, так и во внутренней политике, из чего возникла угроза «разорения всему государству». Многократно, настойчиво повторяется мотив, как сказали бы в советское время, «идя навстречу пожеланиям трудящихся». При этом не забыты не только светские и духовные лица, но и армия,

гвардейцы. Так сказать, заявлено единство армии и народа. Заявлено и право по крови на престол: Елизавета не десятая вода на киселе, а как-никак дочь Петра Великого. Всё правильно, всё законно. А стране нужен порядок. Обывателям оставалось только поздравлять друг друга, обниматься, лобызаться и проливать слезы радости.

Елизавете Петровне предстояло царствовать 20 лет. В это время Барков станет подростком и юношей, будет учиться в Александро-Невской семинарии, а потом, по представлению экзаменовавшего его Ломоносова, — в Академическом университете, трудиться в Академической типографии и в Академической канцелярии. В это время Барков начнет писать стихи...

Какой была Елизавета Петровна? Ее несравненная, ослепительная красота запечатлена живописцами. О ней писали современники. Екатерина II, рассказывая в своих «Записках» о придворном маскараде 1744 года, в котором по прихоти Елизаветы Петровны мужчины нарядились в дамские костюмы, а дамы — в мужские, признается: «Действительно и безусловно хороша в мужском наряде была только сама императрица, так как она была высока и немного полна. Мужской костюм ей чудесно шел». Выразив свое восхищение прекрасными, удивительно стройными ножками государыни, Екатерина II заметила: «Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала одинаково в мужском и женском наряде. Хотелось бы все время смотреть не сводя с нея глаз и только с сожалением их можно было оторвать от нея, так как не находилось никакого предмета, который с ней сравнялся»^{23}.

Разумеется, красавица-императрица любила наряды, празднества, увеселения. Она была милосердна: при вступлении на престол обещала отменить смертную казнь и отменила, что, впрочем, не отменяло других

жестоких наказаний. Когда красавица Наталья Федоровна Лопухина, недовольная тем, что был арестован и сослан ее любовник граф Левенвольде, имела неосторожность в узком дружеском кругу высказать свое недовольство, ее обвинили в политическом заговоре. В 1743 году Лопухину публично высекли плетью «с урезанием языка» и сослали в Сибирь, где ей суждено было прожить до воцарения Екатерины II.

*Ау, века!! Ах, где ты, где ты —
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной,
Палач в подаренной рубахе
К ногам Царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!..
И крикнул с пьяною усмешкой: —
«Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь, аль нет?!» —
Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисавет!{24}.*

Елизавета Петровна не была лишена чувствительности. Увидев однажды стадо быков и узнав, что их гонят на бойню, она заплатила за них деньги и спасла животных от гибели.

Императрицу отличала набожность. Она строго соблюдала посты, любила церковное пение. В церковные праздники приглашала из Москвы голосистых дьяконов: никому лошадей не давали, пока они не домчатся до Петербурга. Да и сама Елизавета Петровна пела на клиросе.

Елизавета часто приезжала в Александро-Невский монастырь. Барков, как и другие семинаристы, мог

созерцать молящуюся императрицу во время похорон царственных и именитых персон.

21 марта 1746 года в монастыре хоронили Анну Леопольдовну, мать Ивана Антоновича. Она скончалась в Холмогорах от родильной горячки. «Императрица горько плакала, узнав эту новость; она приказала, чтобы тело ее было перевезено в Петербург для торжественных похорон, — вспоминала Екатерина II в своих «Записках». — Приблизительно на второй или третьей неделе Великого поста тело прибыло и было поставлено в Александро-Невской Лавре. Императрица поехала туда и взяла меня с собой в карету; она много плакала во время церемонии»^{25}.

Елизавета Петровна ежегодно бывала в монастыре в день перенесения мощей Александра Невского. Невский монастырь был построен при Петре I на том месте, где, по преданию, князь в 1240 году одержал победу над шведами. По велению Петра в 1724 году из Владимира сюда были перенесены мощи святого Александра Невского. Была учреждена награда — орден Александра Невского. Каждый год 30 августа кавалеры ордена шли от Казанской церкви в Александро-Невский монастырь. После литургии они обедали в трапезной на втором этаже братского корпуса вместе с императрицей.

Между тем государственная жизнь шла своим чередом. Государыня подписывала указы самого разного свойства. Они касались сношений с другими странами, военных действий, торговли, строительства, устройства питейных заведений, мер по пресечению разбоев et cetera, et cetera.

В 1736 году предшественница Елизаветы Петровны на троне Анна Иоанновна издала указ, согласно которому «непотребных женок и девок, содержимых у себя вольнодумцами и трактирщиками, оных опрося, буде не беглые окажутся, тех высечь кошками

(плетками с хвостами из морской пеньки. — *Н. М.*) и из тех домов их выбить вон»^{26}.

Елизавета Петровна тоже следила за нравственностью: в 1743 году она повелела, чтобы мужчины и женщины в торговых банях вместе не парились.

А в 1750 году императрица проявила непреклонность, узнав о содержательнице борделя на Вознесенской улице, некой Дрезденше (вероятно, немка прибыла в Петербург из Дрездена). 25 июня действительному статскому советнику Василию Ивановичу Демидову было поручено сыскать Дрезденшу, заточить ее вместе с «непотребными женками и девками» в крепость, наказать кнутом и отправить морем за границу с тем, «чтоб им впредь в Россию не приезжать под жестоким наказанием»^{27}. Поручение императрицы касалось и других борделей, которые надобно было выявить. В. И. Демидов сообщал Елизавете Петровне о первых результатах расследования:

«По Высочайшему Вашего Величества указу непотребная Дрезденша по прибытии моем на другой день к ночи в наемной ее квартире на Васильевском острове через употребленного через меня полицейского асессора Бекетова сыскана и взята в крепость. При ней две девки иностранных. Одна вынута из сундука. А при допросе ее из доброй воли через немалое увещание под пристрастием батоков ни в чем непотребном не признавалась, а потом под кошками многие гнезда непотребных открыла. Каких через три ночи поныне сыскано сводниц и блудниц больше пятидесяти человек в разных местах, дворах и трактирах, в шкапах и под кроватями... А по росписям надеюсь нарочитое стадо собратся их может, ибо как слышу многие места на Адмиралтейской, и на Литейной стороне, и на Васильевском острове наполнены, да и в Миллионной есть»^{28}.

В конце августа 1750 года Демидов докладывал императрице о том, что «в Калининском каменном доме (в 1762 году там будет создан исправительный дом для гулящих девок. — *Н. М.*) имеется собранных непотребных сводников, сводниц и блудниц иноземцев — 90, русских — 88. Итого — 178. В том числе мужчин — 29, женщин — 149»^[29]. Среди них, по-видимому была и сводня по прозвищу Бандурщица.

Бандурщица, Дрезденша, а может быть, какая-нибудь петербургская Панкратьевна, «вся провонявшая и чесноком и водкой», — студенту Академического университета Баркову и его разгульным однокашникам было к кому обратиться по надобности и до, и после кампании по искоренению блуда. Императрице не удалось здесь одержать победу. Зато несомненные победы и успехи сопровождали ее царствование на поприще просвещения и на театре военных действий.

На лирах бряцали Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. К ним присоединили свои голоса В. П. Петров и М. М. Херасков. Баркову было у кого учиться поэзии.

В 1750 году актер Ф. Г. Волков в Ярославле открыл первый русский театр.

В 1754 году началось строительство Зимнего дворца по проекту блистательного архитектора Растрелли. Оно завершилось в 1762 году уже после кончины Елизаветы Петровны. Дворец и поныне остается украшением Петербурга.

В 1755 году открыт Московский университет, который по сей день является главным высшим учебным заведением России и носит имя М. В. Ломоносова, принявшего деятельное участие в его создании. В 1755 году ученики Ломоносова и соученики Баркова по Академическому университету Николай Поповский и Антон Барсов стали преподавателями Московского университета. На его открытии Барсов выступил с речью о пользе этого «храма наук».

В 1757 году была учреждена Академия художеств.

В царствование Елизаветы Петровны Россия завоевала воинскую славу.

В 1743 году шведская флотилия была уничтожена у острова Корпо, взят Гельсингфорс. По Абоскому мирному договору Россия получила некоторые Финляндские провинции.

В 1756-1762 годах Россия принимала участие в Семилетней войне, вместе с Францией и Австрией воевала против Пруссии. И здесь были победы: в 1757 году пруссаки были разбиты у деревни Гросс-Егерсдорф; в 1758 году взят Кенигсберг, Восточная Пруссия присоединена к России; в 1759 году — победа при Кунерсдорфе; в 1760 году взят Берлин.

В 1761 году после осады взята крепость Кольберг в Померании. В сражении при Кольберге начинал свою военную карьеру великий полководец А. В. Суворов.

Елизавете Петровне не суждено было дожить до окончания Семилетней войны. 25 декабря 1761 года на праздник Рождества Христова у нее горлом пошла кровь, и она скончалась, простившись перед смертью со своим племянником Петром Федоровичем, которого еще в 1744 году объявила наследником российского престола, и его супругой Екатериной Алексеевной (в 1762 году ей суждено было стать Екатериной Второй). Елизавета Петровна в 1754 году успела порадоваться рождению их сына Павла, который в 1796 году займет русский трон. Хоронили Елизавету уже в 1762 году в Петропавловском соборе.

Вступивший на престол Петр III был на четыре года старше Баркова. Он любил театр, живопись и музыку, играл на скрипке. В детстве самозабвенно играл в солдатики. Став императором, с упоением маршировал на плацу в прусском мундире. Кумир Петра III — король Пруссии Фридрих II, с которым, едва вступив на престол, русский монарх начал переговоры о заключении мира.

Семейная жизнь Петра Федоровича с самого начала не задалась. Екатерина II вспоминала о раздражительности, грубости, жестокости своего супруга. Замученные им животные, конечно, вызывают жалость. И все же императору были свойственны и нежные чувства, и искренняя привязанность. Он любил свою фаворитку Елизавету Романовну Воронцову, пожаловал ей орден Святой Екатерины (говорили, что император собирался на ней жениться, разумеется, после того, как заточит Екатерину в монастырь). Петр III любил своего слугу — арапа Нарцисса и свою маленькую собачку.

Император был не чужд состраданию. В начале 1762 года прощение было даровано нескольким десяткам тысяч несчастных, осужденных в царствование Елизаветы Петровны. По манию Петра III семействам возвращены узники Сибири. Среди освобожденных были Миних и Бирон. Миних и при Петре III оставался фельдмаршалом, стал членом Совета при государе. Бирон дождался царских милостей уже при Екатерине II.

Восшествие на престол Петра III восторженно приветствовали одонисцы Ломоносов, Сумароков и Херасков.

*Весельем многим восхищена
Россия входит в новый рай;
Народна радость невмещенна
Простерлась света в дальний край...{30}*

10 февраля пышно праздновался день рождения императора.

«Сего месяца 10 числа высочайший день Рождения Его Императорского Величества, нашего всемилостивейшаго Государя, празднован был в Сарском селе при собрании знатнейших обоего пола персон. По

утру после окончания Божественной литургии Его Императорскому Величеству ото всех присутствующих приносимы были всеподданнейшие поздравления, причем из поставленных перед дворцом пушек производилась пушечная пальба. О полудни был великолепный стол, а в вечеру концерт, после которого перед дворцом зажжен фейерверк, представляющий в аллегорическом изображении нечаянную кончину блаженных и вечной славы достойная памяти Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, и паки обрадованную Россию благополучным вступлением на Всероссийский престол Его Императорского Величества, вождя нашего Отца отечества»^{31}.

«Санктпетербургские ведомости», сообщившие о Царскосельском празднике 19 февраля, поместили и описание поистине грандиозного фейерверка. Затейливую декорацию украшали аллегорические фигуры Минервы и Беллоны, Благополучия и Славы Российской империи. Российский герб был увенчан лавровым венком и цветочной гирляндой. И, конечно же, вспыхивали огни, рассыпаясь множеством звезд в Царскосельском небе.

«Оду на всерадостный день рождения Его Величества Благочестивейшаго Государя Петра Федоровича Императора и Самодержца Всероссийскаго» сочинил Иван Барков. Ода была напечатана, вышла в свет отдельным изданием. 13 февраля указом президента Академии наук К. Г. Разумовского Барков был произведен в академические переводчики. Жизнь налаживалась...

Царствование Петра III было недолгим — всего шесть месяцев. Но за эти шесть месяцев он, как заметил Н. М. Карамзин, «подписал два указа, славные и бессмертные»^{32}. Это указы о вольности дворянства и об уничтожении Тайной разыскных дел канцелярии.

«...Из Высочайшей нашей Императорской милости, отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем Мы всему Российскому благородному Дворянству вольность и свободу»^{33}.

Дворяне освобождались от обязательной государственной службы, получали исключительные привилегии (в частности, избавлялись от телесных наказаний).

«Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества. Все испрыгались почти от радости и, благодаря государя, благославляли ту минуту, в которую «угодно было ему подписать указ сей»^{34}, — вспоминал известный мемуарист А. Т. Болотов.

В Петербурге члены Правительствующего Сената обратились к Петру III с просьбой дать согласие на сооружение благодарным дворянством золотой статуи государя. Император в свою очередь благодарил за это предложение, но заметил: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных»^{35}.

«Приносится в знак благодарности за беспримерное и милосердное пожалование вольностью российских дворян» — такой подзаголовок дал своей оде, посвященной Петру III, А. А. Ржевский:

*Дивяся я не знаю,
Щедроту пев его,
Монарха ль воспеваю,
Отца ли своего?..^{36}*

Хорошие примеры тоже бывают заразительны. Фридрих II, взойдя на престол, отменил в 1740 году

пытку. Петр III упразднил Тайную канцелярию:

«...Отныне Тайной розыскных дел Канцелярии быть не имеет, и она уничтожается, а дела, есть ли б иногда такие случились, кои до сей Канцелярии принадлежали б, смотря по возможности, рассматриваемы и решены будут в Сенате»^{37}.

Баркова должен был порадовать этот манифест: в 1751 году ему довелось под караулом быть доставленным в Тайную канцелярию и на себе испытать тяготы ее сидельца.

Далеко не все государственные постановления Петра III вызывали восторг и одобрение подданных. И в уничтожении Тайной канцелярии некоторые усматривали слабость государя. Указ о полной секуляризации церковных земель (то есть об их конфискации и превращении в государственную собственность) давал повод говорить о неуважении Петра III к Русской православной церкви. И даже мирный договор, подписанный 24 апреля 1762 года с королем Пруссии Фридрихом II, заставил роптать многих, особенно военных. Еще бы: по мирному договору Пруссии возвращались все завоеванные Россией территории! А как же слава русского оружия?!

«Вечный мир», заключенный с Пруссией, торжественно праздновался с необходимой в таких случаях пышностью и царственным величием. Литургия в придворной церкви, проповедь преосвященного Димитрия Новгородского, ружейная и пушечная пальба... Парадный обед в Зимнем дворце (на нем присутствовало около пятисот персон), игра на трубах и литаврах, музыка, фейерверк... К торжествам в одном из залов дворца был сооружен храм из хрустальных колонн со статуей Ирины, символизирующей мир: она «цветочной гирляндой связывала два щита с вензелями императора и короля Пруссии»^{38}.

И Барков внес свою лепту в торжества по случаю заключения вождеденного и вечнославного мира с Пруссией. Он перевел драматическое сочинение итальянца Лодовико Лазарони «Мир героев», правда, перевел не с итальянского оригинала, а с немецкого перевода. Придворный капельмейстер Манфредини написал музыку, и спектакль, действующими лицами которого были Мир, Добродетель, Заслуга, Мужество, Юпитер, Меркурий (причем все, как было указано в издании пьесы, «на службе Его Императорского Величества»), благополучно поставлен. Вероятно, и переводчик Барков находился среди тех, кто наслаждался ярким театральным зрелищем.

28 июня 1762 года был разыгран другой — исторический — спектакль. Против Петра III давно зрел заговор, но именно 28 июня ранним утром запряженная восемью лошадьми карета увозила Екатерину Алексеевну из Петергофа в Петербург. Один из заговорщиков, Алексей Орлов, доставил ее в казармы Измайловского полка с тем, чтобы измайловцы, а вслед за ними другие гвардейские полки присягнули новой императрице.

«Нужно было прочесть манифест. Манифест второпях не был заготовлен. Не знали, что делать. Заметив общее недоумение, кто-то в синем сюртуке выходит из толпы и вызывается прочесть манифест. Соглашаются. Он выходит вперед, вынимает из кармана какую-то бумагу и начинает будто по ней читать наобум и экспромтом манифест обыкновенного в таких случаях содержания. Этот импровизатор был актер Волков (речь идет об основателе русского театра Ф. Г. Волкове. — *Н. М.*)»^{39}.

Приведенный рассказ из «Записной книжки» П. А. Вяземского не имеет достоверного подтверждения, но он очень точно отражает театральность очередного дворцового переворота. Что же касается манифеста, то

в тот же день, 28 июня, он был обнародован, и в нем, как всегда, говорилось о том, что вступление на престол Екатерины II было продиктовано желанием всех верноподданных, необходимостью защитить Русскую православную церковь и государственные интересы России, поддержать славу русского оружия.

Сопровождаемая Измайловским и Семеновским полками, Екатерина отправилась в Казанскую церковь, где ее провозгласили императрицей. Затем в Зимнем дворце ей присягнули Сенат и Синод. Окружившая дворец четырнадцатитысячная толпа — народ и армия — приветствовали восторженными криками государыню, объезжавшую полки. Вечером 28 июня Екатерина II в гвардейском мундире верхом на белом коне вернулась в Петергоф.

«...К толпе подъехала на белом коне девица Штокфиш, сопровождаемая шестью пьяными солдатами... Толпа заволновалась.

...выкатить им три бочки пенного! — воскликнула неустрашимая немка, обращаясь к солдатам, и, не торопясь, выехала из толпы.

— Вот она! вот она, матушка-то наша Амалия Карловна! теперь, братцы, вина у нас будет вдоволь! — гаркнули атаманы-молодцы вслед уезжающей»^{40}.

Салтыков-Щедрин точен. Очевидец событий Г. Р. Державин, который служил тогда в Преображенском полку, вспоминал:

«Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатеми вино, водку, пиво, мед, шампанское и всяким другия вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и боченки, что у кого случилось»^{41}.

Любопытно, где был Барков во время всеобщего возлияния?

Само собой разумеется, что потом от государыни воспоследовали награждения заговорщикам — земельные угодья, крепостные души, денежные суммы...

Между тем в этот же день 28 июня Петр III со свитой вернулся из Ораниенбаума в Петергоф и не застал там супругу. Император заметался. Попытка захватить Кронштадт не увенчалась успехом. От плана плыть в Ревель с тем, чтобы потом возглавить те части русской армии, которые находились за границей, Петр III отказался. Он возвратился в Ораниенбаум.

29 июня Екатерина II заняла Петергоф. Петр вынужден был подписать добровольное отречение от престола. Его доставили в Петергофский дворец. Петр Федорович просил, чтобы ему привезли его скрипку, любимую собачку, арапа Нарцисса и возлюбленную Елизавету Романовну Воронцову. Но ее он не увидел больше никогда. Низложенного императора увезли в Ропшу, находившуюся недалеко от Петербурга, на мызу, которую некогда подарила ему покойная Елизавета Петровна. Екатерина II торжественно прибыла в Петербург. «Так кончилась эта революция, самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоящая ни одной капли крови, настоящая дамская революция», как заметил В. О. Ключевский^{42}.

Исторический водевиль завершился, однако, трагическим финалом. В июле 1762 года Петр Федорович умер в Ропше при загадочных, до сих пор не вполне проясненных обстоятельствах. В его убийстве признался А. Г. Орлов, но впоследствии было доказано, что его «признательное» письмо было фальсифицировано Ф. В. Ростопчиным. По одной из версий император был задушен ружейным ремнем, и совершил это убийство А. М. Шванвич, отец М. А. Шванвича, примкнувшего впоследствии к Пугачеву. По официальной же версии Петр III скончался от геморoidalных колик. И еще одна версия, ставшая

легендой в различных вариантах: Петр III чудесно спасся от смерти.

Петр III не успел короноваться на царство. Это сделала его вдова. 22 сентября 1762 года в Успенском соборе Московского кремля состоялась торжественная церемония коронации Екатерины II.

Как водится, Ломоносов и Сумароков написали по сему случаю торжественные оды «в изъявление истинной радости и верноподданного усердия»:

*Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род^{43}.*

Ломоносову вторил Сумароков:

*О час неслыханный отрады!
Ликуйте вы российски грады,
И восклицайте до небес;
Цветет приятность райска крина.
Взошла на трон Екатерина:
Сам Бог ее на трон вознес^{44}.*

Начиналось царствование Екатерины Великой, которое завершится с ее кончиной в 1796 году. Баркову оставалось жить шесть лет.

«Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России, — писал Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века». — Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и

ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званных и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя славного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною честь воинской ее славы...» (VIII, 91).

Острая публицистическая характеристика Екатерины II, ее психологическая характеристика, предложенная Пушкиным, исторически точны. Впрочем, это не отменяет признание Пушкиным ее заслуг перед Отечеством — в укреплении русской государственности, в просвещении, образовании, культуре.

На шесть лет оставшейся жизни Баркова приходится реформаторская деятельность Екатерины II, стремившейся продолжить политику Петра I. Впереди — восстание под предводительством Пугачева, Великая французская революция. Эти бурные исторические события испугают русскую императрицу. Но они — впереди. А пока Екатерина II учреждает Тайную экспедицию — высший орган политического надзора и сыска, реорганизует Сенат, разделив его на шесть департаментов, издает манифест о секуляризации церковных владений, продолжает Генеральное межевание, то есть установление границ землевладений. Еще государыня открывает Смольный институт благородных девиц, основывает Императорский Эрмитаж. Но, пожалуй, главное все же — манифест, изданный в декабре 1766 года о созыве

Уложенной комиссии: в 1767-1768 годах комиссия работает по созданию нового свода законов вместо Уложения 1649 года. Соученик Баркова по Академическому университету А. А. Барсов (он был одним из лучших учеников Ломоносова) сочинял многие проекты для комиссии.

Время течет как река в бесконечность. Прошрое в прошлом. Оставим его. Сквозь пальцы песком высыпается вечность. В ладонях осталась всего ничего^{45}.

В 1765 году в вечность ушел учитель Ломоносов. Его ученик Барков, лишившись покровительства учителя, в 1766 году был уволен из Академии наук. Баркову осталось «всего ничего». Через два года, в 1768-м, часы, отмерявшие его время, остановились. Это случилось в Петербурге. А где именно в Петербурге — Бог знает...

Глава вторая

МЕСТО. ПЕТЕРБУРГ

*Белой, мертвой странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Станный город Петербург!*

Николай Агнивцев. Белой ночью

Если сегодня мы придем на Большую Морскую улицу к дому № 61, то увидим на его фасаде мемориальную доску с надписью «На этом месте находился дом-усадьба, где жил и работал с 1757 по 1765 год великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов». Сюда в его двухэтажный дом с мезонином и двумя флигелями в 1759 году ежедневно приходил Барков — ему было поручено Академической канцелярией переписывать «Древнюю Российскую историю» Ломоносова. Барков и раньше бывал в этом доме, выполняя работу по переписке сочинений и деловых бумаг Ломоносова, копируя необходимые для него документы и рукописи. Возле дома были фруктовый сад и пруд, который выкопали на случай пожара. В усадьбе находилась домашняя астрологическая обсерватория, были построены мастерская по набору мозаичных картин и жилой дом для мастеров. Сегодня от всего этого осталось только место, мемориальная доска. Впрочем, река Мойка, на которую выходил фасад дома Ломоносова, всё та же...

На Университетской набережной в доме № 1 находится Зоологический институт Российской Академии наук, который размещается в здании пакгауза Петербургской таможни. Пакгауз же был построен на

месте дворца царицы Прасковьи Федоровны, жены брата Петра I Ивана. Дворец по ветхости был разобран в 1820 году. А до того дворец после смерти Прасковьи Федоровны по указу Екатерины I был передан Академии наук. Там находились зал Академического собрания, Географический департамент, Художественные палаты и типография. Там не единожды бывал Барков. Там он служил и учеником наборщика в типографии, и академическим копиистом, а потом переводчиком. Сегодня дворец Прасковьи Федоровны можно увидеть на гравюре Г. А. Качалова, выполненной по рисунку М. Ю. Махаева в середине XVIII века.

К счастью, здание Кунсткамеры, которое располагалось рядом с дворцом Прасковьи Федоровны и также было передано Екатериной I Академии наук, сохранилось. Оно было построено по замыслу Петра I для библиотеки и естественно-научного музея, названного Кунсткамерой, то есть кабинетом редкостей (от нем. *Kunstkamera*). Здесь разместились библиотека Академии наук, музей, Академическая канцелярия, анатомический театр, астрологическая обсерватория. Конечно, Барков еще в детстве видел здание Кунсткамеры с ее башней, купол которой украшен сферой. В 1747 году Кунсткамера пострадала от пожара, в пламени которого сгорели многие книги, ценные музейные предметы, знаменитый Готторпский глобус, подаренный Петру I в 1713 году голштинским герцогом. Через десять лет после пожара здание было восстановлено. Барков приходил сюда и в библиотеку, и в Академическую канцелярию. Сегодня здесь находится музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера Российской Академии наук); третий, четвертый и пятый этажи башни занимает музей Ломоносова. Что же касается библиотеки Академии, то после пожара в Кунсткамере в 1901 году она переехала (правда, только в 1924 году) в специально построенное

для нее здание на Васильевском острове по адресу: Биржевая линия, дом 1. Сейчас там хранятся более девятнадцати миллионов книг. Среди них есть книги (хочется верить в это), которые держал в руках Барков.

В сентябре 1747 года Академия наук сняла дом баронов Строгановых на стрелке Васильевского острова для Университета и Гимназии, а также для студенческого общежития сроком на шесть лет, то есть как раз на то время, когда в Гимназии и Университете (с 1748 по 1751 год) учился Барков. Дом баронов Строгановых был построен во второй половине 1710-х годов, снесен в начале XIX века, когда возводилось новое здание Биржи. Его можно увидеть на гравюре с работы неизвестного художника начала XIX века. Дом был трехэтажным с одним подвальным этажом. Гимназия и Университет занимали второй и третий этажи. На месте дома баронов Строгановых, в котором жил и учился Барков, сейчас находятся Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) и Институт физиологии имени И. П. Павлова. Неприкаянная тень Баркова мечется по лестницам, коридорам и кабинетам Пушкинского Дома, где хранятся «сокровища родного слова» — рукописи А. С. Пушкина и других поэтов и писателей-классиков, где хранятся и списки его, Баркова, сочинений.

*Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать,
И медленно от нас уходят тени...[{46}](#)*

Так где же искать сегодня Петербург Баркова? Ведь даже пушкинский Петербург дошел до нас отнюдь не в

первозданном виде. Почти все сохранившиеся до наших дней архитектурные ансамбли пушкинской эпохи перестраивались, так или иначе изменили свой первоначальный облик. Нам трудно представить, что во времена Баркова не было многих величественных и прекрасных зданий и памятников, которыми мы любимся сегодня. Не было Казанского собора, задуманного Павлом I как своего рода ремейк собора Святого Павла в Риме и возведенного по проекту А. Н. Воронихина уже в царствование Александра I в 1811 году. А при Петре I на месте Казанского собора была часовня с иконой Казанской Божьей Матери, доставленной из Москвы. В 1737 году (Баркову тогда исполнилось пять лет) на месте часовни построили церковь Рождества Богородицы, которую уже тогда называли Казанским собором. Во времена Баркова не было Исаакиевского собора, арки Генерального штаба, Александрийского столпа, увенчанного на вершине фигурой ангела с крестом, попирающим змея. Не был еще построен Михайловский дворец. И Фальконетов монумент Петра Великого на взнузданном коне не простирали к Неве царственную десницу.

Так что же все-таки было в Петербурге Баркова? И что же от него — пусть в перестроенном, пусть в изменившемся виде — осталось?

Александр-Невский монастырь. Там в духовной семинарии с 1744 года в течение почти пяти лет обучался Барков. Там покоились и покоятся по сей день останки царственных особ, вельмож, знаменитых исторических деятелей. Там обрел последнее пристанище Ломоносов.

Петропавловская крепость, Адмиралтейство, домик Петра I, дворец А. Д. Меншикова... Мы и сегодня можем туда прийти.

Летний сад, задуманный Петром I как сад-музей, сад-школа, украшенный аллегорическими скульптурами

«Слава», «Милосердие», «Мир и изобилие», скульптурными изображениями персонажей басен Эзопа. По заказу Петра I многие статуи были выполнены известными итальянскими мастерами. Античная статуя Венеры была приобретена у Римского папы. Вряд ли петербургский священник, отец Баркова, своего сына «Слегка за шалость бранил /Ив Летний сад гулять водил». Но, конечно, Баркову случалось приходить в Летний сад. Правда, ему не довелось полюбоваться знаменитой решеткой Летнего сада. Она появилась позже и стала одной из достопримечательностей Петербурга. Александр Дюма в своих «Путевых впечатлениях в России» писал о том, как некий англичанин приплыл в Петербург единственно для того, чтобы увидеть решетку Летнего сада.

Зимний дворец был достроен только в 1762 году. Петр III переехал туда к празднику Пасхи. Но вся площадь перед дворцом была занята всевозможными сараями, в которых жили мастеровые, завалена грудami мусора. Тогда петербургским жителям объявили, что они могут всё взять себе безденежно. А. Т. Болотов вспоминал об этом так:

«Весь Петербург властно как взбеленился в один миг от того. Со всех сторон и изо всех улиц бежали и ехали целые тысячи народа. Всякий спешил, и желая захватить что-нибудь получше, бежал без ума, без памяти, и добежав, кромсал, рвал и тащил, что ни попадалось ему прежде всего в руки, и спешил относить или отвозить в дом свой и опять возвращаться скорее. Шум, крик, вопль, всеобщая радость и восклицания наполняли тогда весь воздух, и все сие представляло в сей день редкое, необыкновенное зрелище, которым довольно налюбоваться и навеселиться было не можно. Сам государь не мог довольно нахохотаться, смотря на оное. <...> И что ж? Не успело истинно пройтись несколько часов, как от всего несметного множества

хижин, лачужек, хибарок и шалашей не осталось ни одного бревнышка, ни одного отрубочка, и ни единой дощечки, а к вечеру, как не бывало всех щеп, мусора и другого дрязга, и не осталось ни единого камешка и половинки кирпичной. Все было свезено и очищено, и на все то нашлись охотники»[{47}](#).

Иван Барков мог наблюдать описанное А. Т. Болотовым зрелище.

Во времена Баркова Петербург был городом-стройкой. На баржах и телегах везли бревна, камень, кирпич, глину, песок, известь. Осушались болота, разбивались сады. Мостились мостовые, строились каменные дома, в гранит одевались набережные. Над Невой, реками и каналами сооружались мосты. Из камня воздвигались храмы, хотя оставалось еще много деревянных церквей, как и много деревянных домов и построек. Знаток петербургского старого быта М. И. Пыляев писал:

«В царствование Елизаветы церквей в Петербурге было немного. Все церкви тогда были низкие, невзрачные, стены в них увешены вершковыми иконами, перед каждою горела свечка или две, три, от этого духота в церкви была невообразимая. Дьячки и священники накладывали в кадиланицы много ладану, часто подделанного из воска и смолы, от это-гокдухоте примешивался еще и угар. <...> Иногда в церкви подгулявшие прихожане заводили между собою разговоры, нередко оканчивавшиеся криком, бранью и дракой.

Случалось также, что во время службы раздавался лай собак, забежавших в церковь, падали и доски с потолка. Деревянные церкви тогда сколачивались кое-как и отличались холодом и сыростью»[{48}](#).

И такие сцены сын священника Баркова мог наблюдать не единожды, и ему приходилось мерзнуть в сырой деревянной церкви.

Между тем царственный град Петра, созданный великим императором на непроходимых болотах, в дремучих лесах, изумлял и восхищал и русских, и иностранцев. Молодую столицу России изображали художники, прославляли ораторы, воспевали поэты. Офорты А. Зубова, созданные по рисункам М. Махаева, офорты Е. Виноградова, Г. Качалова, Л. Васильева запечатлели грандиозную панораму, проспекты, дворцы и набережные Петербурга, парусные корабли.

Похвальные «Слова» Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского, М. В. Ломоносова превозносили и Петра I, и его творение — Петербург.

«Чего ради, града сего кто не прославит? Кто до небес не вознесет похвалами? <...> Кто, глаголю, не удивится похвале града сего, происходящий от похвал создателя сего?»^{49} — вопрошал Гавриил Бужинский в «Слове в похвалу Санкт-Петербурга и его Основателя...», сравнивая новую столицу с Римом, Афинами и Фивами.

Ораторам вторили поэты Антиох Кантемир, Сумароков, Тредиаковский, Херасков.

*Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремится к пучине.
О! Прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе пристойный видим ныне*^{50} —

так Тредиаковский начинает свою «Похвалу Ижорской земле и царствующее граду Санкт-Петербургу».

*Красуйся, о Нева! Град славный протекая,
Где мудрость царствует и свой хранит устав,
Красуйся и теки, богиню прославляя,
И шумом умягчи врагов кичливый нрав!*^{51} —

воскликает неизвестный автор.

Когда А. Т. Болотов в 1761 году приехал в Петербург, вид величественного города его поразила до глубины души:

«Не успел я, приблизившись к Петербургу, усмотреть впервые золотые шпицы высоких его башен и колоколен, также видимый издалека и превозвышающий все кровли верхний этаж, установленный множеством статуй, нового дворца Зимнего, который тогда только что отделялся, и коего я никогда еще не видывал, как вид всего того так для меня был поразителен, что вострепетало сердце мое, взволновалась вся во мне кровь, и в голове моей, возобновись помышления обо всем вышеупомянутом, в такое движение привели всю душу мою, что я, вздохнув сам в себе, мысленно возопил:

— О град! град пышный и великолепный!.. Паки вижу я тебя! паки наслаждаюсь зрелищем на красоты твои! Каким ты будешь для меня в нынешний раз? До сего бывал ты мне всегда приятен»^{52}.

Великолепный, блистательный Петербург — это тоже Петербург Баркова. Конечно, и он мог видеть его таким — в лучах славы, в поэтическом ореоле. Но, разумеется, Петербург был для Баркова и будничным, повседневным. За пышным фасадом открывалось городское хозяйство с биржами, рынками, хлебными рядами, амбарами, богадельнями, аптеками, гостинными дворами, гаванями, верфями, конторами и прочая, и прочая, и прочая. К счастью, сведения обо всем этом (и еще о многих других реалиях петербургской жизни барковского времени) есть в петербургском издании 1997 года уникального памятника русской исторической и географической науки середины XVIII века. Это «Описание Санктпетербурга. Кратчайшее синопсическое описание, от части же топографическое изображение, показывающее о построении преименитаго, новаго в свете, царствующаго града Санктпетербурга,

новосочинившееся краткое сие описание трудами Андрея Богданова, императорской Академии наук при библиотеке помощника в Санктпетербурге. 1751». А. И. Богданов — старший современник Баркова. Он родился в 1696 году, то есть был старше нашего героя на 36 лет; умер двумя годами раньше — в 1766 году. Как знать, может быть, они были знакомы — ведь Барков посещал библиотеку Академии наук. Описание Петербурга сделано Богдановым на 1749-1751 год, опять-таки на время Баркова. Отсылаем читателя к этому замечательному сочинению. Позволим себе привести лишь некоторые сведения, почерпнутые из него. Они касаются питейных заведений — ведь Барков был другом Вакха:

«Кабаки, или Питейные Дома, прежде всего назывались «Кружалами», на которых продается в мелкия чарки вино, водка, пиво, и мед для подлаго народу.

а. На Санктпетербургской Стороне кабаков тридцать.

б. На Адмиралтейской Стороне сорок восемь кабаков.

в. На Литейной стороне девятнадцать кабаков.

г. На Выборгской стороне десять кабаков.

д. На Васильевском Острове четырнадцать кабаков.

Всего при Санктпетербурге сто двадцать один кабак»^{53}.

В 1750 году население Петербурга составляло 95 тысяч человек. Так что 121 кабак (и это при наличии других многочисленных заведений) — не так уж и мало. Баркову было куда направлять свои стопы для утоления жажды.

Богданов сообщает также о трактирах и питейных погребках: «питейных погребов имеется всех шестьдесят пять»^{54}. И еще о «премножестве» «по знатым улицам и перекресткам всюду» харчевен, лавочек, о том, что маркитантские торги ведутся и в разноску. Любопытно

приведенное Богдановым меню «для всяких рабочих людей и для скудных»:

- «1. В харчевнях варят щи с мясом
2. Уху с рыбой.
3. Пироги пекут.
4. Блины.
5. Трешневики.
6. Колачи простые и здобные.
7. Хлебы ржаные и ситные.
8. Квасы.
9. Збитень вместо чаю.

И тако сим весь подлой и работной народ довольствуется»^{55}.

По скудности своего жалованья и Баркову приходилось, по-видимому, сим довольствоваться.

Барков был еще и другом Венеры. Непотребных девок можно было сыскать чуть ли не во всех районах Петербурга. Об этом шла речь в первой главе нашей книги. Одним словом, и девок было предостаточно.

Случались в Петербурге и разного рода происшествия.

*По улицам слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
Так за Слоном толпы зевак ходили*^{56}.

Когда Баркову было четыре года, в 1736 году в Петербург из Персии был прислан слон. Его надобно было прогуливать. Это делалось не напоказ, а для слоновьего здоровья. Толпы народа сбегались поглазеть на слона, но поступали весьма недружелюбно, бросали в бедное животное камнями, а сопровождающего его персиянина избили палками. По сему случаю даже было

издано объявление обывателям «о неучинении помешательства слоновщику в провожании слона»^{57}.

В сентябре 1741 года (Баркову уже девять лет) в Петербург прибыло посольство от персидского шаха Надира с дарами, среди которых было 14 слонов. Слоны взбунтовались. Три слона сбежали из Слоновьяго двора (он находился тогда на Фонтанке). Но если двух вскоре поймали, то третий, как сообщали «Санктпетербургские ведомости», «пошел через сад и изломал деревянную изгородь и прошел на Васильевский остров и там изломал чухонскую деревню, и только здесь был пойман»^{58}.

Можно вообразить, сколько разговоров было в городе об этом происшествии.

Знаменитая юродивая Ксения предсказала кончину Елизаветы Петровны, умершей 25 декабря 1761 года. Юродивая ходила по Петербургу и приговаривала «Пеките блины, вся Россия будет печь блины!» Так оно и вышло — за поминальными блинами дело не стало. Опять же — городские разговоры и слухи...

Само собой разумеется — в большом городе были и разбои, и грабежи, и драки. На Фонтанке приказали владельцам дач вырубить леса, «дабы вора́м пристанища не было». И по Нарвской дороге вырубili леса, «дабы впредь невозможно было разбойникам внезапно чинить нападения»^{59}. На Невской перспективе, где тоже грабили, поставили пикеты из солдат. И в городе тоже грабили. Правительство принимало меры для наведения порядка. Но ничего не могло избавить Петербург от воров, от нищих и бродяг, от пьяных и непотребных девок. Были предприняты опять-таки безуспешные попытки искоренить излишне быструю езду: «Многие люди и извозчики ездят в санях резво, и верховые их люди перед ними обыкновенно скачут и на других наезжают, бьют плетью и лошадьми топчут»^{60}. Что и говорить, если на экипаж самого

Миниха наехали, да так, что зашибли его адъютанта, стоявшего на запятках. Наказания на такие провинности назначались по всей строгости: битье кошками, а то и смертная казнь. Но ведь какой же русский не любит быстрой езды? И Барков, наверное, любил быструю езду. Но своего экипажа у него, конечно, не было, разве что мог он ехать на извозчике, а по большей части ходил пешком, и у него, скорее, была опасность оказаться в числе пострадавших от удалой езды.

О драках в Петербурге следует сказать особо. Вернее, не столько о драках, которые часто затевались и иной раз превращались в настоящие побоища (такой, например, была драка 28 июля 1751 года на Исаакиевском мосту между кадетами Шляхетского корпуса и солдатами), сколько о кулачных боях (хотя подробнее об этом пойдет речь в пятой главе нашей книги). Драчун Барков (а он, будучи студентом Академического университета, не раз затевал драки, за что не раз был наказан) мог участвовать в кулачных боях, этой молодецкой забаве. Бои устраивались в праздники, особенно на Масленицу перед Великим постом. В течение недели петербуржцы предавались буйному веселью, катались с ледяных гор, мчались на разубранных лихих тройках, ели жирные блины, пили сбитень, а также и горячительные напитки. И еще участвовали в кулачных боях или же созерцали это захватывающее зрелище. Сначала дрались мальчишки — для «разогрева». А потом уже на их место заступали взрослые бойцы, шли стенка на стенку, стремились к тому, чтобы потеснить противника и обратить его в бегство. Бой был жестоким, хотя и по своим неписанным правилам. Били кулаками в голову, солнечное сплетение, под ребра. Нельзя было наносить удары в живот, бить поверженного наземь противника. Еще был кулачный бой один на один: силами мерялись недюженные бойцы-богатыри. Победа отмечалась

шумными возлияниями. Одним словом, как говорилось в поговорке: «Кулачный бой — душе разгул!» Душе Баркова всегда хотелось разгула, праздника. И не случайно, конечно, сочинил он «Оду кулашному бойцу».

В Петербурге были и другие праздники — церковные и гражданские, и тогда звонили колокола, гремели пушки, сверкали фейерверки (со времен Петра I эта огненная забава полюбилась российским императорам и императрицам). Во время праздников святых угодников — в дни святого благоверного великого князя Александра Невского, Предтечи Господня Иоанна, Архистратига Михаила, а также в страстную неделю все указом «от всяких государственных работ и дел уволены бывают»^{61}. И Барков, как все, в эти праздничные дни не работал.

Рассказывая о Петербурге Баркова, нельзя хотя бы не упомянуть о морозных жестоких зимах (Барков жаловался на худую одежду и обувь — каково-то ему было в петербургские морозы!), о жаре, которая иногда случалась в кратковременные летние месяцы, о слякотной весне и сырой осени, о белых ночах, к которым Барков, наверное, привык. И еще нельзя обойти вниманием те бедствия, которые пережил град Петра в годы жизни Баркова. Речь пойдет о пожарах и наводнениях.

11 августа 1736 года загорелся дом на Мойке, в котором жил персидский посол Ахмед-хан. Причиной этого пожара, который М. И. Пыляев называет «историческим», была нерадивость слуг: на дворе лежало сено, а они позволили себе (не соблюдая правила противопожарной безопасности) курить трубку. Довольно было одной искры, чтобы из нее возгорелось пламя. Огонь стремительно распространялся, перекинулся на близлежащие деревянные здания, стоящие на берегу Мойки, на Гостиный двор. Восемь

часов свирепствовала огненная стихия, уничтожив множество домов, причинив значительные убытки.

24 июня 1737 года загорелись два дома, в огне исчезли более тысячи домов, погибли несколько сот человек! Причиной этого пожара был поджог. Поджигателей поймали и наказали нещадно.

16 июля 1739 года напротив Выборгской стороны за Литейным двором загорелись баржи, груженные пенькой, рыбой, хлебом и маслом. А началось все с лучины, от которой на барже вспыхнула пенька.

И в 1748 году были частые пожары.

26 мая 1761 года пожар охватил Мещанские улицы. Всё полыхало с одиннадцати утра до позднего вечера. Императрица Елизавета Петровна, явившись к месту разрушительного бедствия, лично распоряжалась тушением пожара и спасением пожитков несчастных погорельцев.

В мае 1763 года огнем были уничтожены Гостиный двор и находящиеся рядом с ним здания на Васильевском острове.

Не только погорельцы, но и все жители Петербурга страдали от пожаров. Вслед за пожарами неизбежно дорожали жилье и съестные припасы. Впрочем, как свидетельствует В. Н. Авсеенко, «предметы первой необходимости в Петербурге с открытием Ладожского канала были недороги»^{62}. В его книге «История города С.-Петербурга в лицах и картинках. 1703–1903. Исторический очерк» приведены некоторые рыночные цены 1730-х годов, для нас любопытные:

«Четверик (26 кг) гречневых круп 34–40 коп., овса 15 коп., пуд (16 кг) ржаной муки 26–27 коп., крупчатой 75–78 коп., масла коровьего 1 руб. 25 коп., фунт (около 400 г) говядины 1 3/4 коп., гусь с печонкой 12 коп., солонина 3 коп., баранина 2 и 3 коп. за фунт»^{63}. Однако всё относительно. Как справедливо заметил автор биографического очерка о Баркове Н. С. Сапов,

«мизерного жалования академического копииста могло хватить разве что на водку, при тогдашней ее баснословной дешевизне. Для сравнения с окладом (годовой — в 1753 году Баркова — 36 р. плюс добавленные 14 р.) укажем, что за двадцать лет до этого (в 1735 году) при более низком уровне цен, жалование портомойницы в штате академической семинарии (открывшейся потом как гимназия и университет) было определено в 36 р. годовых, а на каждого ученика по плану ассигновалось (с учетом одежды, питания и т. п.) по 146 р. 60 1/2 коп»[{64}](#).

Бедствиям Петербурга с начала его основания были наводнения. При жизни Баркова они случались неоднократно. Сведения о них мы находим в изданной в Петербурге в 1826 году книге В. Н. Берха, почетного члена государственного Адмиралтейского Департамента «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге». Она основана на документальных материалах, в том числе донесениях и делах государственной Адмиралтейской Коллегии.

15 сентября 1732 года, в год рождения Баркова, «была опять высокая вода»[{65}](#).

10 сентября 1736 года «была очень высокая вода», «...были почти все части города затоплены. Ветер дул от запада с такою жестокостью, что по наблюдению оказалось, что он пробежал в одну секунду 123 фута». «13 декабря выступила она (вода. — Н. М.) опять из берегов»[{66}](#).

«Наводнение 1744 года достопамятнее всех бывших. Августа 17 дня настал жестокий ветер от севера-запада, и вода поднялась только до высоты 7 футов. Сентября 9 числа задул по утру сильный ветер от востока, который выгнал почти всю воду из каналов. После обеда начал ветер отходить, и установясь от юго-запада дул с неимоверной жестокостью целую ночь. <...> Наводнение было очень велико»[{67}](#).

*Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...
По утру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветра от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как Тритон,
По пояс в воду погружен (IV, 279).*

«1752 года, октября 22 числа в 10 часов вечера, настал жестокий шторм от юго-запада, причинивший мгновенное наводнение. Вода поднялась до высоты 9 И футов сверх ординара; все острова изключая Литейную и места около Невского Монастыря лежащая, покрыты были водою. Вскоре после полуночи сбыла вода с тою же быстротою»^{68}.

В 1752 году 25,27 и 28 октября поднималась вода: «28 октября невзирая на безветрие, стояла она целая

сутки и причинила много вреда жителям Васильевского острова»[{69}](#).

Наводнения были и в октябре 1755 года, и в сентябре 1756-го, и в августе 1762-го, и в ноябре 1764-го.

Когда вода отступала, жители Петербурга долго ощущали запах сырости затопленных жилищ, испорченных продуктов. И еще вонь от разложения погибших животных, размытых отхожих мест и мусорных свалок.

*Работу малую висок
Еще вершит. Но пали руки.
И стайкою наискосок
Уходят запахи и звуки*[{70}](#).

В 2009 году в Петербурге была издана книга В. В. Лапина «Петербург. Запахи и звуки». Казалось бы, запахи и звуки XVIII века давно ушли, исчезли. Но автору книги удалось собрать их, рассказать о них так живо и увлекательно, что кажется — их ощущаешь, слышишь.

Когда в Петербурге случались пожары, ноздри щекотал запах гари.

Ночью, если Баркову приходилось идти по улицам, он вдыхал запах конопляного масла — им заправляли фонари (их гасили 1 мая и снова зажигали 1 августа).

Ранняя весна в Петербурге пахла корюшкой. «На Фонтанке треснул лед, в гости корюшка плывет»[{71}](#). А корюшка, мелкая, очень вкусная рыбка, пахла, да и сегодня пахнет свежим огурцом. В высокоскоростном поезде «Сапсан», следующем по маршруту Москва — Санкт-Петербург, пассажиры могут ознакомиться с журналом «Саквояж СВ», на страницах которого — зазывная реклама: «Русская Рюмочная № 1. Свежайшая корюшка уже сейчас!»[{72}](#). Ну и, конечно, — адрес и

телефон рюмочной, сулящей гостям и жителям Северной столицы это любимое петербуржцами блюдо.

Пасха пахла куличами.

Летом благоухали ландыши.

*Там запах ландышей весь воздух наполнял
Там пели соловьи, там ручеек журчал^{73}.*

На улицах мастеровой люд благоухал луком, чесноком, редькой и водкой. Пахло навозом — и не только конским. Иной раз и коровы забредали в город.

К Троицкому дню, когда «народ, зевая, слушает молебен», в Петербург возами везли березовые ветки, полевые цветы — ими украшали церкви и жилища.

В сентябре над городом витал тонкий аромат сена. Все спешили к Сенной площади и Екатерининскому каналу — туда прибывали возы с сеном. А всем ведь надобно было на зиму запастись фуражом.

Зимой Петербург был пронизан запахом дыма — это в домах топились печи.

*Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым... (V, 21).*

Но это, конечно, поэзия. Скорее, столбы были всё же бело-серыми. Сажа оседала на стенах домов великого города.

Запахи причудливо соединялись со звуками. Зимой, когда с кувшинами молока на улицы выходили жительницы Охты, под ними действительно скрипел утренний снег.

«Когда взломав свой синий лед», Нева несла его к морю и только-только начинался ледоход, то больше часа был слышен треск. Петербуржцы бежали на

набережную поглядеть на это радостное весеннее зрелище. В хорошую погоду на набережную выходила и императрица Елизавета Петровна со своими приближенными.

Летом болота давали о себе знать пискom комаров и кваканьем лягушек. Императрица Анна Иоанновна находила прелесть в лягушачьем пении. Это удовольствие разделял с нею Бирон. На Васильевском острове слышался гомон диких гусей и уток.

На улицах гудела многоязычная толпа — немцы, финны, шведы и другие. И еще — различные говоры русских, приехавших в Петербург из разных углов России. В праздники, да и в будни тоже, раздавалась нецензурная, пьяная ругань. Если Пушкин говорил, что русскому языку надо учиться у московских просвирен, то Баркову в Петербурге было у кого научиться сквернословию.

Крики разносчиков, крики извозчиков. «Тяжелозвонкое скаканье / По потрясенной мостовой»... Звуки военной столицы...

*Люблю, военная столица
Твоей твердыни дым и гром... (IV).*

«Согласно «реестру салютов» от 24 февраля 1743 года, в первый день Нового года в обеих столицах пушки били двадцать один раз. В остальных случаях количество выстрелов связывалось с пребыванием в городе царствующих особ. В Богоявление стреляли только в Петербурге и только в присутствии царицы. Если великий князь Петр Федорович в дни своего рождения и именин находился в столице, пушки били двадцать один раз, а если был в отъезде — только пятнадцать. В день святой Пасхи, если вообще не слышалось многократного, «как при державе государя

императора Петра Великого», «Невского грома», царица была в отъезде. 25 апреля — в день коронации императрицы Елизаветы Петровны и 25 ноября — в годовщину ее восшествия на престол в обеих столицах сто один выстрел означал присутствие, а пятьдесят один — отсутствие правительницы. Кроме того, в последнем случае гарнизон трижды палил из ружей. Свой день рождения «дщерь Петрова» отмечала скромнее: 18 декабря пушки били тридцать один или двадцать один раз, а гарнизон три раза из мушкетов. День святого Андрея Первозванного отмечали салютом из двадцать одной пушки, годовщину победы над Лесным отмечали только в присутствии Елизаветы Петровны сто одним или пятьюдесятью одним залпом»^{74}.

Пушечную пальбу жаловала и Екатерина II. Торжественные церемонии, праздничные богослужения с участием царицы сопровождалась пушечной пальбой.

Когда Нева освобождалась ото льда, Петропавловская крепость трижды палила из пушек. Пушечными выстрелами оповещали о наводнениях. Сегодня в полдень каждый день можно услышать пушку Петропавловской крепости.

*А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден (V, 21).*

Барабанная дробь раздавалась в разных частях города. В Петербурге квартировали гвардейские полки.

Парады, смотры, ученья военной столицы сопровождалась барабанным боем, криками команд. Быть может, Барков рано осознал, что

*Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,*

А только душу иссушит... (I, 423).

В Петербурге звучали колокола. Барков, конечно, различал праздничный, будничный, великопостный и заупокойный звон.

«Благовест трижды в день призывал верующих на церковную службу: в колокола били поочередно, почему этот сигнал называли еще перебором. Когда били одновременно в три и более колоколов, получался праздничный звон (трезвон)»^{75}. В 1752 году в Александро-Невском монастыре выстроили колокольню. К ней занял свое место большой колокол весом в 800 пудов. Его голос был слышен издалека.

Играла в Петербурге музыка. Это были не только полковые оркестры (у каждого полка свой марш). Играли и роговые оркестры. Они состояли из охотничьих рогов разной длины — от восьми сантиметров до двух с половиной метров. Каждый музыкант выдувал на своем рожке один лишь звук той или иной высоты. Музыканты — крепостные или солдаты — проявляли при этом необыкновенное искусство, изумлявшее иностранцев. Громкие звуки рогового оркестра далеко разносились по городу. Роговая музыка увеселяла императорских особ. Свои оркестры роговой музыки заводили и знатные вельможи. Лучшим был признан оркестр Нарышкиных, который был основан капельмейстером Марешом в 1754 году.

Еще Барков мог услышать в Петербурге цыганское пение, которое вошло в моду в царствование Екатерины Великой. Во второй половине XVIII века итальянцы завезли в Россию гитару... Но «поговорить» с семиструнной гитарой Баркову не пришлось. У гитары было четыре струны, потом пять, шесть и только в конце XVIII века она стала семиструнной...

Некогда П. А. Вяземский, обращаясь к дорогому для него прошлому, сказал:

«...В свое время все это было, жило, двигалось, вертелось, радовалось, любило, пело, наслаждалось; иногда, вероятно, грустило и плакало. Все эти люди, весельчаки, имели утро свое, полдень свой и вечер, теперь все поглощены одною ночью. Почему ночному караульщику не осветить мимоходом эту ночь, не помянуть живым словом почивших на ее темном и молчаливом лоне? Почему мельком, на минуту не собрать эти давно забытые изглаженные черты? Не расцветить их, не дать им хотя призрак прежнего облика и выражения? Почему не перелить в один строй, в один напев эти разлетевшиеся звуки и отголоски, давно умолкнувшие?»[{76}](#).

Пожалуй, этими словами П. А. Вяземского можно закончить главу о Петербурге Баркова с тем, чтобы, перевернув страницу, представить краткий очерк его биографии.

Глава третья

ЖИЗНЬ ПОЭТА

*Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?*

Михаил Лермонтов.

Я жить хочу! хочу печали...

О смерти Баркова ходили легенды. Якобы он покончил с собой, утонув в отхожем месте. Другой вариант: он спустил с себя штаны, засунул голову в печь и задохнулся угарным газом, оставив перед смертью записку в стихах:

*Жил грешно,
А умер смешно.*

Какой уж тут смех... И наконец — третий вариант: Барков умер от побоев в борделе^{77}. Предпочтем вариант четвертый: «он умер под хмельком в объятиях женщины»^{78}.

Могила Баркова не найдена. Если он действительно покончил жизнь самоубийством, то его не отпевали и похоронили за пределами церковной ограды.

Он ушел в мир иной в 1768 году тридцати шести лет от роду.

*Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по
краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман
глотаю, —*

*Чую с гибельным восторгом: пропадаю,
пропадаю!*

*Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые —
И дожить не успел, мне допеть не успеть [{79}](#).*

Барков был похож на Владимира Высоцкого. Об этом можно судить по гравюре А. А. Осипова с оригинала неизвестного художника, предназначенной для «Пантеона русских авторов» 1801 года (издание Платона Бекетова). Энергичный поворот головы, высокий лоб, волевой подбородок, умные глаза. И длинные волнистые волосы...

Он родился в семье священника в Петербурге. Известно, что у него была сестра. Она жила под Петербургом в Сестрорецке, и Барков, уже будучи взрослым, ездил к ней. Вообще-то в семьях священников обычно было много детей, так что возможно, что и братья у Баркова имелись.

Детство, скорее всего, как у всех. Ранние впечатления бытия, летом — плавание в реке, вылазки в лес по грибы и ягоды, зимой — игра в снежки, катание с горок на санках.

В доме Баркова, конечно же, соблюдали посты и церковные праздники, исправно молились. Наверное, будущий поэт помогал отцу в церкви, пел на клиросе.

Возможно, именно отец обучил Баркова грамоте. Сначала ребенок запоминал буквы, затем по складам читал азбуку. Ну а потом — Часослов, по которому учил молитвы, потом — Псалтырь. А там, глядишь, и Новый Завет...

В 1744 году Баркова определили в духовную семинарию при Александро-Невском монастыре в

Петербурге. Как писал историк Петербурга А. И. Богданов, который завершил свой труд о Северной столице в 1749–1751 годах, в семинарии «обучаются дети здешняго Санктпетербурга священнаго чина по латыни, по гречески и по еврейски, также философии и богословии, которые, обучаясь, производятся в священный чин»^{80}. Таким образом, путь сына священника, которому в 1744 году должно было исполниться 12 лет, был предначертан — «в священный чин», и никуда иначе.

Во время учебы Баркова в семинарии ректором там был иеромонах Гавриил (Кременецкий).

Среди преподавателей выделялся Адам Селлий, датчанин, сын аптекаря. Он занимался медициной, а затем его заинтересовало богословие. Его пригласили в семинарию в 1734 году. Он преподавал латинский язык, а также взял на себя обучение семинаристов русскому чтению и письму, арифметике и пению. Известно, что Селлий был заикой. Трудно сказать, насколько он преуспел на педагогическом поприще. О методах его преподавания сохранились следующие сведения:

«Сказавшегося 3 недели больным ученика Селлий, по его собственным словам, «служительским хлебом и розгами в прежнее здоровье привел». А затем, за его речи, будто его Селлий неверно и плохо учит, он «укреплял ему получше ученые вещи плетьюми, дабы он их не позабыл»^{81}.

В 1737 году Селлий на некоторое время покидал семинарию, но вскоре вернулся в монастырь, занялся трудами, посвященными главным образом истории русской церкви. В 1744 году он принял православие. В 1745 году пострижен в монашество с именем Никодим и в том же 1745 году, 7 декабря, скончался и был погребен в Александро-Невском монастыре. Барков, как и другие семинаристы, мог быть на его отпевании и погребении.

Вместе с Барковым в семинарии обучались еще 73 ученика^{82}.

«На содержание Семинарии... шли деньги, получаемые за «гробокопательные места», но их было недостаточно.

Выдачи на Семинарию из монастырских сумм были крайне ограничены: в 1745 году 350 рублей, в 1746 году 270. В 1746 году, прося у Монастыря ассигнования денег, ректор Семинарии писал, что в Семинарии уже денег не имеется, а вновь как бумаги и чернил, так пищи и обуви, рубашек и прочаго одеяния непременно надобно»^{83}.

Но всё же и хозяйственные успехи иногда случались: «В 1743 году заменены были новыми приобретения в 1738 году и изветшавшие оловянные кружки, солонки, скатерти и настольные ручки или утиральники»^{84}.

Так что Барков, поступив в семинарию, пил из новой оловянной кружки и утирался относительно новым утиральником.

Пудами закупали мыло для бани — семинарское начальство заботилось не только о душевном, но и телесном здравии учеников. Чернила варили из сандала и купороса (на это тоже деньги нужны были). И еще: «для перьев закупали гусиные крылья по 3 копейки десятков и по деньге крыло»^{85}. Баркову было чем писать, а может быть, и записывать свои первые опыты в сочинении стихов.

В Александро-Невском монастыре имелась прекрасная библиотека, где хранились книги на греческом, латинском и других иностранных языках, собрания сочинений классических писателей, церковные книги. Ею могли пользоваться и семинаристы.

Каждую субботу в десять часов утра в семинарии проходили диспуты. Собирались все ученики и учителя. На диспутах присутствовал ректор. С кафедры произносились речи на русском и латинском языках.

Обращаясь к воспитанникам, ректор говорил «о пользе наук, о союзе наук с добродетелью и что всякая наука красна только добродетелью»^{86}.

О телесных наказаниях в семинарии мы уже упоминали. Некоторые семинаристы бежали. Если их ловили, то по возвращении в семинарию секли розгами, били кнутом.

Барков «убежал» от, казалось бы, предначертанной ему судьбы. В 1747 году в Петербурге при Академии наук был основан университет. Предполагалось, что там будут помимо вольнослушателей на казенном содержании обучаться 30 студентов. Кузницей студенческих кадров стали Московская славяно-греко-латинская академия и Петербургская Александро-Невская духовная семинария. В Москву отбирать наиболее способных семинаристов для Академического университета отправился Тредиаковский. В Петербурге этим занялся Ломоносов. 26 апреля 1748 года он направил в Академическую канцелярию «Доношение»:

«1. Сего Апреля 24 дня приходил ко мне из Александро-Невской семинарии ученик Иван Борков и объявил, что он во время учиненного мною и г. профессором Брауном (Иосиф Адам Браун (1712-1768), профессор философии Академического университета. — *Н. М.*) экзамена в семинарии не был и что весьма желает быть студентом при Академии Наук; и для того просил меня, чтоб я его экзаменовал.

2. И по его желанию говорил я с ним по латине и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорские лекции разуместь может. При экзамене сказан был от учителей больным.

3. При том объявил он, что учится в школе пиитике, и что он попов сын, от роду имеет 16 лет, а от вступления

в семинарию пятый год и в стихарь не посвящен (то есть не рукоположен в священный сан. — *Н. М.*).

И ежели Канцелярия Академии Наук заблагорассудит его с прочими семинаристами в Академию потребовать, то я уповаю, что он в науках от других отменить себя может.

О сем доносит

Профессор Михаила Ломоносов

1748 года

Апреля 26 дня»^{87}.

Барков был зачислен в студенты Академического университета. Прощай, семинария! 10 мая 1748 года его прислали в Академию наук. 27 мая 1748 года — эта дата стояла под указом о том, что он, Барков, принят в университет со студенческим жалованьем. Однако прежде чем приступить к студенческим занятиям, по соответствующему распоряжению его направили в Академическую гимназию с тем, чтобы он там доучился.

В написанном в 1850-х годах неизвестным автором биографическом очерке «Вакханалический певец Иван Семенович Барков», предваряющем рукописный сборник его сочинений (он хранится в Государственном архиве литературы и искусства) об обучении и воспитании Баркова в гимназии сказано так:

«О пребывании его в гимназии не осталось ничего известного, и мы можем только гадательно, на основании дошедших до нас сведений о состоянии тогдашней гимназии, судить насколько оно принесло ему пользы, которую мы и постараемся сейчас охарактеризовать.

В то время гимназия, или точнее — состояние ея, представляло весьма печальное зрелище. Трудно было в ней чему-либо научиться, трудно было приохотиться к учению, а еще труднее — не испортиться, не развратиться нравственно. Воспитанников содержали гадко — жалованье им выдавалось неисправно, а иногда

и совсем не выдавалось, так что большая часть воспитанников ходила в рубище, шаталась по городу, производя различные пакости!..

Преподаватели, будучи почти все из Немцов, смотрели весьма не дружелюбно на своих русских питомцев, которых, вообще всех, они считали за диких варваров. <...>

Все управление академии находилось в руках Шумахера (Иоганн Даниил Шумахер (1690–1761), в 1714 году был приглашен на службу библиотекарем книжного собрания Петра I и его кабинета редкостей, руководитель Академической канцелярии. — *Н. М.*), библиотекаря, подлаго, корыстолюбиваго человека, интригана в высшей степени и, вдобавок еще, наделеннаго зверским характером. Он самовластно распоряжался в академии, выдавая или не выдавая, по своему произволу жалованье профессорам. А уже о воспитанниках и говорить нечего — он делал с ними что хотел, доказательством тому мы можем привести следующее: гимназисты, не получая долгое время жалованья, пожаловались на Шумахера. Ему сделали выговор. Тогда Шумахер призвал их и, не помня себя от злобы, велел беспощадно выдрать их батогами, и колотя предварительно по лицу!..»^{88}

О пребывании Баркова на студенческой скамье Академического университета известно неизмеримо больше, нежели о его учебе в Академической гимназии. Мы знаем, кто были и кем стали его соученики, кто были его преподаватели, какие предметы, будучи студентом, Барков изучал. Сохранились характеристики Баркова, данные ему учителями, документы о его проступках и полученных им наказаниях.

Сначала об университетских товарищах Баркова. Среди них были те, кто внес вклад в отечественную науку, литературу, культуру, педагогику: А. А. Барсов,

Б. А. Волков, А. И. Дубровский, Н. Н. Поповский, С. Я. Румовский, Ф. Я. Яремский^{89}.

Антон Барсов (1730–1791) — сын управляющего Московской синодальной типографией. Весьма образованный и одаренный, он обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. Был наделен редким математическим дарованием, при этом отличался успехами и в словесных науках. С 1755 года преподавал в Московском университете математику. В 1761 году стал ординарным профессором на кафедре красноречия, в торжественных речах прославлял науку.

Борис Волков (1732–1762) — сын церковного сторожа. Попал в Академический университет из Московской славяно-греко-латинской академии. Обладал несомненными математическими способностями, но получил «распределение» на должность академического переводчика. Особое место среди выполненных им работ занимают перевод с французского языка древнеиндийского собрания басен и рассказов и перевод трактата Цицерона «О должностях».

Андреян Дубровский (1732 — после 1761) — сын дьячка. Ученик Московской славяно-греко-латинской академии. Сочинял стихи, басни, загадки, сатирические эпиграфий. Автор дидактической поэмы «На ослепление страстями». Переводил эпиграммы и элегии. Перевел стихами трагедию Вольтера «Заира». В 1757 году назначен академическим переводчиком.

Николай Поповский (ум. 1760) — сын священника церкви Василия Блаженного. В Академический университет прибыл из Московской славяно-греко-латинской академии. Любимый ученик Ломоносова, преуспел в словесных науках. Будучи студентом, сочинил эклогу «Зима», которая привела Ломоносова в восхищение. Писал торжественные оды, посвященные Елизавете Петровне. Перевел «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам», поэму А. Попа «О человеке»,

сочинение Джона Локка «О воспитании детей». По рекомендации Ломоносова был направлен в Московский университет, читал лекции по философии, в 1756 году стал профессором красноречия на философском факультете.

Степан Румовский (1734–1812) — сын сельского священника. Как и Барков, он был отобран Ломоносовым из Александро-Невской семинарии для обучения в Академическом университете; впоследствии враждебно относился к Ломоносову. В 1753 году произведен в адъюнкты Академии наук, в 1754 году был послан в Берлин для совершенствования в математике. Затем, с 1756 года, преподавал математику и практическую астрономию в Академическом университете. В 1767 году получил звание ординарного профессора астрономии. Внес значительный вклад в историю науки. Перевел курс физики Леонарда Эйлера «Письма о разных физических и философских материях, писанные к некоторой немецкой принцессе», «Летописи» Тацита, принимал участие в переводе «Естественной истории» Ж.-Л. Бюффона. Ориентированный на карьерный рост, Румовский сумел достичь желаемого: в 1797 году получил чин действительного статского советника, в 1800 году занял пост вице-президента Академии наук.

Филипп Яремский (род. 1729) — сын сельского священника. Учился в Новгородской семинарии. В 1748 году прибыл в Петербург в числе десяти учеников, которые по рекомендации Тредиаковского должны были стать студентами Академического университета. Обнаружил способности к словесным наукам, от имени студентов выступал на публичных экзаменах с речами, читал стихи, адресованные президенту Академии наук К. Г. Разумовскому. Перевел на латинский язык «Слово о пользе химии» Ломоносова. В 1753 году получил звание магистра философии. Преподавал латинский язык, риторику и грамматику в гимназии при Московском

университете. В соавторстве с профессором философии и этики Московского университета ректором гимназии Иоганном Матиасом Шадемом написал учебник латинского языка.

Барков вместе с другими студентами слушал лекции профессора «древностей и истории латинской» Христиана Готлиба Крузиуса — тот «толковал древних римских авторов». Профессор Иосиф (Иоганн) Адам Браун читал курс философии, профессор Фридрих Генрих Штрубе де Пирмонт — курс новейшей истории.

«Целлариеву орфографию» и «Гейнекеи основы чистого штиля» преподавал профессор Тредиаковский, математические науки — профессор Георг Вильгельм Рихман. Поэтику и красноречие студенты постигали на лекциях профессора Иоганна Эбергарда Фишера. Ломоносов читал курс «Истинной физической химии». Кроме того, он преподавал стихотворство. Лекции Ломоносова по стихотворству посещали многие студенты, в числе которых были Барков, Поповский, Дубровский, Волков, Яремский.

В начале своей учебы в университете Барков был одним из лучших студентов у Крузиуса, средним — у Тредиаковского. Фишер полагал, что он либо вовсе не годен к историческим наукам, либо слишком рано начал ими заниматься. Рихман считал, что Барков мало осведомлен даже в арифметике. После экзаменов в феврале 1750 года академик историк Герард Фридрих Миллер, впрочем, заключил, что Барков всё же достиг некоторых успехов в арифметике, в отличие от других математических наук, не многому научился в философии, но обнаружил склонности к изучению античной литературы и переводческой деятельности: «Он объявляет, что по большей части трудился в чтении латинских авторов, и между оными Саллюстия, которого перевел по-русски Войну Катилинову; понятия не художника, но долго лежал болен, и кажется, что острота

его от оной болезни еще нечто претерпевает»^{90}. Характеристика поведения Баркова, данная профессором Фишером, оставляла желать лучшего: «средних обычаев, но также склонен к худым делам»^{91}.

В «худых делах» отличался не только Барков, но и другие студенты. Шумная студенческая жизнь с веселыми попойками, девками, драками, всевозможными «предерзостями» в адрес начальства вынудила профессора Фишера, в обязанность которому было вменено осуществлять надзор за нравственностью студентов (для этого ему дали квартиру в доме баронов Строгановых, где было студенческое общежитие), обратиться в Академическую канцелярию с просьбой дать ему команду из восьми солдат и двух кустосов (то есть надзирателей). «Фишеру отрядили одного академического солдата в «безсменные ординарцы» и разрешили нанять двух кустосов»^{92}. Соглядатаи Фишера — студенты Поповский и Яремский — доносили ему на своих товарищей. Разумеется, товарищи не терпели их за это, всячески обижали, а порой и били.^{93}

Барков, отличавшийся дерзким нравом, обостренным чувством собственного достоинства, нетерпением к несправедливости, в «худых делах» преуспел. Так, 23 марта 1750 года на основании приказа президента Академии наук графа К. Г. Разумовского «велено студента Ивана Баркова за его из университета самовольную отлучку и другие мерзкие проступки в страх другим высечь, что и учинено»^{94}. В 1751 году ректор университета Степан Петрович Крашенинников в «Доношении» сообщал, что Барков после кутежа ушел из университета без дозволения, пришел к нему, Крашенинникову, в дом, «с крайнею наглостию и невежеством учинил ему предосадные выговоры с угрозами, будто он его напрасно штрафует»^{95}, а потом

еще и «чернил» перед профессорами. Опять последовало наказание, опять Баркова высекли.

В Российском государственном архиве древних актов хранится «Дело о студенте Академии наук Иване Баркове, сказавшем за собою «слово и дело» в пьянстве». На четырех пожелтевших от времени листах — неразборчивый текст, который по нашей просьбе прочла главный специалист архива, кандидат исторических наук Наталья Юрьевна Болотина. Мы ей чрезвычайно признательны за это, так как в «Деле» представлена весьма драматическая история, связанная с очередным проступком Баркова. Приведем этот документ полностью.

«Премория ис Канцелярии Академии наук в Канцелярию тайных розыскных дел.

Сего апреля 1 числа находящийся при Академии прапорщик Петр Галл подал в Канцелярию академическую рапорт: вчерашнего дня, то есть марта 31 числа, пополудни в первом на десять часу пришел к нему в квартиру студент Иван Братковский объявил, что студент же Иван Барков пьян и в студенческих покоях шумит, и по тому объявлению пришел оной прапорщик в студенческие покои, и стал его, Баркова, с адъюнктом Модрахом унимать от того шума, который в то время за собою сказал «слово и дело», и был взят под караул.

Чего ради по резолюции Канцелярии Академии помянутый студент Иван Барков для исследования о том по указом высылается в Канцелярию Тайных розыскных дел, которая о приеме оного для исследования... изволит учинить по Ея императорского величества указам. Апреля 1 дня 1751 года»^{96}.

«1751 году апреля 1 дня в Канцелярии тайных розыскных дел присланной ис Канцелярии Академии наук оной Академии студент Иван Барков принят, и о чем надлежало расспрашивай.

А в расспросе сказал: В Санкт-Петербургской академии имеется он с 1748 году, Невского монастыря с семинаристов, и находится в той Академии в физической математической науке студентом.

А прошедшего марта 31 числа сего 1751 года пополудни в первом часу, будучи он, Барков, той академии в студенческих покоях, необыкновенно шумел, и как Петр Галл пришед в те покои стал ево, Баркова, обще той Академии с адъюнктом Модрахом унимать, и тогда он, Барков, «слово и дело» за собою сказывал, будучи тогда безмерно пьян, а оного де «слова и дела» за ним, Барковым, нет, и за другими не знает.

К сему расспросу студент Иван Барков руку приложил [Автограф]^{97}».

«Копия.

По указу Ея императорского величества в Канцелярии тайных розыскных дел по слушании дела о присланном в Тайную канцелярию из Канцелярии Академии наук оной Академии студенте Иване Баркове определено: оному Баркову за ложное им за собою «слово и дело» сказыванье учинить наказание, бить плетьюми, и по учинении того наказания для определения в должность его по прежнему оного Баркова ис Тайной канцелярии отослать в Канцелярию академии наук при промемории. У подлинного подписано тако: граф Александр Шувалов. Апреля 1751 года»^{98}.

«Промемория Канцелярии тайных и розыскных дел в Канцелярию академии наук.

По указу Ея Императорского величества и по определению Тайной канцелярии присланному в оную канцелярию ис Канцелярии академии наук студенте Иване Баркове надлежащее наказание учинено, и для определения его по прежнему ис Тайной канцелярии в Канцелярию академии наук послан, и Канцелярия академии наук да благоволит учинить по Ее

императорского величества указу. Апреля 3 дня 1751 года»^{99}.

Одним словом: груз сдан — груз принят. Бюрократическая машина работала быстро и четко: схватили, допросили (быть может, с пристрастием), наказали и, слава Богу, отпустили. Крик «слово и дело» означал, что тот, кто это выкрикнул, располагает важными для государства сведениями об умышлении на жизнь государя или же о его недопустимом оскорблении. Ничего подобного Барков, конечно, не знал, за то и был наказан. Заметим, что недонесение квалифицировалось как государственное преступление. Документ о слушании дела Баркова подписал начальник Канцелярии тайных и розыскных дел граф А. П. Шувалов, ставший при Петре III генерал-фельдмаршалом. Жестокий и честолюбивый, он присутствовал на допросах, при которых применялись страшные пытки. Быть может, он присутствовал и при допросе Баркова.

Барков был поистине неукротим. Его наказывали, заковывали в кандалы, грозились отдать в матросы. Но его не сломали. Как всегда — «настоящих буйных мало...».

И еще в одном он был неудержимо дерзок — в стихотворстве. По-видимому, в студенческие годы он начал писать срамные стихи. Его товарищи сочиняли торжественные оды, печальные элегии, благопристойные стихи. Барков же с веселым озорством посвящал оды, элегии, басни, эпиграммы, песни, загадки мужским и женским срамным местам, которые произносили речи, писали друг другу письма, спорили. Он пародировал жанры классицизма, «выламываясь» из его стройной жанровой системы, традиционной тематики, стилистических канонов. Не царей и полководцев воспевал Барков. Его героями стали кулачные бойцы, фабричные люди, лакеи, попы,

непотребные девки. Опыт кутежей, драк, продажной любви давал о себе знать в стихах. Сквернословие не имело границ.

Срамные стихи Баркова не печатались, но широко распространялись в списках. Это была дурная слава, но слава.

А как же любовь? Быть такого не может, чтобы молодой человек, поэт, не был влюблен. Однако на этот счет мы не располагаем какими-либо сведениями. Памятуя слова замечательного ученого и писателя Ю. Н. Тынянова о том, что там, где кончается документ, вступает в силу воображение, мы обратились к Наталье Муромской с просьбой, чтобы она предложила нам свои версии утаенной от нас любви Баркова. Муромская написала для нас две новеллы, в которых сказывается читательница «Бедной Лизы» Карамзина и «Пиковой дамы» Пушкина, почитательница картин Константина Сомова на темы XVIII века. С ее любезного согласия предлагаем их читателям нашей книги.

«Однажды Барков отправился на прогулку в лес. Он пробирался через чащу и вдруг вышел на поляну. В траве стрекотали кузнечики. В воздухе порхали бабочки и летали синие стрекозы. Девушку в красном сарафане он заметил не сразу. Она шла по тропинке с корзинкой грибов и с маленьким букетиком незабудок. Но когда Барков заметил ее, он остолбенел. Лняные волосы выбивались из-под белой косынки. Голубые глаза смотрели приветливо, алые губы морщила улыбка. Стрела Амура, зазвенев, поразила Баркова в сердце. Девушка словно пава проплыла мимо. С непонятным для себя смущением Барков пошел ей вслед.

На краю леса стояла избушка. Девушка легко взбежала на покосившееся крылечко. Хлопнула дверь, и Барков остался один. Он долго стоял и как зачарованный смотрел на окна, в которых красовались горшки с цветущей геранью. Наконец он решился, на негнущихся

ногах подошел к окошку и постучал. В окне показалась седая голова старушки.

— Что, милый человек, надобно тебе? Чем услужить?

— Мне бы воды напиться! — хриплым голосом сказал Барков.

Минута, и девушка в красном сарафане вынесла ковшик с ключевой водой.

— Как звать тебя, девица?

— А Настей...

— Не бойся меня, милая Настенька! Я не дурной человек. Пусть твоя матушка дозволит мне хоть иногда навещать вас...

Надобно ли говорить, что Барков каждый день приходил в избушку. Настенька жила со старой матушкой. Отец ее давно умер, и Настенька ткала холсты, вязала чулки, собирала грибы и ягоды — так и жили они трудами рук своих. Настенька любила цветы, и букетики незабудок и душистых ландышей всегда украшали ее бедное жилище.

Молодые люди сближались всё более и более, и вскоре любовь пробудилась в сердце Настеньки. А Барков? Он почему-то не решался открыться ей, сказать о своем чувстве. Да и что мог предложить бедный студент Академического университета? Каморку, в которой сальная свеча тускло горела в медном шандале? Свое жалкое жалованье, которым и сам-то он не мог прокормиться?

Так шли дни и месяцы. Лето сменила осень, а за осенью пришла зима. Настенька загрустила. И когда однажды Барков переступил порог ее дома, она не встретила его, не посмотрела ласково, не улыбнулась ему. Барков узнал, что Настеньку сосватал богатый мельник из дальнего села, и ее туда увезли.

Какие чувства овладели Барковым? Он не кричал, не проклинал тот день и час, в который увидел Настеньку. Он погрузился в глубокое уныние, и слезы не мерцали в

его глазах, когда он жег в печи свои рукописи, свои стихи, ей посвященные. В стихах было всё — его любовь, его страдания, его безысходность. В стихах была она, его богиня, его Афродита, белоснежная, как алебастр, прекрасная, как алая заря, нежная, как легкое дуновение весеннего ветерка... Пламя вспыхнуло в последний раз и погасло...

С тех пор Барков никогда не писал любовных стихов. Когда же ему доводилось читать любовные вирши других пиитов, грустная усмешка пробежала по его лицу. Он начинал бормотать неясные слова, и только один раз его товарищи смогли их услышать. «Бахус! Бахус! Бахус!» — повторял Барков с неизъяснимой страстью».

«Однажды Барков нечувствительно оказался на придворном маскараде. Он бродил по Царскосельскому парку, бормоча под нос стихи «Восстань, Россия, оживляйся!» и вдруг увидел, что аллеи освещены китайскими фонариками, вокруг бегают, смеясь, арлекины и коломбины, и всех объединяет веселое безумие. В небе вспыхивали цветные огни фейерверка. Звучала музыка. Барков, всё еще бормоча стихи «Восстань, Россия...», нечувствительно дошел до беседки, увитой плющом. В беседке на круглом столике лежал позабытый букет алых роз. На скамейке сидела она, она, Афродита, конечно. Жемчужного цвета шелковое платье обрисовывало стройный стан. Пышные рукава были оторочены тонким кружевом. Ручки, белоснежные, как алебастр, сжимали большой веер. Высокая прическа была украшена нитями жемчуга. Лицо скрывала черная бархатная полумаска с золотой сеткой. Глаза блестели призывно, алые губы были полуоткрыты. Тонким пальчиком, на котором сиял изумруд, незнакомка поманила Баркова, и он упал к ее ногам. «Восстань... Восстань и оживляйся!» Страсть вспыхнула в нем. Шелка трещали. Нитка жемчуга разорвалась, и

жемчужины, как град, застучали по полу беседки. Маленькая туфелька, шитая серебром, вылетела из беседки и упала на клумбу. Фейерверк рассыпался зелеными огнями. Лицо незнакомки осветилось зеленым призрачным светом, и в нем появилось что-то русалочье. Вспыхнули красные огни, и что-то бесовское зажглось в глубоких глазах, осененных черными густыми ресницами...

«Довольно! Довольно!» Незнакомка встала, оправила смятое платье, пригладила прическу и вышла из беседки, погрозив на пороге Баркову пальчиком, на котором сиял изумруд.

Барков остался в глубоком изумлении. Он долго сидел неподвижно в беседке, долго не мог опомниться... Отныне дни его и ночи и его одинокий сон были посвящены ей, его богине, его Афродите. Ей он посвящал свои любовные стихи. Он писал их каждый день и каждую ночь, вдохновленный истинной страстью. Он всегда носил с собой толстую тетрадь со стихами.

Как-то раз Барков в задумчивости бродил по Петербургу и нечувствительно оказался возле царского дворца. К ярко освещенным сеням одна за другою подъезжали кареты. В одной из них он заметил знакомый силуэт молодой красавицы. Она подняла руку, чтобы поправить прическу, и изумрудное кольцо сверкнуло на ее пальце. Кольцо! То кольцо! Барков остолбенел, но когда красавица выпорхнула из кареты, он спросил кучера: «А кто эта барыня?» — «И, милый!» — сказал кучер и назвал громкое имя всем известной фрейлины императрицы. Подавленный, погруженный в глубокое уныние, Барков побрел по городу и нечувствительно дошел до Фонтанки, до Калинкина моста. Там, стоя на мосту, он вытащил заветную тетрадь, стал с остервенением вырывать написанные стихами листы и бросать их в реку. Сначала они колыхались на воде, а потом медленно опускались на

дно. С тех пор Барков никогда не писал любовных стихов.

В петербургских кабаках часто можно было заметить человека в синем потертом кафтане. Он сидел неподвижно с кружкой в руках и время от времени восклицал: «Ин вина веритас!» Но что это значило, никто не понимал».

Оставим проблему утаенной любви Баркова для любопытных изыскателей. Заметим, что во второй новелле Муромской Барков бормочет стих из своей оды, адресованной Петру III. Значит, время действия новеллы — 1762 год. А что было с Барковым ранее?

С 25 мая 1751 года поэт за свои проступки был исключен из университета. Его определили учеником наборного дела. Содержание назначили мизерное — 2 рубля в месяц. Баркова хотели исправить, отучить от «худых дел». Начальство уповало на «трудотерапию». Учитывая способности Баркова, ему было разрешено посещать занятия французского и немецкого языков, у профессора Крашенинникова постигать российский штиль. Но после окончания занятий Барков должен был трудиться в типографии.

В начале 1750-х годов в Академической типографии работало 47 человек. Общий надзор за типографией с 1747 года осуществлял корректор Алексей Барсов^{100}. Ему же было поручено надзирать за Барковым и каждый месяц докладывать о его поведении. В июле 1751-го Барсов доносил, что Барков находится «в трезвом уме и состоянии и о прежних своих предрезостях сильно сожалеет»^{101}. И всё же в 1751 году его вновь секли за участие в пьяных кутежах. 10 ноября 1752 года он был снова наказан розгами — на сей раз его высекли вместе с двумя академическими мастерами за пьянство и ночную драку.

Будучи учеником при Академии наук и исполняя должность помощника корректора Барсова, Барков

помогал ему в поправлении корректур, вел учет прихода и расхода бумаги и прочих материалов и вообще, как говорится, был на подхвате. Барков, конечно, постигал азы издательского и типографского дела, и это пригодилось ему в будущем. Но душа жаждала иного рода деятельности. 2 марта 1753 года Барков обратился в Академическую канцелярию с прошением: в связи с тем, что у Барсова появились другие помощники, он, Барков, не отказываясь от работы в типографии, просит его еще взять на освободившееся место при господине Тауберте, советнике Академической канцелярии. Еще Барков жаловался на свое «убогое нынешнее состояние»:

«...Определенным мне жалованьем, которого годовой оклад состоит токмо в тридцати шести рублях, содержать себя никоим образом почти не можно, ибо как пищею и платьем, так и квартиры нанять чем не имею»^{102}. А раз так, то не грех было попросить к жалованью прибавить.

2 марта 1753 года, не откладывая дело в долгий ящик, Академическая канцелярия распорядилась об определении ученика Баркова в копиисты канцелярии с тем, что если оставит свои худые поступки и будет прилежно выполнять порученную работу, то и без прибавки к жалованью не останется. Однако вскоре неугомонный Барков опять отличился, опять содержался под караулом, и опять академическое начальство пошло ему навстречу. Предписание от 30 марта 1753 года повелевало в честь праздника Святой Пасхи освободить Баркова из-под караула, прибавить к жалованью еще 14 рублей, а ежели он себя в делах и поступках проявит наилучшим образом, то будет ему и еще прибавка и «произвождение», «а в противном случае непременно отослан будет в матросскую вечную службу, чего ради ему объявить сие с подпискою»^{103}.

Вот так и пришлось Баркову работать копиистом, то есть переписывать академические документы и рукописи. Работал он добросовестно. Через год просил Академическую канцелярию предоставить ему возможность поступить справщиком, то есть корректором, в типографию Морского кадетского корпуса. 15 апреля 1754 года Барков подал в Академическую канцелярию о том доношение, уверяя, что всю свою жизнь будет таким, «каким надлежит быть трезвому, честному и постоянному человеку»^{104}. В просьбе Баркову отказали и велели более подобными доношениями канцелярию не утруждать.

Баркова часто посылали к Ломоносову переписывать его сочинения, служебные бумаги, снимать копии с нужных ему документов и рукописей. В 1755 году Барков дважды переписал «Российскую грамматику» Ломоносова, в 1757 году скопировал для него Радзивилловский список Несторовой летописи. В 1759 году Барков по приказанию Академической канцелярии ежедневно приходил в дом Ломоносова переписывать его «Российскую историю».

Общение с Ломоносовым имело огромное значение для Баркова: он осознал ценность исторических источников, познакомился с русскими летописями, творчески заинтересовался отечественной историей. К тому же это были разговоры поэта с поэтом — что может быть важнее?

Несомненно, общение с Ломоносовыми, по-видимому, их взаимная симпатия привели к тому, что в литературной полемике Ломоносова с Тредиаковским и Сумароковым, которая переросла в личную непримиримую вражду, Барков без колебаний решительно выступил на стороне учителя. Особенное значение имело бесстрашное участие Баркова с сатирическими стихами в баталиях вокруг

Ломоносовского «Гимна бороде», направленного против церковников.

Читал ли Барков Ломоносову свои непристойные стихи? Может быть, и читал: стихи-то зазорные... В 1750-х годах они были объединены в сборник под названием «Девичья игрушка» (конечно, не печатный, а рукописный). Там были не только стихи Баркова, но и неподцензурные сочинения других авторов. И «Гимн бороде» попал в один из многочисленных списков «Девичьей игрушки».

Вернемся ненадолго в 1756 год. Тогда Баркову было поручено ведение письменных дел президента Академии наук графа К. Г. Разумовского. Однако в январе 1757 года от этой работы Баркова отстранили (что делать? опять пьянство, опять всяческие «неправильности»). В 1758 году он самовольно отлучился из Академии, да и пропал на несколько недель (кабаки? бордели?). Отыскали его с помощью полиции. И это всё при том, что работы было много — и редактуры, и переводов. В 1758 году Барков трудился над книгой «Переводы с латинского и шведского языков, случившиеся во времена императора Марка Аврелия Римского и Каролуса 12 шведского» (это был сборник речей Марка Аврелия и императора Швеции Карла XII). Хорошо, что знания языков не пропьешь. Правда, Баркову не удалось увидеть сей труд напечатанным. Его издали спустя 18 лет после смерти Баркова. Спасибо, что указали: «Переведено трудами С. И. Баркова в 1758 году». Инициалы только перепутали — вместо И. С. поставили С. И. Как свидетельствовал Я. Штелин, Барков «совсем переделал и издал в 1761 году, в 4°, перевод Телемака, напечатанный Хрущевым, в 8°, еще в царствование императрицы Анны Иоанновны. Кроме того, он же давно начал сам переводить Телемака стихами»^{105}. Это издание не найдено.

Труды Баркова, к сожалению, не обеспечивали ему безбедного существования. Материальное благополучие поэта подрывали периодические запои и загулы. Как отмечали Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова, в архиве Академии наук «часто встречаются доношения, в которых он жалуется: «пришел я в крайнее разорение и не токмо самых нужнейших вещей, как то рубах и штанов и обуви, в чем при деле моем можно было бы мне находиться, но и совсем никакого пропитания не имею»^{106}.

Звездным часом в служебной карьере Баркова стал 1762 год, начало царствования Петра III. К 10 февраля, дню рождения (всерадостному, конечно) нового императора, Барков сочинил торжественную оду, и Академия наук ее напечатала отдельным изданием. Ода была поднесена императору, возможно, самим сочинителем. 13 февраля вышло распоряжение президента Академии наук графа К. Г. Разумовского о назначении Баркова академическим переводчиком:

«Барков сочиненною ныне одою... также и другими своими трудами в исправлении разных переводов оказал изрядные опыты своего знания в словесных науках и делах способности, а при том обещался в поступках себя исправить», а посему «определить его переводчиком с жалованьем по двести рублей в год»^{107}.

Вскоре Барков перевел драму итальянского драматурга Лодовико Лазарони «Мир героев», воспользовавшись немецким переводом Я. Штелина. В июне 1762 года она была поставлена со всевозможной пышностью на сцене придворного театра (праздновали заключение мира между Россией и Пруссией). И драму в переводе Баркова Академия наук тоже напечатала отдельной книгой.

Расширился ли после столь знаменательных событий круг общения Баркова? На этот вопрос без каких-либо

документальных подтверждений ответить трудно. Хотя предположить можно многое — даже общение Баркова с Петром III «в неформальной обстановке». Император любил веселое времяпрепровождение с обильными возлияниями. Пиит же Барков, веселый и остроумный, мог «вписаться» в его компанию. Встречался ли Барков с Екатериной Алексеевной? Кто знает...Ведь писал же Пушкин об императрице:

*В аллеях Сарского Села
Она с Державиным, Орловым
Беседы мудрые вела —
С Делиньем — иногда с Барковым (II, 207).*

На основании косвенных данных можно предположить общение Баркова с фаворитом Екатерины II Г. Г. Орловым (к нему Барков обращался в стихах). Не исключено, что Барков встречался с Адамом Васильевичем Олсуфьевым, сенатором, статс-секретарем Екатерины II, управляющим ее кабинетом. За редактуру переведенной президентом Бергколлегии И. Штаттером «Валериевой Минералогии» 16 сентября 1763 года Баркову выдали из кабинета Ее Величества 63 рубля. Уж не Олсуфьев ли, любитель шумных попоек, сочинитель непристойных стихов, которые были включены в сборник «Девичья игрушка», похлопотал за Баркова?

Писательский круг общения Баркова можно очертить с большей вероятностью. О встречах его с Ломоносовым мы уже говорили. О том, с каким озорством играл Барков на непомерном самолюбии Сумарокова, как смеялся над ним, ходили анекдоты, и мы их еще приведем в нашей книге. Наверное, среди знакомых Баркова можно назвать Н. И. Новикова — ему мы обязаны характеристикой поэта, которого он ценил за веселость

и остроумие; ему мы обязаны за сообщенную наиболее вероятную дату кончины Баркова — 1768 год. У Тредиаковского Барков учился; защищая Ломоносова, был его противником в литературной полемике. В. Г. Рубан переделывал эротические стихи Баркова на пристойный лад — вполне приличные вирши получились. Быть может, и Рубан с Барковым был лично знаком.

Помимо общения, встреч, бесед и застолий после «судьбоносного» 1762 года у Баркова было очень много трудов — издательских, редакторских, литературных.

Когда в 1803 году умер французский врач, анатом и физиолог Франсуа Мари Ксавье Биша, врач главной парижской больницы, основатель французской школы терапии, Ж.-Н. Корвизар писал Наполеону: «Никто не сделал так много и так хорошо за такое короткое время»^{108}. Наверное, то же самое мы можем сказать про Баркова. Мы не будем перечислять всё, что он написал, перевел, отредактировал, издал. Перечень сочинений и переводов Баркова, а также обзор выполненных им работ представлен в книге Е. С. Кулябко «Замечательные питомцы академического университета»^{109}. Позволим себе отметить те его работы, которые, на наш взгляд, особенно важны для нашей культуры.

Барков первым в России издал сатиры Антиоха Кантемира. Это издание было поручено ему в 1762 году. Барков предварил его введением — «Житием князя Антиоха Кантемира», создав его на основе биографии, написанной другом Кантемира аббатом Гуаско.

Барков познакомил русских читателей с классическими произведениями античной литературы — перевел с латинского и издал в 1763 году сатиры Квинта Горация Флакка и басни Федра. Конечно, это были переводы. Но для того чтобы создать хорошие переводы, надо обладать поэтическим талантом, а Барков им, несомненно, обладал. Он выполнил эту работу с

энтузиазмом, с присущей ему страстью истинного поэта. И еще — с добросовестностью настоящего исследователя. Какими основательными комментариями снабдил он свой перевод Горациевых сатир! В изданиях Горация и Федра он, как и в издании сатир Кантемира, выступил еще и писателем-биографом. Предложенные читателям «Жития» Горация и Федра отличаются точностью и краткостью прекрасной прозы.

Примечательно, что в свое издание сатир Горация Барков включил «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам», которое было переведено и издано в 1753 году товарищем Баркова по университету Поповским, умершим в 1760 году. Барков и это сочинение сопровождал комментариями. В предваряющем сатиры «Житии» Горация Барков писал: «Письмо о стихотворной науке к Пизонам, переведенное покойным профессором Николаем Поповским, изъяснив оное примечаниями, присовокупил я при конце сих сатир для того, чтоб толь достойный труд не лишен был должной похвалы и у потомства»^{110}. Такое пояснение свидетельствует, на наш взгляд, об умении Баркова признавать достоинства другого автора (к сожалению, редкая черта в людях), о том, что он, Барков, сохранял память о своем университетском товарище и заботился о том, чтобы о его труде помнили. Осознавая просветительскую и воспитательную роль басен Федра, Барков счел возможным присовокупить к изданию басен также переведенные им нравоучительные двустиишия Дионисия Катона.

Жизнь Баркова после 1762 года бедна какими-либо событиями и происшествиями. Но как богата его внутренняя жизнь! Как истинный поэт, он проживал ее вместе со своими героями — Антиохом Кантемиром, Горацием, Федром. Вместе с Кантемиром Барков побывал в Лондоне и Париже, познакомился там с учеными людьми. Вместе с Горацием Барков сражался с

императором Августом на стороне Брута, а потом жил с ним в подаренном ему Мecenатом маленьком имении, постигая гораианскую мудрость жизни. Вместе с Федром страдал от рабства в Риме, утешаясь сочиненными Федром баснями.

Не меньше литературных трудов занимали Баркова труды исторические. Не только Эвтерпа, муза лирической поэзии, но и Клио, муза истории, являлась к нему.

Первый исторический труд Баркова — «Краткая российская история». Он написал эту книгу в популярной для учебной литературы форме вопросов и ответов. Работа Баркова была напечатана в 1762 году в качестве приложения ко второму русскому изданию «Сокращенной универсальной истории» Гильмара Кураса, немецкого педагога. К сожалению, имя автора «Краткой российской истории» в издании не было указано. Долгое время считалось, что этот труд Баркова не был издан. Только в 1910 году в Архиве Академии наук был обнаружен документ, подтверждающий и авторство Баркова, и факт публикации его исторического труда. Кроме того, в том же архиве были найдены расписки Баркова в том, что он получил за этот труд двенадцать рублей в вознаграждение^{111}. Мало того — в том же архиве Академии наук Е. С. Кулябко и Н. В. Соколовой удалось найти автограф Баркова — рукопись его «Краткой российской истории». Она была переплетена вместе с рукописью «Сокращенной универсальной истории» Кураса в один фолиант.

Еще до появления «Краткой российской истории» Баркова в печати ею интересовался Миллер, задумавший историю царствования Петра I. Барков кратко описал «славные дела Петра» и составил опять же краткую хронологию его царствования. В 1763 году Миллер выступил рецензентом «Сокращенной универсальной истории» Кураса и «Краткой российской истории»

Баркова в журнале «Ежемесячные сочинения». В своей публикации он высоко оценил труд Баркова, особо отметив, что сообщаемые в «Хронологических росписях славных дел Петра Великого» сведения более точны и полны, нежели в изданной в те же годы известной «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера^{112}.

В 1766 году Академия наук издала выполненный Барковым перевод книги датского историка Людовика Больберга «Сокращенная универсальная история». В ней был раздел, посвященный истории России — всего пять страниц. Барков, работая над переводом, почти вдвое этот раздел расширил. Он знал историю своего Отечества и хотел, чтобы ее знали его соотечественники. В предисловии к публикации Барков уповал на то, что сей труд «послужит каждому любящему исторические занятия и удобнейшему разумению пространных историй и облегчит труд его в дальнейших таковых упражнениях»^{113}.

Значительным событием в творческой жизни Баркова явилась подготовка им текста Несторовой летописи к печати. Еще в 1756 году Барков переписывал ее для Ломоносова и был знаком с этим памятником древнерусской письменности. В 1759–1760 годах он начал над ним работать по поручению Тауберта. В 1761–1762 годах были сданы в набор первые 15 листов текста. Завершилось же печатание только в сентябре 1765 года. А увидела свет книга в 1767 году — она стала первой частью «Библиотеки российской исторической». Барков, готовя Несторову летопись к печати, следовал установленным редактором Таубертом требованиям. Предполагалось, что это будет не сугубо научное, а популярное, доступное широкому читателю издание. Нужно было приохотить народ к знанию отечественной истории. Поэтому Тауберт велел Баркову подновлять старую орфографию, исключать из текста фрагменты

неисторического содержания, дополнять имеющиеся пробелы из других списков. С резкой критикой избранных Таубертом принципов издания выступил А.-Л. Шлёцер — но во всех огрехах он обвинил не Тауберта, а Баркова. Вообще, Шлёцер всячески тормозил это издание, так как готовил совместно с Башиловым свое издание «Русской летописи по Никонову списку». Тауберт же в проволочках издания Несторовой летописи обвинил Баркова, ссылаясь на его пьянство и дурное поведение.

22 мая 1766 года Барков был уволен из Академии наук. Когда наконец летопись Нестора в 1767 году вышла в свет, Барков, проделавший огромную работу по ее подготовке к печати, уже не участвовал в этом. Имя его в издании не было названо. Тауберт же получил за свой труд сто экземпляров издания, лично поднес императрице напечатанную книгу. Мало этого — Тауберт (а он был советником Академической канцелярии) дал указание подготовить аттестацию Баркова, в которой следовало привести сведения о всех его проступках во время службы.

Что случилось с Барковым за два последних года его жизни, неизвестно.

*Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильную чертою*

*К ней не домчится гимн времен,
Благословение племен (V, 116-117).*

Но кто знает? А, быть может, и домчится...

**Глава четвертая
ВОКРУГ «ОДЫ НА
ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕГО
ГОСУДАРЯ ПЕТРА
ФЕДОРОВИЧА, ИМПЕРАТОРА И
САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКОГО И ПРОЧ., И
ПРОЧ., И ПРОЧ.»
ПОЭТ, ЦАРЬ И ЦАРИЦА**

*Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И также смертны, как и я.*

Гаврила Державин.

Властителям и судиям

Стихотворение Державина «Властителям и судиям» было напечатано в журнале «Зеркало света» в январе 1787 года под названием «Ода. Извлечена из псалма 81». Это уже третья редакция написанного в 1780 году стихотворения, которое, разумеется, не понравилось властителям и судиям. Они, «неправедные и злые», позаботились о том, чтобы тогда, в 1780 году, открывающий журнал «Санкт-Петербургский вестник»

лист со стихами Державина вырезали (причем в каждом экземпляре всего тиража) и заменили другим листом. Любопытно, что 150 лет спустя, в 1930 году, портрет неугодного власти Маяковского вырезали из всего тиража журнала «Печать и революция». В 1795 году после Великой французской революции, когда Державин готовил к выходу в свет собрание своих стихотворений, включив в него стихотворение «Властителям и судиям», Екатерина II не разрешила издание. Поэт вспоминал, как придворные «бегали его, как бы боясь с ним даже и встретиться, не токмо говорить»^{114}. Более того, Державина обвинили в том, что он написал якобинские стихи, и ему пришлось объяснять и устно, и письменно, что царь Давид, 81 псалом которого он переложил, не был якобинцем, а потому и стихи никак не могут быть якобинскими. Но и в 1798 году, после смерти Екатерины II, в царствование ее сына Павла I, цензура запретила окончательную, третью редакцию стихотворения.

Когда Державин сочинял «Оду к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице...», он искренне воспевал несравненную мудрость Екатерины II, восхищался ее неустанными трудами для «блаженства смертных», то есть подданных. Но при этом он всегда оставался собой, всегда был, как он сам о себе сказал, «горяч и в правде черт». В стихотворении «Памятник» Державин ставил себе в заслугу то, что он «истину царям с улыбкой говорил». Однако истину поэт и без улыбки, неліцеприятно доводил до сведения венценосных и титулованных особ. Как-то раз он, будучи личным секретарем Екатерины II, рассердившись, схватил ее за край мантильи. Царица распорядилась позвать из соседней комнаты одного из приближенных, которому пожаловалась на «этого господина» Державина — неровен час, этот господин, кажется, ее «прибить хочет».

Не прикасайтесь к идеалам, позолота остается на пальцах. В своих «Записках» Державин признавался, что «он, по желанию ея, видя дворския хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которыя им писаны не в бытность его еще при дворе: ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении к двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ея»^{115}.

Державин — младший современник Баркова, ставший, пожалуй, самым знаменитым поэтом XVIII века. И, быть может, именно его поэтическое творчество и государственная служба (а он был и губернатором, и сенатором, и министром юстиции, и, как уже было сказано, секретарем императрицы) наиболее ярко отражают сложные драматические отношения поэта и власти в XVIII веке, «столетье безумном и мудром». Но и старшие современники Баркова, поэты, которых он знал, с которыми встречался, так или иначе, каждый по-своему, на себе испытали «гнет власти роковой».

Тредиаковский был унижен ползанием на коленях перед Анной Иоанновной во время поднесения ей оды или похвального слова, претерпевая не только унижения, но и побои сильных мира сего. Екатерина II превратила его в посмешище, заставляя своих придворных в качестве наказания за какую-либо оплошность читать вслух страницу из поэмы Тредиаковского «Телемахида» или же выучить отрывок из нее наизусть.

Ломоносов — этот, по словам В. Г. Белинского, Петр Великий русской литературы, единственный универсальный гений в русской науке и культуре, —

вынужден был сочинять стихи для фейерверков, украшающих царские праздники, писать дежурные хвалебные оды по случаю восхождения на трон очередного царя и царицы. Звание академика, чин статского советника, наконец, слава не избавляли его от необходимости защищать свое личное достоинство. Заметив, что «Ломоносов наполнил торжественные оды свои высокопарною хвалою», Пушкин далее писал: «но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей» (VII, 196). В дневнике Пушкина 1834 года есть такая запись: «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного» (VIII, 38). Здесь Пушкин по памяти цитирует письмо Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 января 1761 года: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком (то есть шутом. — *Н. М.*) быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»^{116}.

«Сумароков, — писал Пушкин, — был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками» (VII, 195). Заслуги придворного поэта, директора императорских театров не помешали Сумарокову умереть в нищете и забвении.

Как же у Баркова складывались отношения с властью? Был ли он, сын безвестного священника, вхож в дворцовые покои? Жаловали ли его царь и царица? И как и что он написал о них и близких к ним вельможах в своих стихах?

Баркову было поручено сочинить оду на день рождения императора 10 февраля 1762 года. Почему

именно ему, а не придворным поэтам? Видимо, кто-то (а вдруг Ломоносов?) за него хлопотал.

Конечно, Барков мог видеть Петра III в Петербурге во время царских выездов или же тогда, когда царь командовал ученьями господ офицеров и солдат, сам маршировал с ними на плацу перед Зимним дворцом. Барков мог лицезреть императора на празднествах, в которых и ему, поэту, дозволено было принимать пусть весьма скромное, но все же участие. Когда по случаю заключения мира с Пруссией была поставлена пиеса итальянца Лодовико Лазарони «Мир героев», переведенная Барковым, скорее всего, и он, Барков, был допущен к созерцанию сего пышного зрелища, которое одновременно с ним созерцал и Петр III. Но главным, хотя по обстоятельствам и кратковременным мигом общения поэта с царем было зачитывание и поднесение оды Петру III на день его радостного появления на свет. Скорее всего, это произошло 14 февраля 1762 года во дворце канцлера М. Л. Воронцова на Садовой улице, где были продолжены пышные торжества, начатые в Царском Селе в сам день рождения императора 10 февраля^{117}. Возможно, Барков лично зачитал и поднес оду царю, отпечатанную отдельной книжечкой в Академии наук. Заметим, что накануне, 13 февраля, Барков был назначен переводчиком Академии и уже будучи в этой должности, мог декламировать свое сочинение императору. Все-таки сначала должность, а потом уже хвалебная ода благодетелю всея Руси и самого поэта. Хотя Бог его знает, ведь все готовилось заранее, и, вероятно, назначение Баркова всё же было связано с поручением Академии наук эту оду сочинить. Обратимся теперь к самой оде, посмотрим, как же представил Барков в ней императора.

Во вступлении поэт обращается к России с утешением в скорби по недавней кончине «богини» — Елизаветы Петровны и с надеждами, связанными с

воцарением «великого монарха внука», то есть внука Петра Великого Петра III, рождение которого он и «поет»:

*Восстань, Россия, оживляйся,
Оставь в сей день печаль твою,
Отерши слезы, утешайся,
Петрово рождество пою,
Великого монарха внука;
Прочь вся сердечна боль и мука,
Дух томный, бодро воспряни,
Воздав усердный долг богине,
Которой мы лишились ныне,
В тумане видим ясны дни^{118}.*

Далее поэт, объединяясь с читателями и слушателями своей оды (ораторский прием весьма действенный — это уже не «я», а «мы»), представляет нового царя и отца (имеется в виду «Отца Отечества»), желая «крепости», то есть непобедимости, силы его державе, причем крепости вечной, полученной от Господа:

*Се зрим сияющего в славе
Героя храбра и отца,
И крепости его державе
Желаем вечной от Творца... (332)*

Затем следуют исчисления добродетелей нового монарха: его «милость» — «велика», «к подданным любовь ясна», он «кроток, щедр, незлобен». Без этого в оде никак нельзя.

*Труд удивления достоин,
И милость всех честней похвал!*

*Един монарх судья и воин,
Един в двух лицах просиял.
Петра великого геройством,
Щедротой, кротостью, спокойством
Являешь ты, Елисавет.
Натура чудо днесь открыла,
В тебе слиянны, два светила
Дают России большой свет (335).*

Петр Великий и Елизавета Петровна представлены идеальными — сильными и мудрыми, добрыми и милосердными правителями. Вот они, наши маяки. Вот на кого надобно равняться, кому надобно подражать. Вот примеры для Петра III. Барков включает в свою оду дидактическое рассуждение о том, что же сулит государю бессмертие:

*Подвержены пременам, твари
Живут и кончат бытие;
Но те бессмертны государи,
Которых славно житие.
Мы жизнь летящу человека
Не мерим долготою века,
Но славою полезных дел;
Коль паче славны и велики
Те чтутся на земли владыки,
О коих промысл сам радел (333).*

Завершая оду, Барков говорит о сыне Петра III и его венценосной супруги Екатерины — будущем царе Павле I, о «несомненных надеждах» на то, что «в Павле будет дед и внук». И в самом конце оды — жизнеутверждающие мажорные стихи:

*Надежда наша есть не тщетна,
В желаниях мы зрим успех;
Твоя к нам милость неисчетна,
Источник, Боже, всех утех.
Сложив печали тяжко бремя,
Храни во век Петрово племя,
Как деда с дщерию хранил.
Красуйся, Петр с Екатериной,
Что сей дражайший день причиной
Российского блаженства был! (336)*

Надеждам, высказанным Барковым, не суждено было сбыться. Петру с Екатериной не суждено было долго красоваться вместе. После дня рождения Петра III и пышных торжеств по сему случаю пройдет совсем немного времени — четыре с половиной месяца, и 28 июня 1762 года Екатерина свергнет с престола своего царственного супруга. Пройдет 39 лет, и сын Петра III и Екатерины II Павел I будет убит мартовской ночью 1801 года в Михайловском замке.

Конечно, ода Баркова традиционна. Петр I не единожды воспевался в одах, поэмах и похвальных словах Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова и других поэтов. С началом нового царствования поэты всегда связывали надежды на прекрасное будущее для России, для подданных государя. Однако если учесть, что ко времени поднесения оды Петром III уже были подписаны указы о вольности дворянства и об уничтожении Тайной розыскных дел канцелярии, вызвавшие общественную эйфорию, то надежды, высказанные Барковым, были отнюдь не беспочвенны.

При всей традиционности оды Баркова отдадим ей должное. Барков виртуозно использует риторические приемы и украшения. В его тексте есть риторические вопросы и восклицания, эмоциональные эпитеты: вожди

— неустрашимы, мужи — преславны, внук — прехрабрый, дела — чудесные, труд — великий. Барков прибегает к сравнениям и выразительным контрастам: «страшная ночи мгла» и «лучи пресветлы» от царского венца, «Весна среди зимы настала, / Заря багряна заблистала / И облачный прогнала мрак». Отметим еще одно несомненное достоинство оды Баркова — достоинство краткости. В отличие от других од XVIII века она не является «отменно длинной, длинной, длинной».

Насколько нам известно, ода Баркова не привлекала специального внимания исследователей. Между тем небезынтересно обратить внимание на перекличку некоторых ее мотивов, образов и даже рифм со стихотворением Пушкина «Стансы» («В надежде славы и добра»).

«Стансы» Пушкина, созданные 22 декабря 1826 года, вскоре после возвращения его из Михайловской ссылки по воле только что взошедшего на престол Николая I, как и ода Баркова, начинаются мотивом надежды:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед и без боязни... (II, 307).*

О надеждах, связанных с воцарением Николая I, Пушкин писал и в 1828 году в стихотворении «Друзьям».

*Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами (III, 47).*

Приведенные стихи Пушкина соотносятся не только с одой учителя Баркова Ломоносова, посвященной Елизавете Петровне, — «Одень оружием новым царство / Полночны оживи страны»^{119} (1761 год), но и с одой Баркова — «Восстань, Россия, оживляйся». Война, о

которой идет речь в «Стансах», — Русско-персидская 1826–1828 годов, завершившаяся после побед русского оружия заключением Туркманчайского мирного договора, присоединением Армении к России. Что же касается надежд, то для Пушкина это были и надежды на освобождение декабристов, надежды, которые не оставляли его до конца жизни и которым при его жизни не суждено было сбыться. Современники Баркова были счастливы: в начале 1762 года Петр III даровал прощение нескольким десяткам осужденных в царствование Елизаветы Петровны, узники Сибири вернулись домой.

И у Баркова, и у Пушкина заявлена тема Петра I: Петр III — внук, Николай I — праправнук великого императора. Известно, что Николай I всячески насаждал культ своего прапрадеда. Сравнение Николая I с Петром I встречается не только в «Стансах» Пушкина, но и в стихотворениях других поэтов. Так, в июльском, 14-м номере журнала «Сын Отечества» за 1826 год в стихотворении «На всерадостнейший день Священного коронования Его Императорского Величества Государя Императора Николая Павловича» Евграф Трегубов писал о том, что в новом императоре «зримы доблести» и Петра I:

*Да будет Богом Он хранимый,
Среди цветущих жизни дней.
Ко благу нашему в нем зримы
Те доблести благих Царей,
Петра Великого — правдивость,
Екатерины — прозорливость.
А Александра — кроткий дух...* ^{120}

Сравнение Николая I с Петром I есть и в стихотворении М. Суханова «Чувства Русского

крестьянина при Священнейшем Короновании
Императора Николая Первого»:

*Твердый доблестью, как Великий Петр,
Он опорою Царству Русскому^{121}.*

Пройдет время, и Пушкин увидит в Николае I нечто всё больше от прапорщика и всё меньше от Петра I. Но в 1826 году Петр I — образец великого государя, которому должен и, как казалось Пушкину, может следовать взошедший на престол император. Эта мысль сближает пушкинские «Стансы» с барковской одой. И у Баркова, и у Пушкина Петр I — герой, свершитель тяжких трудов, «вечный работник» на троне, милостивый отец своих подданных. Впрочем, это наблюдение не отменяет присутствие цитат и реминисценций в пушкинском тексте из «Слова похвального Петру Великому», поэмы «Петр Великий», од Ломоносова, од и стихотворений Державина^{122}. В свою очередь, цитаты и реминисценции из сочинений Ломоносова не отменяют того, что в «Стансах» Пушкина сказывается и ода Баркова.

Мотив милости и милосердия занимает особое место и в оде Баркова, и в «Стансах» Пушкина. Сравним:

*Петрова милость столь велика,
Сколь к подданным любовь ясна.
Елизавете в том подобен,
Монарх наш кроток, щедр, незлобен,
О всех печется, как она (332).*

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:*

*Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен (II, 307).*

Чрезвычайно интересно: рифма «подобен-незлобен» есть и у Баркова, и у Пушкина. Но не менее интересно то, что эта же рифма встречается в стихотворении И. И. Дмитриева «К А. Г. Севериной», увидевшем свет в «Московском журнале» в 1791 году (то есть после оды Баркова, но до «Стансов» Пушкина) и впоследствии (с 1803 года) неоднократно перепечатывавшемся в изданиях сочинений Дмитриева:

*Будь честен, будь умен, чувствителен, незлобен,
Приятен, мил, — во всем будь маменьке
подобен*^{123}.

Приведенные строки были обращены к младенцу-сыну Анны Григорьевны Севериной, родившемуся в 1791 году Дмитрию Петровичу Северину, ставшему впоследствии товарищем Пушкина по литературному обществу «Арзамас». Цитата из стихотворения Дмитриева придавала «Стансам» Пушкина иронический смысл. Благодаря ей император Николай I представал в роли дитяти на троне, к которому поэт обращается с поучениями: «Во всем будь пращуру подобен». Возможно, что рифма «незлобен — подобен» заимствована Пушкиным у Дмитриева. Но возможно и другое предположение: рифма эта могла восходить у Пушкина и к оде Баркова. Слово Пушкина многозначно. Оно включает в себя высокий одический пафос и в то же время иронию, которую почувствовал П. А. Катенин, считавший, что пушкинские «Стансы» — «плутовские», ибо в них поэт «перетолковывает» «всё на другой лад»^{124}.

Но вернемся в 1762 год, к Баркову. Мы не знаем, одарил ли Петр III поэта за его торжественную оду золотой табакеркой, или же перстнем, или еще каким награждением, что было в обыкновении того времени. Ну что же:

*А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды (II, 226).*

Мог ли Барков, после столь знаменательного события в его жизни, быть замеченным императором и даже войти в его ближнее окружение? В сущности, невозможного здесь нет, если учесть известный демократизм царя. С молодых лет Петр III любил играть с пажам, егерями и лакеями, что очень беспокоило его тетюшку Елизавету Петровну, которая, впрочем, и сама не гнушалась проводить время со своими горничными. Император, поклонник итальянской музыки, запросто принимал у себя итальянских певцов и актрис. Почему бы не оказаться рядом с ними и пииту Баркову? В записи Пушкина сохранен рассказ старой фрейлины Натальи Кирилловны Загряжской, которая, будучи девочкой, видела Петра III в доме своих родителей:

«Я была очень смешлива: государь, который часто ездил к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на государя» (VIII, 87).

К тому же страсть к Бахусу, попойки, которые приводили в негодование Екатерину Алексеевну, — и это могло сближать Петра III с «малым мира сего» Барковым. А. Т. Болотов, которому по долгу службы (он был адъютантом генерала-аншефа Корфа, «отправлявшего тогда должность генерала-полицеймейстера в Петербурге») довелось бывать в дворцовых покоях и сопровождать выезды императора в дома

приближенных к нему вельмож, вспоминал о том, как государь, еще до обеда выпив по обыкновению несколько бутылок английского пива, ходил по комнате в клубах табачного дыма: «...а государю то было и любо, и он ходючи по комнате только что шутил, хвалил и хохотал. <...> Не успевают бывало сесть за стол, как и загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются все как маленькие ребяточки, и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну, все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать:

— Ну! ну! братцы, кто удалее, кто сшибет кого первый?»[{125}](#)

У А. Т. Болотова подобные сцены вызывали негодование и чувство стыда. Баркова они, вероятно, позабавили бы. Видя «первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами», прыгающими, он разве что мог бы посмеяться и спеть нечто подобное песенке рок-группы «Манго-Манго»: «Надо прыгать! Надо прыгать! Прыгать, прыгать, прыгать, прыгать!..»

Петр III усердно служил не только Басуху, но и Афродите. Конечно, его настоящей сердечной привязанностью была Елизавета Романовна Воронцова, которую он нежно называл Романовной. Но это не исключало его внимания к фрейлинам супруги и к другим домам. Любопытен совершенно невероятный и абсолютно недостоверный анекдот о том, что послужило причиной знаменитого указа Петра III о вольности дворянской. Анекдот этот был впервые приведен князем М. М. Щербатовым в записке «О повреждении нравов в России» — ему же рассказал о якобы бывшем курьезном случае секретарь Петра III Д. В. Волков:

«Петр Третий, дабы скрыть от Граф[ини] Елиз[аветы] Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною (Еленой Степановной Чогловой, впоследствии княгиней Куракиной), сказал при ней Волкову, что имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в разсуждении благоустройства Государства. Ночь пришла. Государь пошел веселиться с Княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был заперт в пустую комнату с датской собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения Государскаго, не знал о чем писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкия вытвержения Государю от Графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства, седши написал манифест о сем. По утру его из заключения выпустили, и манифест был Государем апробирован и обнародован»^{126}.

Конечно, анекдот, как уже сказано, исторически недостоверен^{127}. Не случайно Пушкин в заметке о дворянстве писал: «Pierre III — истинная причина дворянской грамоты» (VIII, 104). Но, как нам кажется, анекдот этот не случаен в том смысле, что по-своему отражает историческую реальность — не в государственном, а в исключительно частном плане: по-видимому, у Петра III в самом деле было широкое сердце. Ну а насколько это могло вызвать сочувствие Баркова, кто знает. Да и знал ли Барков о сердечных увлечениях своего государя?

Нам остается только гадать, как воспринял Барков известие о «добровольном» отречении Петра III от престола, его скоропостижную смерть «от геморроидальных колик». Был ли Барков в веренице людей, пришедших проститься с ним в собор Александро-Невского монастыря, видел ли мертвого

императора в гробу, с почерневшим лицом, обряженного в прусский мундир.

*Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я^{128}.*

Вряд ли Баркову было известно, что Петр III намеревался навести порядок в Академии наук, где служил Барков и где его не все устраивало. Однажды император сказал своему воспитателю, академику Я. Я. Штелину:

«Штелин! Я очень хорошо знаю, что в вашу Академию наук закралось много злоупотреблений и беспорядков. Ты видишь, что я занят теперь более важными делами, но как только с ними управлялось, уничтожу все беспорядки и поставлю ее на лучшую ногу»^{129}.

Император не успел осуществить свое благое намерение. Он многого не успел. 186 дней царствования Петра III подошли к концу. Баркову же предстояло увидеть начало царствования Екатерины II, жить в славное время екатерининских орлов.

В 1763 году в Петербурге в типографии при Императорской Академии наук была напечатана книга «Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы с примечаниями, с латинского языка переложенныя российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым». Переводчик посвятил свой труд одному из самых влиятельных людей в Российской империи:

«Его Сиятельству, графу Григорию Григорьевичу Орлову, Ея Императорскаго Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, канцелярии

опекунства иностранных дел президенту, и орденов святого Александра и святыя Анны Кавалеру, милостивому государю низжайшее приношение»^{130}.

Григорий Орлов — один из пятерых братьев Орловых (еще четверо Орловых умерли во младенчестве). Выпускник Петербургского сухопутного кадетского корпуса, он, будучи двумя годами моложе Баркова, принимал участие в Семилетней войне, особенно отличился в сражении под Цорндорфом: трижды был ранен, но остался в строю. Орлов — настоящий богатырь, сильный и смелый. И еще — огромного роста красавец, приветливый и общительный. К тому же — замечательный танцор, щеголь и, конечно же, любимец женщин. В Петербурге он пользовался неизменным успехом у дам. По свидетельству знавшего его А. Т. Болотова, Орлов «имел во всем характере своем столь много хорошего и привлекательного, что нельзя было его никому не любить».

Орлова обожали гвардейцы. Его бесшабашная удаль и молодечество вызывали восхищение. Участник шумных пирушек, драк и рискованных приключений, Орлов всегда оставался победителем. Он не привык отступать перед препятствиями. Будучи адъютантом генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии) графа П. И. Шувалова, Орлов «ублудил» любовницу своего начальника красавицу Елену Куракину. (NB: «ублудил» — слово Пушкина, который в одном из писем сообщал, что его беспутный братец Левушка «ублудил жену полкового командира».) Для Орлова это было романтическое приключение, сопряженное с препятствиями, опасностью расправы со стороны разгневанного генерала. Весь Петербург обсуждал эту любовную связь. Бравым адъютантом заинтересовалась великая княгиня Екатерина Алексеевна. Весной 1762 года у них родился сын, нареченный Алексеем

Григорьевичем и получивший впоследствии титул графа и фамилию Бобринский.

Григорий Орлов и брат его Алексей Орлов, гвардеец, человек. во многих отношениях замечательный (он тоже был красавцем, силачом и драчуном) стали главными заговорщиками во время дворцового переворота 1762 года. Благодаря Григорию Орлову гвардия возвела на престол Екатерину II. Заговорщики были осыпаны всевозможными милостями и награждениями. Все пятеро братьев Орловых получили графский титул, высокие чины. Григорий Орлов, первый вельможа в государстве, мог подняться и на самую высокую ступень, но Екатерине II дали понять, что Российской империей может править императрица, но не может мадам Орлова.

Участвуя в государственной деятельности, Григорий Орлов вместе с тем отличался артистизмом. Сегодня сказали бы, что в нем было развито игровое начало. А. Т. Болотов вспомнил, как в 1759 году Орлов был среди «первейших заводчиков» к тому, чтобы затеять благородный театр, поставить на любительской сцене трагедию Ломоносова «Демофонт». Жаль, конечно, что эта затея не осуществилась. В 1766 году Орлов принял участие в костюмированном празднике — карусели, где в «присутствии самой Минервы» картинно гарцевал на коне в доспехах римского легионера:

*А в оном, кой летит под шлемом,
Вожди те явны и вдали,
Которы Ромула со Ремом
Своими проотцами чли.
Его десница скородвижна,
Почти виденью непостижна
Со взмахами ссекает вдруг!
Камилл, во заключеньи Рима
Стена врагам необорима,*

Таков имел и взор и дух^{131}.

Так Василий Петров описал Орлова — участника карусели, сравнив его с древнеримским полководцем Камиллом. Во всей красе римского воина Орлова запечатлел на портрете Виргилиус Эриксен.

Ломоносов в послании к Орлову не случайно назвал его «Любителем чистых муз, / Защитником их трудов», героем, который «покой и век златой наукам обновил»^{132}. Орлов живо интересовался литературой и наукой, в особенности физикой, благоговел перед Ломоносовым и его трудами. В 1764 году по инициативе Орлова «благоволила Ее Императорское Величество с некоторыми двора своего особами удостоить своим высокомонаршеским посещением статского советника и профессора господина Ломоносова в его доме»^{133}. После смерти Ломоносова Орлов приобрел его рукописи у его вдовы, бережно хранил их в особом помещении. И еще это он, Орлов, вполне оценил комедию «Бригадир», и ее молодой автор был приглашен в Петергоф, где читал свое сочинение императрице и придворным. Первый успех окрылил Д. И. Фонвизина...

Литературные интересы Орлова во многом объясняют его благотельную роль в создании Барковым переводов Горациевых сатир. В какой-то мере они могут служить обоснованием выдвинутой в 1830-х годах гипотезы о том, что именно Орлов был инициатором этого труда: «В это же время (имеется в виду 1763 год. — Н. М.) Граф Орлов (Григорий Григорьевич) заботился у нас о распространении писателей-классиков. По его убеждению, Барков (Иван) перевел и напечатал «Флакковы Сатиры». Говорили, что Граф Орлов этими трудами хотел облагородить Баркова»^{134}.

Открывая книгу своих первых переводов Горациевых сатир стихотворением, обращенным к Орлову, прося его «милостиво труд принять в покров» (то есть под покровительство), Барков говорит о пользе сатир, исправляющих нравы. В пример же порочным людям он ставит людей добродетельных:

*Примером могут им служить такие лица,
Которых к честности вела Творца десница,
Изящностию всех украсила доброт
И доблестью прославила их род;
А милость наша защитницы и сила
В сердцах их оную сугубо утвердила,
И, в безопасный взяв Россию под покров,
Хранит и милует, законы вводит вновь.
Вы ж, исполнители премудрых повелений
Даєте образ, как избегнуть преступлений
И добродетельно на свете людям жить,
Чтоб общей матери могли угодны быть (338).*

Нам остается только восхититься, как искусно вплетает Барков в свои стихи панегирик нашей «общей матери», милосердной защитнице и законодательнице Екатерине II и исполнителям ее «премудрых повелений», среди которых и Орлов, конечно. И в заключении, выстраивая свое сочинение по законам кольцевой композиции, поэт вновь обращается к своему покровителю Орлову:

*Счастливей для меня тем будут и сатиры,
Когда не презришь ты Горациевой лиры (338).*

В 1972 году в первом томе сборника «Поэты XVIII века» было впервые опубликовано по списку начала XIX века, хранящемуся в Институте русской литературы,

еще одно стихотворное послание Баркова, адресованное Орлову: «Его сиятельству графу Григорию Григорьевичу Орлову Ее Императорского Величества лейб-гвардии конного полку подполковнику, генералу-адъютанту, действительному камергеру, канцелярии опекунства иностранных дел президенту и разных орденов кавалеру, милостивому государю всеусердное приветствие». В списке к стихам есть подпись: «Вашего высокографского сиятельства всепокорнейший и всенижайший слуга Иван Барков»^{135}.

По какому поводу создано это выдержанное в стилистике похвальной оды стихотворение? Пока мы не можем ответить на этот вопрос. Но повод, судя по тексту, конечно, был. В заключении стихотворного приветствия сказано, что Орлов «за верность честь принял <...> нову вместо мзды» (340). Ответ на поставленный вопрос был бы очень важен для того, чтобы датировать стихотворное «всеусердное приветствие» Баркова. Но, повторяем, пока этого ответа нет. Сейчас обратим внимание на то, что в этом стихотворении созданы парные портреты Екатерины II, которой «паче всех любезна добродетель», и Григория Орлова, чей дух «к монархине пылает» «усердством»:

*Но прелесть ли богатств и чаянье ль гостей
Заслуги матери влекут являть своей?
Любовь, щедроты, суд прав, милости едины
Долг налагают сей рабам Екатерины!
Не славой и она пленялася венца,
Искавши наших бедств с опасностью конца;
К отечеству любовь ее, тогдашня жалость
Заслуг к ней подданных доказывают малость
(339-340).*

Исчисляя добродетели императрицы, сказав о ее любви к Отечеству, правосудии, щедротах и милостях, Барков не забывает сказать и о том, что во время дворцового переворота 1762 года Екатерина II, подвергая себя смертельной опасности, была движима бескорыстным стремлением прекратить бедствия россиян. Григорий Орлов, чье деятельное участие в дворцовом перевороте уже было всем известно, поставлен в пример другим верноподданным:

*За верность честь принял ты вместо мзды;
Всяк да хранит твои, кто льстится тем, следы
(340).*

Для А. Т. Болотова только «по вступлении на престол императрицы Екатерины открылось, что такое был Орлов и что он тогда делал и предпринимал»^{136}. До этого не только роль заговорщика, которую играл Григорий Орлов, но и другая его роль — возлюбленного императрицы тщательно скрывалась. Когда же Екатерина оказалась на троне, то это стало не только очевидным, но еще и всячески демонстрировалось. Мы не говорим сейчас о пожаловании Орловым и, в первую очередь, Григорию, графских титулов, высоких воинских званий, земельных угодий и крепостных душ. Были еще и другие знаки внимания, которые дорого ценились, тем более что они оказывались публично — при придворных, при иностранцах, словом, при всех. Так Джованни Джакомо Казанова в своих мемуарах запечатлел такую сцену в придворной церкви:

«Во время службы она (императрица. — Н. М.) не являла напускного благочестия; она была выше лицемерия и удостаивала улыбкой то одного, то другого из присутствующих, обращалась время от времени к своему фавориту (Григорию Орлову. — Н. М.), хоть

сказать ей было нечего, она желала польстить ему, выказать, что особо отличает его, ставит надо всеми»^{137}.

«Григорий Орлов — любовник Екатерины». Эта поэма, приписанная Баркову, обрела особенную популярность в XX веке. В 1990-х годах помимо многочисленных копий она была напечатана в Москве, Иркутске и даже Тель-Авиве^{138}. Причем текст ее известен в двух несколько отличающихся друг от друга редакциях. Во второй редакции поэма названа «Утехи императрицы». Открывается поэма своего рода исторической экспозицией:

*В блестящий век Екатерины
На все парады и балы
Слетались пышно и картинно
Екатеринины орлы.*

*И хоть интрижек и историй
Орлы плели густую сеть,
Из всех орлов — Орлов Григорий
Лишь мог значение иметь^{139}.*

Описав далее красоту Григория Орлова, его большой рост, жемчуга зубов и пламя взоров — достоинства, замеченные императрицей, которая пожелала с ним познакомиться, автор поэмы представляет его не как государственного мужа, а как пьяницу и дебошира, что, вероятно, по мысли сочинителя, могло выглядеть достоинствами в глазах Баркова:

*Изрядно вечером напившись
С друзьями в шумном кабаке,
Храпел Григорий, развалившись,*

Полураздетый, в парике^{140}.

Получив депешу от императрицы, Орлов с ужасом вспоминает свои прегрешения:

*Вчера дебош я с мордобоем,
Насколько помнится, создал,
И выручили меня с боем
Все те же несколько солдат.*

*Теперь зовут меня к ответу.
Конец карьере! Я погиб!
Иван, закладывай карету!
Парик мне пудрою посыпь^{141}.*

Оказавшись во дворце перед императрицей, Орлов простодушно не понимает, зачем государыня его позвала, падает перед ней на колени:

*Казнить иль миловать велите!
Пред вами ваш слуга и раб...
Она лакеям: — Уходите!
Потом ему: — Да, я могла б
Тебя нещадно наказать,
Но я совсем не так злорадна
Мне хочется тебя ласкать —
Так ласка мне твоя приятна!^{142}*

И далее, как читатели, верно, догадались (а может быть, и читали), следуют несколько страниц, процитировать которые не представляется возможным. Разумеется, Орлов здесь сексуальный гигант, а Екатерина II неутомимая любовница. В завершении

поэмы — последний штрих, опять намек (хотя исторически недостоверный) на контекст описанного происшествия:

*А за окном оркестр играет,
Солдаты строятся уж в ряд,
Потемкин там предпринимает
Какой-то смотр или парад.
<...>
Трещит кровать, скрипят пружины.
А на плацу гремит уж рать:
«О, славься, жизнь Екатерины!
О, славься, нежная нам мать!»^{143}*

От поэмы «Григорий Орлов — любовник Екатерины» до легенды, в которой Барков объявляется счастливым соперником Орлова, — один шаг^{144}. Императрица, весьма довольная Барковым, якобы пожаловала ему графский титул, и он удалился в свое поместье. На наш взгляд, легенда по-своему свидетельствует о народной любви к Баркову: народная молва награждает любимого героя всяческим благополучием, коего он, несомненно, заслуживает.

И еще одна легенда, которая не может не привлечь нашего заинтересованного внимания. О ней рассказал в 2015 году на страницах журнала «Нева» известный исследователь истории Петербурга и петербургского городского фольклора Н. А. Синдаловский:

«Согласно преданиям, именно этот великий похабник и замечательный поэт придумал знаменитую по своей лаконичности надпись к памятнику Петру I на Сенатской площади «Петру Первому Екатерина Вторая». Будто бы за это императрица выдала ему сто целковых, что по тем временам было целым состоянием. Рассказывают, что через несколько дней друзья и

собутельники великого гуляки и пьяницы решили узнать, как он собирается вложить такие немалые деньги. В ответ Барков декламировал экспромт:

*Девяносто три рубли
Мы на водку употребли.
Остальные семь рублей
Впотребли мы на б...*

Об этой истории сохранилась и другая легенда. Будто бы в конкурсе на надпись к памятнику, объявленном Екатериной, действительно победил Барков. Но учитывая специфические особенности его личности, результаты конкурса решили не предавать огласке. Однако подпись использовали. Когда, к своему немалому удивлению, Барков увидел на пьедестале памятника Петру I хорошо знакомый родной текст, то тут же сбегал за кистью и краской и вслед за словами: «Петру Первому Екатерина Вторая» приписал: «обещала, но не дала», напомнив таким откровенно двусмысленным образом не только об обещанном якобы гонораре, но и о личных качествах любвеобильной государыни. Похоже, он никогда себе не изменял»^{145}.

Разумеется, Барков не мог оставить свою надпись на постаменте Фальконетова монумента: памятник Петру I был торжественно открыт в 1782 году, когда Баркова уже 14 лет не было в живых.

Попутно заметим, что если бы такое случилось, то, конечно, Екатерина II оценила бы остроумие скабрезной двусмысленности. Анекдот повествует о том, как однажды проситель добивался исполнения повеления, данного еще Петром I, который в сердцах начертал на его прошении резолюцию: «Дать ему х..!» Когда доложили императрице об этом, она смиренно заметила: «Сообщите просителю, что я и этого ему дать не могу».

И еще: Екатерина II царственно умела не видеть и не слышать того, что ей не надлежало видеть и слышать. В другом анекдоте представлено, как адмирал В. Я. Чичагов рассказывал Екатерине II о победе над шведским флотом:

«...Адмирал <...> ругал трусов — шведов, причем употреблял такие слова, которые можно слышать только в толпе черного народа. «Я их... я их...» — кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей...

— Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...

— Ничего, — кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, — ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею.

Она так простодушно говорила это, что старик от души поверил, опять сел и докончил рассказ. Императрица отпустила его с чрезвычайным благоволением»^{146}.

И все-таки... Фальконе по приглашению Екатерины II приехал из Франции в Петербург в 1766 году. Баркову тогда еще оставалось жить два года. Началась напряженная работа. Памятник был задуман так, что русский царь должен был на коне, простирая благодетельную руку над своей страной, подняться на скалу. Скала мыслилась скульптором как постамент царственного всадника и одновременно как своеобразный символ преодоленных им трудностей. Голову императора, которая не удавалась Фальконе, вылепила его ученица Мари Анн Калло, ставшая потом его женой. Чтобы вылепить коня, во дворе мастерской соорудили помост с таким же наклоном, как у задуманного пьедестала. Берейтор взлетал на прекрасном коне из царской конюшни, у самого края вздергивая его на дыбы. Скульптура коня удалась.

Фальконе решил бросить под его копыта змею — символ злобы, препятствующей великим деяниям великого монарха.

В 12 верстах от Петербурга нашли огромный Гром-камень. Его так называли, потому что некогда его разбила молния, оставив глубокую расщелину. По легенде Петр I поднимался на этот камень, обзорева окрестности. В 1770 году с невероятной изобретательностью и трудами камень был доставлен на Сенатскую площадь. Но Баркова-то ведь уже на свете не было. Ему не суждено было увидеть созданную Фальконе модель, которую выставили на всеобщее обозрение и которая вызвала и восторг, и негодование, то есть принесла ее автору «славы дань, кривые толки, шум и брань». В 1770 году В. Г. Рубан сочинил две стихотворные надписи, которые тогда же, в 1770 году, были изданы под названием «Надписи к камню, предназначенному для подножия статуи императора Петра Великого», а потом добавил к ним еще одну. Особенной популярностью пользовалась первая надпись:

*Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид!
И Нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бренными соделаны руками.
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез Невския пучины
И пала под стопы Великого Петра^{147}.*

Но и стихи Рубана вызвали не только многочисленные хвалебные отзывы, но и критику. Н. И. Хемницер сочинил несколько эпиграмм, высмеивая «стихи на камень». И этого Барков знать уже не мог. В

1782 году памятник был торжественно открыт при большом стечении народа. Нет, не мог Барков увидеть бронзового Петра на коне, не мог воскликнуть:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь
И где опустишь ты копыта? (IV, 286)*

И все-таки... Кто же придумал надпись на постаменте — «ПЕТРУ ПЕРВОМУ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ ЛЕТА 1782» и еще на латинском языке — «PETRO primo CATMARINA secunda MDCCLXXXII»?

Дени Дидро, который живо интересовался работой над памятником, предложил Фальконе поместить на постаменте текст на латыни: «Петру Первому посвятила памятник Екатерина Вторая» и еще — «Воскресшая доблесть привела с колоссальным усилием эту громадную скалу и бросила ее под ноги героя»^{148}.

Фальконе в письме Екатерине II от 14 августа 1770 года сообщал:

«На подножии статуи я поместил эту краткую надпись: Петру Первому воздвигла Екатерина Вторая»^{149}.

Императрица гениально отредактировала надпись: «Петру Первому Екатерина Вторая». В ней выразилась важная для нее идея политической преемственности. Не случайно памятник был открыт 7 августа 1782 года, в день столетия со дня вступления на престол Петра I и в двадцатилетие царствования Екатерины II.

Так при чем же здесь Барков? Предположим невероятное: Екатерина II, давно задумавшая увековечить своего великого предшественника,

установить ему памятник в столице Российской империи, в созданном им городе, каким-то образом смогла узнать о тексте для памятника, сочиненном (разумеется, до 1768 года, что тем более невероятно!) академическим переводчиком Барковым, который был не только поэтом, но в совершенстве знал латинский язык. Во всяком случае, народное предание, приписав именно Баркову знаменитый текст, признало таким образом его талант и поставило его имя рядом с именем императрицы.

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец Молчит,
потупя очи долу (III, 48).*

Глава пятая

ВОКРУГ «ОДЫ КУЛАШНОМУ БОЙЦУ»

И. С. БАРКОВ, В. И. МАЙКОВ, В. Л. ПУШКИН

... ГОТОВЫ кулаки...

Василий Пушкин. Опасный сосед

В черновике «Замечаний о бунте» Пушкин записал анекдот, который показался ему весьма любопытным:

«Четыре брата Орловы <...> были до 1762 году бедные гвардейские офицеры, известные буйною и беспутною жизнью (вариант: известные красотою и силою. Они вели самую беспутную жизнь, пьянствовали в трактирах, на кулачных боях). Народ их знал за силачей — и никто в Петербурге с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как и они. Порознь он бы мог сладить с каждым из них — но вдвоем Орловы брали над ним верх. После многих драк они между собою положили, во избежание напрасных побоев, следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу, и где бы его ни встретил, повинуется ему беспрекословно. — Двое же Орловых, встретя Шванвича, берут перед ним перед, и Шванвич им повинуется. — Такое перемирие не могло долго существовать. — Шванвич встретился однажды с Федором Орловым в трактире, и пользуясь своим правом, овладел бильярдом, вином и, с позволения сказать, девками. — Он торжествовал, как вдруг, откуда ни возьмись, является тут же Алексей Орлов, и оба

брата по силе договора отымают у Шванвича вино, бильярд и девок. Шванвич уже хмельной хотел воспротивиться. — Тогда Орловы вытолкали его из дверей. Шванвич в бешенстве стал дожидаться их выхода, притаясь за воротами. — Через несколько минут вышел Алексей Орлов, Шванвич обнажил палаш, разрубил ему щеку и ушел; удар пьяной руки не был смертелен. Однако ж Орлов упал. Шванвич долго скрывался, — боясь встретиться с Орловыми»^{150}.

Знал ли Барков о нашуемей драке в питейном доме виноторговца Юберкампа на Большой Миллионной? Скорее всего, знал. Но так ли все было, как изложено в пушкинской записи? Автор книги «Алехан, или Человек со шрамом: жизнеописание графа Алексея Орлова-Чес-менского» В. А. Плугин предложил иную версию происшествия, основываясь на других исторических источниках: по-видимому, Алексей Орлов и Александр Шванвич могли сражаться в кулачном бою, и именно в кулачном бою Шванвич, вопреки правилам, подло прибегнул к оружию, оставив на лице красавца Орлова глубокий шрам во всю щеку от сабельного удара. И было это между 24 сентября 1754 года и 24 сентября 1755 года или же между 1756 и 1757 годом^{151}.

Драки гвардейцев, к которым имел честь принадлежать Алексей Орлов, и лейб-кампанцев, к которым имел счастье принадлежать Александр Шванвич (лейб-компания была создана из гренадерской роты Преображенского полка Елизаветой Петровной; лейб-кампанцы охраняли дворец и соответственно царственных особ), — дело обыкновенное. Стычки их друг с другом, с обывателями, наконец, просто с теми, кто попадался им под горячую руку, в Петербурге случались часто. А кому как не Баркову, драчуну, который за драки не раз был наказан, не зная упоения и восторга такого рода забав. Впрочем, забавы эти нередко кончались тяжкими увечьями их участников.

Нельзя читать без содрогания заключение лекаря, освидетельствовавшего раненого в драке 19 августа 1755 года переводчика главной полиции Петербурга Карла Болсена:

«...У правой ноги большая кость пониже колена переломана, в кисти в суставе вывихнута; на большой кости рана до крови. Вся нога синя, багрова и спухла. У правой щеки на правой стороне губа на три пальца сквозь сечена. Также и зубы на той же стороне все выбиты. И прочие остальные зубы шатаются. На голове на левой стороне близ темя до кости рана на три палца.

Спина, бока и плечи сини и на иных местах и кожа збита»^{152}.

Бедного Карла Болсена лейб-кампанец Петр Коровин бил не только кулаками, но и сломанным кием (драка началась в трактире перчаточника Самуэля Форшмана на Невском проспекте в биллиардной). Но и кулачные бои, где были свои правила, воспрещавшие драться чем-либо, кроме кулаков, и, что также чрезвычайно важно, не бить лежащего (это правило кулачного поединка дошло до нас в речевом словоупотреблении, приобрело в речи не столько прямой, сколько переносный смысл), приводили и к тяжким увечьям, и нередко к смертельным исходам. Доброе сердце императрицы Елизаветы Петровны не могло этого перенести: кулачные бои угрожали жизни и здоровью ее подданных. 3 июля 1743 года государыня именным указом воспретила кулачные бои и в Петербурге, и в Москве и повелела накрепко смотреть за этим главной полиции. В 1751 году, когда в кулачном побоище на Миллионной улице полегло много людей, указ пришлось повторить.

Конечно, никакие запрещения кулачных боев уничтожить не могли. И всё же надобно, как нам представляется, обладать известной смелостью, чтобы вопреки императорским указам воспевать в стихах

кулачный бой и кулачных бойцов. А если учесть, что издавна духовенство считало кулачные бои бесовской забавой, наказывало их участников отлучением от церкви, не отпевало убитых в кулачных сражениях, то тем более надо оценить дерзость Баркова, сына священника, который сочинил «Оду кулашному бойцу». Ода не печаталась, но широко распространялась в списках.

*Хмельную рожу, забияку,
Рвача, всесветна пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Ширяя в плечах бузника (78).*

«Буза — сусло, молодое пиво или брага, неуходившаяся, солодковатая. Особый напиток, густой и мутный, род пшеничного кваса; делают также пьяную бузу из наливаемой кипятком каши смешанных круп: гречневых, ячных, овсяных и пшеничных, повеселяя ее хмелем. Яблочный или грушевый квас, сидр. <...> Бузник — делающий и продающий бузу»^{153}.

Бузник — главный герой барковской оды. Другой герой, тоже главный, — лакей Алешка:

*Между хмельнистых лбов и рдяных,
Между солдат, между ткачей,
Между холопов, бранных, пьяных,
Между драгун, между псарей
Алешку вижу я стояща,
Ливрею синюю спустив,
Разить противников грозяща,
Скулы имея взор морщлив,
Он руки спешно простирает,
В висок ударить, в жабр жадает (80).*

Имя героя, Алешка, Алексей, возможно, появилось в оде Баркова не случайно. Это имя Алексея Орлова. В приведенном выше анекдоте, записанном Пушкиным, упоминалось о его пристрастии к кулачным боям. Он и сам в них участвовал. Силач, который гнул подковы и завязывал узлом кочергу, в кулачных боях всегда побеждал. После выхода в отставку в 1775 году (это было уже после смерти Баркова) Орлов, генерал-аншеф, герой, уничтоживший турецкий флот в знаменитом Чесменском сражении, поселился в Москве. В подмосковном имении Нескучное он устраивал кулачные бои, возами привозил кожаные рукавицы для их участников. Когда в 1808 году Алексей Орлов умер, Г. Р. Державин воспел его в оде:

*Что слышу я? Орел из стаи толь высокой
Котора в воздухе плыла
Впереди Минервы светлоокой,
Когда она с Олимпа шла;
Орел, который под Чесмою
Над флотом россиян летал,
Внезапно роковой стрелою
Сраженный с высоты упал!*[\[154\]](#).

Разумеется, Державин не поминал в своих одических стихах Орлова — любителя и участника кулачных боев, хотя и сам любил эту забаву, в чем признавался в оде «Фелица»: «... кулачными бойцами / И пляской веселю мой дух». Барков в своих стихах, пародирующих высокий одический жанр, воспел тезку Алексея Орлова — лакея Алешку (вот оно — снижение героя: не царь, не полководец, не знатный вельможа, а лакей). Да и другие персонажи барковской оды ему под стать — бузник, солдаты, псари, холопы, фабричный люд. А дальше Барков разворачивает перед читателями картины

кулачного боя: бузник против Алешки, фабричные против холопей и солдат. Барков как батальный живописец, как режиссер широкоформатного фильма выхватывает из дерущейся толпы то крупный, то общий план. Но оба плана объединяет стремительная энергия действия.

Вот Алешка:

*Расквасивши иному маску,
Зубов повыбрал целый ряд,
Из губ пустил другому краску,
Пехнул его в толпу назад (81).*

А вот бузник:

*Кулак его везде летает,
Крушит он зубы внутрь десен,
Как гром, он уши поражает,
Далече слышен в ж... звон.
Трепещет сердце, печень бьется,
В портках с потылиц отдается (82).*

Следующая сцена — бузник и Алешка сошлись в жестокой схватке:

*Нашла коса на твердый камень,
Нашел на доку дока тут,
Блестит в глазах их ярость, пламень,
Как оба страшны львы ревут,
Хребты имеющие согбенны,
Претвердо берцы утвердив,
Как луки, мышцы напряженны,
Стоят, взнося удар пытлив,
Друг друга в силе искушают,*

Махнув вперед, назад ступают (82–83).

И вот она, победа бузника в честном бою:

*Неделю длилась размашка,
Алешка двинул в жабры, в зоб,
Но пестрая в ответ рубашка
Лизнул бузник Алешку в лоб.
Исчезла бодрость вмиг, отвага,
Как сноп упал, чуть жив лежит,
В крови уста, а в ж... брага,
Руда из ноздрь ручьем бежит,
Скулистое лицо холопа
Не стало рожа, стало ж... (83).*

И вот уже бузник увлекает за собой фабричных бойцов. Вот уже

*...близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим...
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит (IV, 216).*

В «Оде кулашному бойцу» Баркова, как и в «Полтаве» Пушкина, та же быстрота в изображении боя, мгновенная смена кадров и тот же восторг победы:

*Как ветер развеял тонки прахи,
Исчез и дым, и дождь, и град,
Погнали пестрые рубахи
Так вмах холопей и солдат,
Хребет, затылок окровленный,
Несут оне с собою страх,
Фабришны вовсе разъяренны*

*Тузят вослед их в сильный мах.
Меж стен открылось всюду поле,
Бузник не зрит противных боле (83).*

Барков прекрасно осведомлен, как должен завершиться кулачный бой. Естественно — походом в кабак:

*Фабришны славу торжествуют
И бузника вокруг идут,
Кровавы раны показывают,
Победоносну песнь поют,
Гласят врагов ступлено жало,
Гулять восходят на кружало (84).*

А в кабаке и «гортани заревели», «и слышен стал бубенцов звук», и «стаканы загремели», и пляски начались, а главное — «вино и пиво разлилося» Но вдруг разъяренные солдаты с острыми мечами и, разумеется, с криками в кабак вломились.

*И здесь героя моего
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда... (V, 162)*

Барков завершает свое сочинение открытым финалом: бузник начинает новое сражение. А рассказчик, готовый, впрочем, принять в нем участие, умолкает:

*Засох мой рот, пришла отважность,
В штанах я с страху слышу влажность (85).*

Вызывает восхищение мастерство Баркова. В оде, пародирующей высокий одический жанр, он использует всевозможные выразительные средства. Здесь и ораторский прием единоначатия (представляя Алешку, Барков четыре стиха подряд начинает словом «между»), и прием исчисления (представляя бузника, он исчисляет его лики, его роли: бузник — и забияка, и борец, и рвач, и пивака) А как впечатляют сравнения: кулачные бойцы сравниваются с ревущими львами; Алешка упал, как сноп; кулак бузника, как громом, поражает уши противников. Но еще больший восторг вызывает свобода изложения. Автор оды становится одним из персонажей произведения. Он и свидетель кулачного боя, и рассказчик о кулачном бое. В оде есть лирическое отступление, воспевающее вино и его благотворное воздействие на всех — бойцов, и смелых, и трусливых, воров, любовников и любовниц и даже на глупцов:

*Дурак напившийся умнее,
Затем, что боле говорит... (79)*

Барков обращается к читателям (нет, скорее к слушателям своей оды; все-таки как-никак, а ода — ораторский жанр):

*Со мною кто зреть хочет ясно,
Возможно зреть на блюде как,
Виденье страшно и прекрасно —
Взойди ко мне тот на кабак
Иль, став где выше на карету,
Внимай преславные дела,
Чтоб лучше возвестити свету,
Стена, котора прогнала,
Которая склонилась с боем,*

Котора тыл дала героям (80).

Но почему только ода? На наш взгляд, в сочинении Баркова есть черты лиро-эпической поэмы: и герои, и сюжет со сражением, и зачин, который пародирует вступление к лиро-эпической поэме. Барков начинает свое сочинение, как и положено по канону эпического зачина, «предложением» и «призыванием», то есть обозначает тему, героя и призывает, но не музу, как это было принято, а «фабришных славных певцов»:

*Гудок, не лиру принимаю,
В кабак входя, не на Парнас,
Кричу и глотку раздираю,
С бурлаками внося мой глас.
Ударьте в бубны, барабаны,
Удалы добры молодцы,
В тазы и ложки и стаканы,
Фабришны славные певцы (78).*

Барков «поет» кулачного борца:

*Между кулашного я боя
Узрел тычков, пинков героя (78).*

Итак, атрибут поэзии — лира — отвергнут Барковым; вместо лиры он «принимает» гудок. А что такое гудок? На этот вопрос можно найти ответ в толковом словаре В. И. Даля: «Гудок — род скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, о трех струнах, выходящий из обычая у народа, как и балалайка»^{155}. Ну а вместо Парнаса — горы, где обитают Музы и покровитель поэзии и поэтов Аполлон, — кабак. Ничего не скажешь: звучит вызывающе.

Барков — знаток античной литературы и античной мифологии. В своей оде он эпатирующе объявляет себя соперником Гомера и Вергилия, пренебрежительно называя их Гомеркой и Вергилишкой, вручая им вместо лиры простонародные русские музыкальные инструменты — балалайку и дуду, творения их называет бредом, своего героя бузника противопоставляет герою Троянской войны Гектору, сразившему перед вратами Трои Патрокла:

*С своей, Гомерка, балалайкой
И ты, Вергилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной.
Забейтесь в щель и не ворчите
И свой престаньте бредить бред.
Сюда вы лучше поглядите —
Иль здесь голов удалых нет?
Бузник Гекторку — если в драку —
Прибьет как стерву и собаку (79).*

Барков запросто обращается к Силену, в греческой мифологии демону плодородия, называет его наперсником сына Семелы, то есть наперсником Диониса, бога виноградарства и виноделия:

*О ты, Силен, наперсник сына
Семелы ражей красный муж.
Вином раздута животина,
Герой в пьянстве жадных душ.
Нектаром брюхо наливаешь,
Смешав себе с вином сыты;
Ты пьешь, меня позабываешь
И пить не дашь вина мне ты?
Ах, будь подобен Ганимеду,*

Поддай вина мне, пива, меду (79).

Ганимед — сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои. Необыкновенно красивый мальчик, он был похищен Зевсом, который для этого превратился в орла, и унесен на Олимп. Там, на Олимпе, Ганимед стал виночерпием, разливал богам нектар. В самом деле, почему бы Силену, Дионису и Ганимеду не обслужить русского поэта Баркова, не поднести ему вина, пива или, на худой конец, меду?

В оде Баркова появляются и Юпитер (он же Зевс), в римской мифологии бог войны и победы, и силач Геркулес, сын Зевса, задушивший Немейского льва, убивший гидру, победивший изрыгающего пламя быка и, наконец, ранивший Кентавра, и появляются эти герои античной мифологии в контексте кулачного боя между фабричными и холопьями. Казалось бы, это должно возвеличить и возвеличивает бузника, который с ними сравнивается, но это сравнение в то же время низводит античных героев до уровня русского мордобоя. Царство мертвых Плутона (в этом царстве раздается голос бузника) названо «дырой». Завершение дня и наступление ночи, положившей конец кулачному бою, обозначены коротко и ясно: это случилось тогда, когда «Диана заголилась», то есть в небе появилась луна (Диана — в римской мифологии богиня луны).

Н. М. Карамзин включил Баркова в изданный в 1802 году «Пантеон русских авторов», что само по себе комплиментарно:

«Барков <...> перевел Горациевы Сатиры и Федровы басни, но более прославился собственными замысловатыми и шуточными стихотворениями, которые хотя и никогда не были напечатаны, но редкому неизвестны. Он есть Русской Скаррон и любит одне карикатуры. <...> У всякого свой талант: Барков

родился, конечно, с дарованием, но должно заметить, что сей род остроумия не ведет к той славе, которая бывает целию и наградой истинного поэта»[{156}](#).

Не будем обсуждать, какая же все-таки слава бывает целью и наградой настоящего поэта.

*Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца (II, 179).*

Не нуждается в обсуждении и нравственная позиция Карамзина, который знал, что должно. Обратим внимание на то, что он признал и дарование Баркова, и широкую известность его непечатных творений. А главное, Карамзин, назвав их замысловатыми и шуточными, проницательно сравнил Баркова с французским поэтом XVII века Полем Скарроном.

В середине XVII века Скаррон выпустил в свет поэму «Перелицованный Вергилий». В ней он представил прославленную героическую эпопею «Энеида» в пародийном шутовском пересказе: трагедия неожиданного обернулась комедией, о героях рассказывалось намеренно сниженным стилем, высокий пафос обернулся шутками. Скаррон стал родоначальником бурлеска (от итальянского слова *burla* — шутка), основанном на заданном автором несоответствии между высоким серьезным содержанием и его шутовым воплощением, низким слогом, широко включающим просторечие.

Другой вид бурлескной или ирои-комической поэмы в 1674 году представил теоретик классицизма, французский поэт Никола Буало Депрео. Он предложил читателям поэму «Налой». В ней, в отличие от Скаррона, бытовое, а отнюдь не героическое происшествие — драка церковных служителей, не пришедших к единому мнению о том, где в церкви должен стоять налой, —

описывалось высоким торжественным слогом героической эпопеи.

О двух видах бурлеска написал в своем поэтическом трактате — эпистоле о стихотворстве — Сумароков. Ежели сочинитель следует за Скарроном, то он должен следовать правилу:

*Стихи, владеючи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами*^{157}.

А ежели поэт возьмет за образец поэму Буало, то тогда правило другое:

*В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела*^{158}.

В России родоначальником ирои-комической поэмы принято считать современника Баркова, поэта сумароковской школы Василия Ивановича Майкова, автора поэм «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх». Правда, если в первой поэме поэт руководствовался традицией Буало, то во второй сумел создать оригинальное произведение, соединив в них оба вида бурлеска.

Был ли у Майкова предшественник? Да, такой предшественник у него был. И эта честь принадлежит Баркову. Интересную работу об этом написал Манфред Шруба^{159}. В своей статье «Барков и Майков» немецкий исследователь сопоставил произведения двух авторов, обратив внимание на влияние, помимо других стихотворений Баркова, его «Оды кулашному бойцу», сказавшейся в поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх». Так, сама рифма балалайка-шайка восходит в поэме Майкова к оде Баркова. Сравним:

Барков:

*С своей, Гомерка, балалайкой,
И ты, Виргилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры под стеной (79).*

Майков:

*А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку^{160}.*

И гудок Майков, скорее всего, взял у Баркова. Кроме того, М. Шруба отметил, что Майков разрабатывает в своей поэме темы барковской поэзии, а именно темы пьянствования, рукопашных схваток и секса. Конечно, темы секса в оде Баркова нет, она широко представлена в его срамных стихотворениях. А вот пьянство и кулачный бой — это действительно темы барковской оды. И еще, конечно, бузник и Елисей, бойцы и пьяницы, — одного поля ягоды. Вот об этом мы и будем говорить. Но сначала сообщим некоторые сведения о Майкове и о самом сюжете его поэмы.

Василий Иванович Майков родился в 1728 году, то есть был четырьмя годами старше Баркова. Отец его — дворянин, небогатый ярославский помещик, капитан в отставке Иван Степанович Майков не смог дать сыну достойного домашнего образования — иностранных языков, в отличие от Баркова, Майков не знал. В 1740

году он поступил в Академическую гимназию, где позже, в 1747 году, обучался Барков (пути их в гимназии не пересеклись). Но курса Майков не закончил, был записан в гвардейский Семеновский полк и в 1747 году начал служить. Его товарищем по полку был Алексей Орлов, так что о попойках и драках будущего вельможи Майков знал не понаслышке. Само собой, когда в 1770 году Майков написал «Оду Ее величеству на преславную победу над Турецким флотом в заливе Лабрно при городе Чесме, одержанную флотом российским под предводительством Генерала Графа Алексея Орлова 1770 года 24 и 25 месяца июня», то в этих торжественных стихах о попойках и кулачных боях героя русского оружия не упоминалось. Мы далеки от мысли даже предположительно считать Орлова прототипом героя Майкова, «картежника, пьяницы, буяна, бойца кулачного» ямщика Елисея. Но некоторые впечатления от возможного общения с Орловым, рассказы о его «подвигах», а возможно (позволим себе пофантазировать) и участие в них автора поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» могли так или иначе отразиться в этом сочинении^{161}.

Пройдя славный путь от рядового до капитана, в 1761 году Майков вышел в отставку и поселился в Москве. О петербургских его встречах с Барковым, не говоря уже о московских, сведениями мы не располагаем. С 1761 года Майков отдался вдохновению, посвятил себя поэзии, сочиняя оды, басни, эклоги, эпиграммы. В 1763 году появилась его поэма «Игрок ломбера» — ее мог прочитать Барков. В 1768 году Майков снова оказался в Петербурге, где успел принять участие в работе комиссии по составлению нового Уложения. В 1768 году, как мы помним, Баркова не стало. В 1773 году Майков сочинил своего «Елисея», а в 1775-м вновь переехал в Москву, служил и, пережив

Баркова на десять лет, в 1778 году умер, был похоронен на московском кладбище Донского монастыря.

Теперь о сюжете прославившей Майкова поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх».

Начнем с ответа на вопрос: а почему Вакх — раздраженный? А потому, что откупщики повысили цены на вино и пиво, пьяных стало меньше, что, конечно, Вакха не радует, а огорчает и раздражает. Как граф Монте-Кристо, он намерен отомстить своим обидчикам. Орудием же мщения он избирает ямщика Елисея. Конечно, пьяная драка, которую учинил Елисей, Вакха обрадовала, но капрал потащил дебошира в полицию, взял его под караул. Вакху ничего не оставалось делать, как просить Зевса освободить Елисея — дескать, «всевышней волею Зевеса». Но, как оказалось, к Зевсу уже обратилась богиня плодородия Церера с жалобой на самого Вакха: по его милости крестьяне спились и сельское хозяйство приходит в упадок. Зевс дает указание Ермию собрать всех богов на Олимпе с тем, чтобы рассудить спор Вакха и Цереры, а потом уже освободить Елисея из-под караула.

Ермий в тюрьме наряжает Елисея в женское платье (замечательный сюжет с переодеванием, вспомним «Домик в Коломне» Пушкина) и переносит в Калинкин дом, где под арестом сидят распутные девки. Елисей, проснувшись, по простоте душевной думает, что он в монастыре. Начальница же Калинкинова дома догадывается, что перед нею особа отнюдь не женского, а напротив — мужеского полу. В особой комнатке старушка-начальница выпросила у Елисея, кто он есть и отколе. Елисей все ей и рассказал и еще поведал о драке между зимогорцами и валдайцами за сенокос.

«Вперед, вперед, моя история». Начальнице понравился детинушка Елисей, и она посулила ему:

*Со мною у тебя едино будет ложе,
А попросту сказать, единая кровать...{162}*

Между тем суд на Олимпе помирил Цереру и Вакха. А дальше Майков снова возвращает читателя в Калинин дом. Приготовление начальницы к ночи любви с Елисеем слишком забавно, чтобы его описание не привести полностью:

*...жен честных начальница и матери
Готовилась идти с Елисеем ночевати,
И чтобы малому товар продать лицом,
Натерлася она настоянным винцом,
Искусною рукой чрез разные затеи
Поставила чепец поверх своей тупеи;
А чтобы болюиия придать себе красы,
Ппустила по плечам кудрявые власы,
Которы цвет в себе имели померанцов;
Потратила белил и столько же румянцов:
Дабы любовника к забавам возбудить,
Потщилася себя получше снарядить,
И думала пробыть всю ночь она в покое...{163}*

Ан нет: ожидания начальницы и читателя обмануты. Внезапно появляется начальник стражи, который «дозором обходит владенья свои». Елисея в женском наряде опять арестовывают. Но тут его вновь освобождает Ермий, вручив ему шапку-невидимку (сказочный мотив оказывается очень кстати).

Елисей возвращается к начальнице и живет у нее и с ней несколько месяцев. «Но скука, вот беда мой друг!» Наконец Елисей, миссия которого — наказать откупщиков, покидает Калинин дом и его начальницу:

*Во время сна сея несчастный старушки,
Оставил Елисей постелю и подушки,
Оставил он свои и порты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел*[{164}](#).

Майков сравнивает Елисея с Энеем, а старушку-начальницу с Дидоной. После того как Эней покинул Дидону, она сожгла себя. Покинутая начальница поступает благоразумнее: она сожгла порты Елисея. Сумароковец Майков в данном случае пародирует ломоносовца Петрова, который в 1770 году напечатал свой перевод песни поэмы Вергилия «Энеида». Откровенная пародия на Петрова — в зачине поэмы Майкова. Сравним:

Петров:

*Пою оружий звук и подвиги героя
<...>
Повеждь, о муза, мне, чем сильно божество
На толь неслыханно подвиглось суровство...*[{165}](#)

Майков:

*Пою стаканов звук, пою того героя,
Который во хмелю беды ужасны строя,
В угодность Вакхову средь многих кабаков
Бивал и опивал ярыг и чумаков.
<...>
О муза, ты сего отнюдь не умолчи,
Повеждь, или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказати невозможно...*[{166}](#)

Итак, порты Елисея сожжены. Начальница мирится с начальником стражи.

А что же Елисей? Из Калинкиного дома он напрямик в город и в лес. А в лесу уснул и пробудился он от женского крика. Женщину грабили воры. Елисей вступается за нее, а она — его жена. Теперь ее черед рассказывать. И она рассказывает о своих приключениях. А потом она уходит в город, а Елисей остается в лесу. Тут к нему является Силен и ведет его в дом богатого откупщика (в шапке-невидимке, конечно) с тем, чтобы он, невидимый, напился бы в откупщицком погребке вволю. Выполнив поручение, Силен, естественно, возвращается к Вакху на небо. А Елисей «шел в комнату, попал в другую» — вместо погреба оказался в бане, где откупщик с женою парились. Прогнав их, Елисей «помылся в бане, / И вышел из нее в купеческом кафтане» (опять же в шапке-невидимке). Сначала он залез под кровать, а потом, когда началась гроза и откупщик встал, чтобы молитвой грозу отвести, Елисей залез на кровать к Откупщицкой жене.

*Приятное лицо и алые уста
Всю кровь во ямщике к веселью возбуждали
И к ней вскарабкаться на ложе принуждали*^{167}.

А дальше муж замечает странные движения жены и полагает, что это все проделки домового. Услышав, что откупщик хочет позвать ворожею, Елисей уходит из комнаты и снова ищет погреб — выпить-то по-прежнему хочется. Но вот погреб найден. Сколько вина! Какая радость! И бочки, и бутылки стремительно опустошаются. Вакх и свита трудятся вместе с Елисеем и, учинив в погребе разгром, направляются опустошать погреб у других откупщиков. В конце концов так

поступать негоже. Зевс Елисея судит и — о свирепый рок! — бедолагу после кулачного боя отдадут в солдаты.

Пересказывать такую поэму, какова «Елисей, или Раздраженный Вакх», — занятие неблагодарное. Ведь здесь важны сама манера повествования, сатирические зарисовки, шутки, забавные пародии. Впрочем, кто же мешает поэму Майкова почитать?

Пушкин поэму Майкова прочитал и вполне оценил ее веселость и остроумие. Он писал А. А. Бестужеву 13 июня 1823 года:

«Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

*Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!*

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

*Когда для пирогов она у ней топилась:
И тем подобною Дидоне учинилась*

А разговор Зевса с Меркурием, а герой, который упал в песок

*И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак, —*

все это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещение (имеется в виду поэма Пушкина «Гаврилиада». — Н. М.), однако ж «Елисей» смешнее, следственно, полезнее для здоровья» (X, 51).

«Старая записная книжка» П. А. Вяземского сохранила шараду, автором которой, возможно, был он сам. Разгадка шарady — «Май-ков». В целом же предложенные к разгадке стихи представляют характер дарования поэта XVIII века, незаслуженно забытого в веке XIX, и напоминают о его некогда знаменитой поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх»:

*Известно, климат наш больших похвал не стоит.
Здесь слогу первому второй он часто строит.
А целое мое — поэт и весельчак.
Теперь забвение в гробу его покоит,
Но в старину и он был славен кое-как.
Он нас в Кулачный бой заводит и в кабак,
И боек стих его и много в нем размаху,
Живописует нам он красную рубаху
И православный наш кулак^{168}.*

Вряд ли можно сомневаться в том, что литературный предшественник Елисея — бузник Баркова, который в самом начале его оды представлен сразу же как «хмельная рожa, забияка, рвач, борец, боец, пивака. Своего «тычков, пинков героя» Барков «узрел» «между кулашного боя». Герой Майкова Елисей, которому дается близкая к барковскому тексту характеристика, впервые появляется перед читателями в кабаке, где драки на кулаках нередки. Для Майкова, безусловно, это важно: Елисей сразу же «вписан» в точную топографию Петербурга, в известный питейный дом, в натуралистическое описание его завсегдатаев с привычными для них последствиями от кабацких разборок:

*Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими воротаи,*

*До коего с тычка не близкая езда,
То был питейный дом названием Звезда...*

<...>

*Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзли губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали зубы,
От поражения сторонних кулаков.
Там множество сошлось различных дураков;
Меж прочими вошел в кабак детина взрачный,
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей...{169}*

Майков, в отличие от Баркова, в своем сочинении пародирует не оду, а героическую эпопею. Поэтому у него не один, а много сюжетов: свой сюжет у Вакха, свои сюжеты у Елисея и даже свой приключенческий сюжет у жены Елисея. Потому у Майкова больше возможностей рассказать о своем герое. У Елисея, в отличие от бузника, есть предыстория, есть биография. Елисей сам рассказывает о себе начальнице Калинкинова дома — о матери, которую он потерял (умерла она то есть), о брате, который в драке потерял ухо (ухо отгрыз противник), о жене, с которой пришлось расстаться. С энтузиазмом сообщает Елисей о своем пятилетием трудовом стаже, о любимой профессии ямщика:

*Пять лет, как я сию уж должность отправляю,
Пять лет, как я кнутом лошадок погоняю;
Езжал на резвых я, езжал на усталых,
Езжал на смирных я, езжал на удалых:
И словом для меня саврасая, гнедая,
Булана, рыжая, игреня, вороная,*

*На всех сих для меня равнёхонька езда,
Лишь был бы только кнут, была бы лишь узда!*
[{170}](#)

Елисей рассказывает начальнице и о кровавом сражении зимогорцев с валдайцами из-за сенокоса (сам-то он, хоть и живет в Петербурге, в ямской слободе, родом из Зимогорья). И этот рассказ, пародирующий Троянскую войну греков с ахейцами, изобилует кровавыми подробностями. Ну а кулачный бой, в котором Елисей принимает деятельное участие (правда, под шапкой-невидимкой), повествователь живописует с эпическим размахом. И здесь, в описании кулачного боя, Майков выступает достойным продолжателем Баркова:

*...И с пыли облака густые в верх вьются,
Удары громкие по ротам раздаются,
ЛьетсЯ из носов кровавая река,
Побои чувствуют и спины, и бока,
И от ударов сих исходят равны звоны;
Разносятся везде пощечин миллионы.
Один соперника там резнул под живот,
И после сам лежит повержен яко скот;
Другой сперва пошел на чистую размашку,
Нацелил прямо в нос; но сделавши промашку,
Отверз свободный путь другого кулакам,
А тут как на торгу гуляет по щекам.
Иной тут под глаза очки другому ставит,
Иной соперника схватя за горло давит,
А он пошел в кабаk, и выпив там винца,
Со прежней бодростью на битву устремился,
И лучше прежнего сквозь стену проломился*[{171}](#).

Всё это, конечно, очень хорошо, и мастерства у Майкова не отнимешь. Но, повторим, все-таки Барков и его герой бузник были первыми.

Еще один «продолжатель» барковского бузника — Буянов, которого в романе «Евгений Онегин» Пушкин отрекомендовал так:

*Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)... (V, 96).*

Буянов — двоюродный брат Пушкина, потому что его отцом был Василий Львович Пушкин, родной дядя автора романа в стихах. В. Л. Пушкин — известный в начале XIX века стихотворец, творения которого современники ценили за чистоту слога и тонкий вкус, первый наставник Александра Пушкина в поэзии (не случайно племянник называл дядюшку «дядей на Парнасе», своим «Парнасским отцом»). Буянов, герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед», был всем хорошо знаком, потому что поэма, как и ода Баркова, хотя и не была напечатана, распространялась во множестве списков: ее читали, переписывали, выучивали наизусть, цитировали в разговорах и письмах; она, как тогда говорили, «получила народность». Более того, поэма В. Л. Пушкина была настоящей литературной сенсацией 1811 года: Василию Львовичу удалось в забавный сюжет своего произведения остроумно включить выпады в адрес противников Карамзина и писателей его школы (творец «Опасного соседа» был убежденным карамзинистом)^{172}.

Каков сюжет «Опасного соседа»? Итак: рассказчик с соседом Буяновым отправился в веселый дом к блудницам на окраину Москвы, но там ожидаемого грехопадения не произошло, хотя «свет в черепке погас

и близок был сундук»: неожиданно началась драка между Буяновым (у него недаром говорящая фамилия) и другими гостями заведения — купцом и дьячком из-за красоти Варюшки, на шум драки явился «брюхастый офицер, спокойствия рачитель», и рассказчик, незадачливый искатель приключений, убежал из притона, бросив в светлице часы и кошелек. Казалось бы, чего проще? Но ведь как написано! Как забавна жанровая сценка, где дьячок и купец играют в горку — простонародную карточную игру, где пунш, пиво и табак стоят на столе. А как хороши портретные зарисовки Варюшки, сводни Панкратьевны «с широкой задницей, с угрями на челе», «провонявшей чесноком и водкой», безносой кухарки в душегрейке, кривого лакея. Не случайно поэму В. Л. Пушкина современники сравнивали с работами прославленного английского художника XVIII века Уильяма Хогарта, известного точностью и выразительностью сатирического бытописания. А как остроумно Василий Львович играет с античными образами: Варюшку он называет Аспазией, женой Перикла, которая принимала у себя философов, художников и поэтов; косматые псы, сожравшие шинель убегающего рассказчика, — это Церберы, охраняющие выход из преисподней. А пародирование первого псалма Давида в завершении поэмы? А игра с высоким стилем, которым описывается низкий предмет? Нет, чтобы вполне оценить поэму В. Л. Пушкина, ее, конечно, надо читать.

Буянов — достойный преемник бузника Баркова и Елисея Майкова. Он любит быструю езду, он прожил свое имение «в восемь лет / С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами». А главное, драка — его стихия. И драка не на шпагах, а на кулаках. О готовности пустить их в ход он заявляет на пороге веселого дома:

«Кто там?» — нас спросил охриплый голос грубый.

*«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы, —
Буянов закричал, — готовы кулаки»...{173}*

И он пускает кулаки в ход:

*Но что за шум? Кричат! Несется вопль в
светлицу.*

*Прелестница моя, накинув исподницу,
От страха босиком по лестнице бежит;
Я вслед за ним. Весь пол колеблется, дрожит!
О ужас! Мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца{174}.*

А ведь праздник так хорошо начинался:

*Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою.
Уменье в свете жить стараясь показать,
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало{175}.*

Но ведь и из-за этой благопристойной картины в борделе опять выглядывает Барков. Правда, это уже не его «Ода кулашному бойцу», а другое его сочинение, некая трагедия, названная непристойным именем главного героя. В приведенных выше стихах

В. Л. Пушкин почти дословно процитировал монолог героини этой трагедии (ее имя также непристойно):

*... князь, заметивши в моей махоне влажность,
Урыльник подал мне, считая то за важность;
Чрез то политику свою он мне подал
И, что он знает жить на свете, показал (265).*

Так ведь и урыльник в поэме «Опасный сосед» есть. В каморке, где сидят гости и обитатели веселого дома, — «урыльник, самовар и чашки на скамейке». С какой стати урыльнику — сосуду для мочи — стоять рядом с самоваром и чашками? Просто таким образом В. Л. Пушкин указывает читателю на похабную трагедию Баркова, непристойный смысл которой сказывается не в тексте, а в подтексте поэмы «Опасный сосед». Озорник!

В. Л. Пушкин, создавая своего Буянова, идет вслед за Барковым и Майковым, увидевшими в жизни и воплотившими в своих творениях колоритный типаж российской действительности. Бузник, Елисей, Буянов — чем не портретная галерея? А вслед за Буяновым — герой А. С. Пушкина Зарецкий, «некогда буян, / Картежной шайки атаман, / Глава повес, трибун трактирный» (V, 104). А вслед за Зарецким — гоголевский Ноздрев. Представляя своего героя, Н. В. Гоголь подчеркивает его жизненность, типичность:

«Таких людей приходилось всякому встречать не мало. Они называются разбитными малыми, слынут еще в детстве за хороших товарищей, и при всем том бывают весьма больно покалачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты. Дружбу заведут, кажется навек; но всегда почти так случится, что подружившийся подерется с ними того же

вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный»[{176}](#).

Таких людей, конечно, встречали и Барков, и Майков, и В. Л. Пушкин, и А. С. Пушкин. Среди тех, с кем судьба свела поэта-дядю и поэта-племянника, был один человек, который в жизни как нельзя лучше воплощал литературный образ Буянова. Это приятель Василия Львовича и Александра Сергеевича граф Федор Иванович Толстой, прозванный Американцем за путешествие к берегам Америки. О нем, нечистом на руку картежнике, дуэлисте, отчаянно храбром драчуне и задире, пьянице и к тому же человеку, остром на язык, сохранилось множество анекдотов.

«Однажды в Английском клубе сидел перед ним барин с красно-сизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением, но видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит: «Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки, им незаслуженные»[{177}](#).

«Князь *** должен был Толстому по векселю довольно значительную сумму. Срок платежа давно прошел, и дано было несколько отсрочек, но денег князь ему не выплачивал. Наконец Толстой, выбившись из терпения, написал ему: «Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах; я отнесусь прямо к лицу Вашего Сиятельства»[{178}](#).

Однажды Толстой, будучи сердит на какого-то мещанина, поймал его, связал и вырвал у него зуб. Дело чуть не дошло до суда.

Во время кругосветного плавания в 1803 году под началом И. Ф. Крузенштерна он безобразничал на корабле, напоил допьяна корабельного священника и припечатал его бороду сургучом к палубе. Вот как!

В самом деле — «Голова, какой у нас в России нету», как писал о нем А. С. Грибоедов в «Горе от ума».

О Федоре Толстом писали и Вяземский, и А. С. Пушкин. Про А. С. Пушкина Толстой распустил по Петербургу сплетню, будто бы его высекли в Третьем отделении. Пушкин вызвал Толстого на дуэль, но друзья их помирили.

Ф. И. Толстой угадывается в графе Турбине — старшем в повести Л. Н. Толстого «Два гусара». Лев Толстой, которому Федор Иванович приходился двоюродным дядей, находил, что в нем много нравственно-чудесного. В самом деле, Ф. И. Толстой не исчерпывается своим анекдотическим и литературным образом Буянова. Он был образованным человеком, отличался подлинной храбростью, был способен к глубоким чувствам.

Любопытно, что Ф. И. Толстой читал «Опасного соседа», считал, что в поэме В. Л. Пушкин нападает на цыганок и более того — на его жену (он был женат на цыганке). Возможно, он в Буянове узнал себя самого.

А теперь вспомним о молодом гвардейце, современнике Баркова, сослуживце Майкова по Семеновскому полку Алексею Орлове, который в молодые годы участвовал в шумных пирушках, драках и кулачных боях. Ведь и В. Л. Пушкин, и А. С. Пушкин были современниками чесменского героя, вельможи Екатерининского времени. Орлов, как уже говорилось, выйдя в отставку в декабре 1775 года, переехал из Петербурга в Москву. Изредка он бывал в Петербурге, ездил за границу, но именно Первопрестольная до самой его смерти в 1808 году стала для него любимым пристанищем. Торжественные выезды его привлекали всеобщее внимание москвичей. Его могли видеть и молодой дядюшка-поэт Василий Львович Пушкин, и его юный племянник на майских гуляниях в Сокольниках. Приятель дяди, а впоследствии и племянника Степан

Петрович Жихарев был в восхищении от этого необыкновенного зрелища. 2 мая 1805 года он описал его в своем дневнике:

«Впереди на статном фаворитном коне своем, «Свирепом», как его называли, ехал граф Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мунштук и черпак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями»^{179}.

Жихарев любовался блестящей свитой, которая следовала за графом на прекрасных лошадях, берейторами и конюшими (их было не меньше сорока), которые вели на поводу лошадей в нарядных пополах и богатой сбруе, графскими экипажами — каретами, колясками и одноколками, замыкавшими шествие. Справедливо полагая, что такое «великолепное зрелище не может не действовать на толпу народную», Жихарев далее замечает:

«Впрочем, сказывают, что граф Орлов и не одним своим богатством и великолепием снискал любовь и уважение Москвичей, что он доступен, радушен и, как настоящий Русский барин, пользуясь любимыми своим увеселениями — скачками, балами, Цыганскими песнями и плясками и проч., обращает их также в потеху народа и как будто разделяет с ним преимущества, судьбою ему предназначенный»^{180}.

Действительно, Орлов отличался радушием и гостеприимством. По воскресеньям он принимал за своим обеденным столом до трехсот гостей. Быть может, и В. Л. Пушкин был его гостем? Творец «Опасного соседа» мог видеть кулачные бои, которые устраивал Орлов, мог побывать и на публичных скачках, которые с 1785 года завел в Москве граф. Тем интереснее прочитать запись в дневнике Жихарева от 4 мая 1805 года (он присутствовал на скачках, слушал цыганское пение, видел кулачный бой — все это мог слышать и видеть В. Л. Пушкин):

«После скачки перед беседкою гр. Орлова пели и плясали цыгане... <...> После Цыганской пляски завязался кулачный бой, в который вступая, соперники предварительно обнимались и целовались. Победителем вышел трактирный служка из Певческого трактира, Герасим, Ярославец, мужичок лет 50-ти, небольшой, но плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. <...> Этого атлета лет 8 тому назад отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову»^{181}.

И еще одни скачки, и снова цыганские песни и пляски, и еще один кулачный бой. Об этом Жихарев писал 6 мая 1806 года:

«И в этот раз цыгане пели и плясали, а напоследок был и кулачный бой. Победителем явился курятник из Охотного Ряда Сычов, с трех ударов уничтоживший своего противника. Ему накидали денег чуть не полную шляпу и поили вином; но и побежденный не был забыт: достались и ему пригорошни две серебряных рублей»^{182}.

А знаменитые орловские рысаки, порода лошадей, выведенная на конном заводе графа Орлова! В. Л. Пушкин, ценитель всего прекрасного, несомненно ими любовался. Не об этих ли рысаках говорит Буянов своему соседу:

*Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На масленой тебя я лихо прокачу*^{183}.

Как тут устоять? И вот уже

*Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улице как вихрь несущихся коней*^{184}.

Рысакам Буянова (вполне возможно — орловским рысакам) дивится народ на московских улицах, по которым они стремительно мчатся — «Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская...» И цыганским пением Буянов, как и А. Г. Орлов, видимо, был очень увлечен — ведь имение-то свое опасный сосед прожил «с цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами».

*Былого нельзя воротить, и печалиться не о чем.
У каждой эпохи свои подрастают леса...*

21 мая 1828 года у Александра Ефимовича Измайлова сломалась карета. Стихотворец не терял времени даром, и пока карету чинили, написал басню. В 1839 году басня «Кулачные бойцы» была напечатана в книге «Басни и сказки Александра Измайлова». Начиналась она так:

*В Москве фабричный был Семен, силач, боец:
Зараз из печи изразец
Своею вышибал железной пятернею;
Когда же, на бою, являлся пред стеною,
Все опрокидывал и гнал перед собою.
Страх, ужас перед ним.
А клики радости и похвала за ним.
По окончании сраженья
Героя нашего ведут все с торжеством
В питейный дом
Для угощенья [{185}](#).*

В самом деле, был такой кулачный боец Семен по прозвищу Трещала. И он в самом деле однажды выбил кулаком печной изразец. Это случилось во время драки в трактире, и драка закончилась для Семена Трещалы

трагически. Д. А. Ровинский, выдающийся собиратель и исследователь русских народных картинок и гравюр, со слов некоего московского сторожила рассказывал об этом так:

«...Раз играл Трещала с чиновником Ботиным на билиарде в трактире, да и поссорились; развернулся Трещала его ударить, да тот увернулся, — Трещала и попал кулаком в печь, да так целый изразец из печи вон и вышиб. Тут ударил Трещалу Ботин, да угодил прямо в висок и убил его сразу...»[{186}](#)

В басне Измайлова все завершилось тоже печально, но не трагично. Семен, победитель в кулачном бою, напился пьян и, «утомясь от славы», уснул на берегу канавы. Два будочника, его враги, связали руки пьяному спящему Семену, разбудили его и избили. Басня завершается гуманистическим поучением:

*Не велено лежащих бить.
Бессильному грешно уж мстить;
И как же с теми драться,
Кто средств лишен обороняться?*[{187}](#)

И еще одну басню о кулачном бойце написал Измайлов и напечатал ее там же, в сборнике 1839 года, под названием «Гордей с фонарем» (хотя сочинил ее баснописец в 1824 году). Кулачный боец, «мужик не так-то взрачный», который «биться не умел» и силы не имел, идет с бою с фонарем под глазом». Он объясняет это тем, что он оступился, упал и попал в полыню. Проигравший боец обещает в другой раз обругать своего противника. Но вот незадача: в рукописи басня называлась «Фадей с фонарем». И высмеивала она Фаддея Булгарина, писателя и журналиста, деятельного участника журнальных драк, часто прибегающего к

клевете и оскорблениям собратьев по перу. Но это уже совсем другая история...

Глава шестая

«...В ЧЕСТЬ ВАКХА И АФРОДИТЫ»...

*Подруга милая, кабак все тот же,
Все та же дрянь красуется на стенах,
Всё те же цены. Лучше ли вино?
Не думаю; не лучше и не хуже.
Прогресса нет. И хорошо, что нет.*

Иосиф Бродский. Элегия

Николай Иванович Новиков, младший современник Баркова (он был двенадцатью годами его моложе), писатель-просветитель, критик, журналист и издатель, упомянул о стихотворениях Баркова «в честь Вакха и Афродиты» в краткой биографической статье о нем, напечатанной в «Опыте Исторического Словаря о российских писателях» в 1772 году, то есть всего четыре года спустя после его смерти. Коль скоро здесь важен контекст, в котором появляется это элегантно указание на срамную поэзию поэта, принесшую ему заслуженную скандальную славу и поистине всенародную известность, приведем текст статьи Новикова полностью:

«Барков Иван был переводчиком при Императорской Академии Наук; умер 1768 года в С.-Петербурге. Сей был человек острый и отважный, искусный совершенно в Латинском и Российском языке, и несколько в Италианском. Он перевел в стихи Горациевы Сатиры, Федровы басни с Латинского; драму Мир Героев и другие некоторыя с Италианскаго, кои все напечатаны в С.-Петербурге в разных годах, а Сатиры с критическими

его на оныя примечаниями; также писал много сатирических сочинений, переворотов (то есть пародий. — *Н. М.*) и множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много способствовали. Все сии стихотворения не напечатаны, но у многих хранятся рукописными. Он сочинил также Краткую Российскую Историю, от Рюрика до Петра Великого; но она не напечатана (была напечатана без имени автора в 1762 году как приложение ко второму русскому изданию «Сокращенной универсальной истории» Гильмара Кураса. — *Н.М.*); также сочинял он описание жизни князя Антиоха Кантемира и на сатиры его примечания. Вообще слог его чист и приятен, а стихотворения и прозаические сатирические сочинения весьма много похваляются за остроту»^{188}.

Не исключено, что Новиков не только читал сочинения Баркова, но и знал его самого или же близких к нему людей. Тем важнее для нас представленная в статье характеристика личных качеств Баркова — «человек острый и отважный». И еще — объяснение срамных стихотворений, непечатных, но распространенных в списках, «веселым его нравом и беспечностью». К этому объяснению мы еще вернемся. Теперь же обратимся к самим стихотворениям «в честь Вакха и Афродиты». Но прежде посвятим несколько страниц всегда животрепещущей теме творчества в подпитии. В прозаической поэме Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» есть диалог о том, как русские и европейские классики сочиняли свои бессмертные произведения под градусом. Конечно, его надо читать весь — от начала и до конца, как, впрочем, и всю поэму. Сознвая, однако, что в нашей книге нельзя объять необъятное, мы всё же позволим себе привести отрывки из этого замечательного диалога, в котором речь идет

не только о пьющих писателях, но и об их выпивающих героях.

«Я прочитал у Ивана Бунина, что рыжие люди, если выпьют, обязательно покраснеют.

— Ну так что же?

— Как, то есть, что же? А Куприн и Максим Горький — так вообще не просыпались!..

— Прекрасно, ну а дальше?

— Как, то есть, «куда дальше»? Последние предсмертные слова Антона Чехова какие были? Помните? Он сказал «Их штребе», то есть «Я умираю». А потом добавил: «Налейте мне шампанского». И уж тогда только — умер.

— Так — так?..

— А Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот даже жить не мог без шампанского. Он знаете как писал? Опустит ноги в ледяную ванну, нальет шампанского — и пишет. Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять бокалов — готова целая трагедия в пяти актах.

— Так — так — так... Ну и...

<...>

— Ну и Николай Гоголь...

— Что Николай Гоголь?..

— Он всегда, когда бывал у Панаевых, просил ставить ему на стол особый розовый бокал.

— И пил из розового бокала?

— Да. И пил из розового бокала.

— А что пил?

— А кто его знает. Ну что можно пить из розового бокала? Ну, конечно, водку.

<...>

Все ценные люди России, все нужные ей люди — все пили как свиньи. А лишние, бестолковые — нет, не пили. Евгений Онегин в гостях у Лариных и выпил-то всего-навсего брусничной воды, и то его понос пробрал. А

честные современники Онегина между «лафитом и клико» (заметьте: «между лафитом и клико») тем временем рождали «мятежную науку» и декабризм.

<...>

— Так вы говорите: тайный советник Гете не пил ни грамма? <...> А почему он не пил, вы знаете? Что его заставляло не пить? Все честные умы пили, а он — не пил? Почему? <...> Думаете, ему не хотелось выпить? Конечно, хотелось. Так он, чтобы самому не скопытиться, вместо себя заставлял пить всех своих персонажей. Возьмите хоть «Фауста»: кто там не пьет? все пьют. Фауст пьет и молодеет. Зибель пьет и лезет на Фауста. Мефистофель только и делает, что пьет и угощает буршей и поет им «Блоху». Вы спросите, для чего это нужно было тайному советнику Гете? <...> Мефистофель выпьет — а ему хорошо старому псу. Фауст добавит — а он, старый хрен, уже лыка не вяжет. <...> Алкоголик он был, алкаш он был, ваш тайный советник Иоганн фон Гете! И руки у него как бы тряслись!»{189}.

В приведенном диалоге фигурирует герой Пушкина Онегин, но самого Пушкина в нем нет, как нет в нем и Баркова. Что касается Пушкина, то суждения о его творческом процессе, высказанные провинциалами, очень даже в этот диалог вписались бы. Об этих суждениях сообщает сам Пушкин в письме из Болдина к жене 11 октября 1833 года:

«Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начинает писать! — Это слава» (X, 352).

Что же касается Баркова, то, как известно, в попойках он с удовольствием участвовал, а вот писал ли он в подпитии — история об этом умалчивает. Не будем сейчас поминать о том, что Сумароков в своих

доношениях академическому начальству без обиняков называл Баркова пьяницей. Приведем анекдот из биографического очерка, предваряющего издание «Сочинений и переводов И. С. Баркова» 1872 года. Автор очерка, имя которого осталось неизвестным, полагает, что это анекдот, «за достоверность которого можно сколько-нибудь ручаться»^{190}:

«Раз ему (Баркову. — Н. М.) академия поручила какой-то перевод и при этом он получил довольно дорогой экземпляр того сочинения, которое следовало перевести. Спустя долгое время и после многих напоминаний Барков всех уверил, что книга переводится, и, наконец, когда к нему начали приставать довольно серьезно, он объяснил, что книга действительно переводится из кабака в кабак, что сначала он ее заложил в одном месте, потом перевел в другое, и постоянно озабочивается, чтобы она не залеживалась подолгу в одном месте, а переводилась по возможности чаще из одного питейного заведения в другое»^{191}.

Такому человеку, как Барков, воспевать Вакха (он же Бахус) сам Бог велел. Он и воспевал. А почему бы и нет? Поэты и художники всех времен и народов, прославляя радости бытия, славили и вино. Вспомним Гомера, его «Илиаду» и «Одиссею», где не раз говорится о благовонном вине. Вспомним картины старых мастеров, их великолепные натюрморты, где срезанная кожура спиралью свисает с желтых лимонов, красные омары возлежат на белых блюдах, а вино светится в прозрачных бокалах. Вспомним современника Баркова Державина:

*Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая*

То льдом, то искрами, манят...{192}

А молодой Пушкин?

*Кубок янтарный
Полон давно.
Пеною парной
Блещет вино;
Света дороже
Сердцу оно:
Ну за кого же
Выпью вино?
<...>
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино (I, 197-198).*

А пушкинский роман в стихах? Это же еще и энциклопедия вин: шампанское Клико и Моэта, цимлянское, ай и бордо...

Барков написал восторженные строки о вине в «Оде кулашному бойцу». Но мало этого. Он посвятил Бахусу отдельную оду. Уж если по-настоящему славить бога виноделия, бога вина и веселья, то славить его в торжественной оде, и никак иначе.

*Отраду шумного народа,
Красу дражайшая толпы
Воспой в рылях и бубнах ода,
Внемлите, блохи, вши, клопы!
Рассыпли ныне мысли пьяны,
О ты, что рюмки и стаканы,
Все плошки, бочки, енды*

*Великою объемлешь властью,
Даешь путь пьяницам ко счастью,
Из буйной гонишь страх главы.*

*Вина и пива покровитель,
К тебе стремится шум гудка,
Трактиров, кабаков правитель!
И ты, что борешься с носка,
Боец кулашный и подьячий.
Все купно с алчностью горячей
Разбитый кулаками слух
К сей красной песне преклоните
И громкой похвале внимлите,
Что мой воображает дух (90).*

В оде Баркова поистине вселенский размах. Бахус — не только «великою объемлет властью» «рюмки и стаканы, / Все плюшки, бочки, енды». Он не только «Вина и пива покровитель», «трактиров, кабаков правитель». Бахус — «отрада шумного народа», он открывает пьяницам путь к счастью, он уничтожает какой-либо страх. И слушать свою громкую похвальную песнь Бахусу поэт призывает всех: и ничтожных мира сего блох, вшей и клопов («краса дражайшая толпы» с ними неразлучна), и кулачных бойцов, и подьячих. А сопровождать похвальную песнь Бахусу должен оркестр народных инструментов — гудок, бубны и рыли. Что такое рыля? В. И. Даль, заметив, что слово «рыля» — искаженное слово «лира», поясняет: «...музыкальное орудие, с которым ходят нищие чужеземцы, а на юге у нас и свои: три струны, по коим снизу ходит кружок, замест смычка, обращаемый лебедкою; пальцы левой руки перебирают и нажимают струны; с рылями старцы и слепцы поют мало-русские думы»^{193}. Если на рылях играют «чужеземцы» (пусть и нищие; ну и что, что

нищие?), то оркестр Баркова — можно сказать, международный. А если в сопровождении рылей поют думы (а думы — «эпико-лирический жанр украинского словесно-музыкального народного творчества XV–XVII веков»^{194}, думы отличаются историческим содержанием), то песня — ода Баркова — приобретает в свою очередь лиро-эпический характер, исторический смысл.

*Се Бахус, что во всех забавах
Своей возвысив славы рог,
Во градах, весях и дубравах
Щедроты своя в залог
Воздвигнул алтари и храмы,
Где взятки целыми мошнами
Ему на жертву отдают,
Хвалы покрова их внимая
И воплем воздух раздирая,
Дружатся, бьются, пьют, поют (90–91).*

На наш взгляд, Барков выступает здесь предшественником Державина, который сумел передать в своих стихах саму атмосферу XVIII века («столетье безумно и мудро» — так сказал об этом веке А. Н. Радищев):

*В те дни, как все везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных понтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны.*

Все скачут, пляшут и поют^{195}.

Обобщение — в заключительной строфе оды Баркова: Бахус — творец войны и мира, судеб человечества и человека.

*Источник благостей толиких,
Вдруг составляя брань и мир,
Из малых делаешь великих,
Меняешь с рубищем мундир.
Дородством иногда и туком
Или по ребрам частым стуком
Снабжаешь всех, кто чтит тебя.
В сей краткой песне долг последний
Тебе отдавши, всяк безвредный
Да будет Бахуса любя (92).*

В «Девичьей игрушке» в разделе «Басни и притчи» помещен опус «Пьяная купчиха». В нем речь также идет о винном возлиянии. Но, само собой разумеется, это не ода Бахусу, а всего лишь забавная сценка, которая живописует купчиху, напившуюся в гостях допьяна и ставшую героиней любовного приключения. Зачин этого сочинения — рассуждение о купеческих женах, жеманящихся за столом, отказывающихся пить вино, а на самом деле с удовольствием его выпивающих:

*Ни капельки вина не пьют во весь обед
И будто бы им в нем и нужды нет;
Хозяйка лишь с вином, а та ей: нет, мой свет.
Мне лучше прикажи стаканчик дать водицы.
Хозяюшка, смекай, поднести что надо ей,
Хозяйка, не жалей,
Подружке не воды, винца в стакан налей,*

*Та выпьет вместо квасу,
А после на прикрасу,
Зашед в заход особнячком,
И тянут сиволдай не чаркой — башмачком (168).*

А дальше, заметив, что «таким-то образом была одна беседа», Барков сообщает следующее:

*За рекой
На той беседе был детина щепетной,
Приметил он одну молодку пьяну,
Пошла та спать в чулан — и он за ней к чулану,
Одну ее он там застал.
Детина без амуру
Ту пьяну дуру... (168)*

«Детина щепетной» — значит, по «Толковому словарю» В. И. Даля, «причудливый, привередливый, взыскательный на мелочи, на пишу, разборчивый»^{[{196}](#)}. Так вот, разборчивый детина был не промах, а купчихе «приятно пьяной то». Но и здесь она жеманится:

*Сказала лишь: — Кто тут? нет, эдак не шути,
Я от венца своего ни с кем так недоточна,
Дай мужу к нам войти... (168)*

Испуганный любовник готов ретироваться, но купчиха его удерживает и успокаивает. Она, дескать, его, Ильича, вовсе даже и не знает:

*Да я тебя не знаю,
А знаю я того,
Где праздную теперь, в гостях я у кого (169).*

...В нехорошей квартире на Садовой буфетчик встречается с Воландом. Воланд предлагает гостю чашу вина, учтиво осведомляясь, вино какой страны он предпочитает в это время суток. Буфетчик от вина отказывается. Воланд предлагает ему партию в кости. Буфетчик вновь отказывается, и тогда Воланд произносит запомнившуюся всем читателям романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» сентенцию:

«...что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжко больны, или втайне ненавидят человечество»^{197}.

Нет, Барков не избегал вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Он, слава Богу, не был тяжко болен (если, конечно, запой не считать болезнью) и, уж конечно, не ненавидел человечество. Барков прославлял и вино, и женщин. Правда, женщин он прославлял, скажем так, весьма своеобразно, воспевая главным образом их срамное место, в котором он «искал восторгов упоенья, / Неистовым исполненный огнем, / Он вопрошал источник наслажденья / И, закипев душой, терялся в нем...» (воспользуемся в данном случае стихами Пушкина из его поэмы «Гавриилиада» (IV, 113). Барков посвятил этому сокровенному месту оды, элегии, басни, притчи, эпиграммы, надписи, портреты, билеты, сонаты, рецепты, загадки, песни. Его Афродиты, его богини любви — обитательницы борделей, купчихи, попадьи, поповны, девки. На фоне любовной лирики его современников, воспевающих нежные чувства пастушков и пастушек, грустящих или резвящихся на зеленых лужайках рядом с пасущимися простосердечными овечками, грубая эротика Баркова выглядела особенно дерзко и вызывающе. Ни о каких моральных нормах здесь не было и речи. Стихотворения о женщинах соседствовали со стихотворениями о мужчинах. И в них Барков также славил «место роковое /

Излишнее почти во всяком бое /... надменный член»... (опять же, «Гавриилиада» Пушкина, IV, 116). А какой эпитет в самом заглавии стихотворения — «Победоносному Х.» Впрочем, этот же эпитет в заглавии другого стихотворения — «Победоносной героине П...» Излюбленные Барковым «персонажи» сражаются, спорят о первенстве, пишут письма друг к другу.

В срамных стихах Баркова нет изящного балансирования на грани пристойного и непристойного. У него непристойность заключена в самом тексте, а не в подтексте. Должно было пройти время, чтобы в русской поэзии появились фривольные стихи, где эротика подразумевается, а не называется прямо, как, например, в адресованном оперной актрисе Нимфодоре Семеновой шутовом четверостишье Пушкина, где фигурирует однофамилец Баркова:

*Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым, —
Ах он, поручик! ах, злодей! (I, 365)*

Все сказано, хотя ничего и не названо. Образец забавной словесной игры с эротикой — в басне Козьмы Пруtkова, завершающейся, как и положено басенному жанру, нравоучением:

*Однажды попадье заполз червяк за шею.
И вот его достать велит она лакею.
Слуга стал шарить попадью...
«Но что ты делаешь?!» — «Я червяка давлю».*

*Ах, если уж заполз к тебе червяк за шею,
Сама его дави и не давай лакею^{198}.*

Такие стихи вызывают улыбку. У Баркова же все названо своими именами — «весомо, грубо, зримо». Хотя, казалось бы, еще чуть-чуть, и похабные вирши превратятся в очаровательную шутку. Это «чуть-чуть» совершил современник Баркова Державин. В записной книжке П. А. Вяземского есть сообщенное со слов И. И. Дмитриева свидетельство о том, что Державин в бытность свою солдатом «переписывал Баркова сочинения»^{199}. Отзвуки поэзии Баркова в стихотворениях Державина встречаются достаточно часто — отсылаем читателя к обстоятельной статье М. И. Шапира^{200}. Здесь же нам хотелось бы обратить внимание на стихотворение Державина 1802 года «Шуточное желание», впервые опубликованное в 1804 году в сборнике «Анакреотические песни» и впоследствии отредактированное автором:

*Если б милые девицы
Так могли летать как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков*^{201}.

Стихотворение Державина «Шуточное желание» восходит к срамным стихам Баркова, которые придется, скрепя сердце, здесь привести:

*Если б так х... летали, как летают птицы,
Охотницы были б их ловить красные девицы
(210).*

*Если б так х... летали,
Как летают птицы,
Их бы тотчас поймали
Красные девицы.
Все расставили бы сетки,
Посадили б в нижни клетки (213).*

*Коль лъзя было летать п... подобно птицам,
Хорошо бы был сучок е... сидеть девицам^{202}.*

Казалось бы, можно ничего не пояснять: сравнение державинского и барковского текстов говорит само за себя. И все же (для полной ясности) приведем суждение О. А. Проскурина:

«Вся «соль» державинского сочинения состояла в игре пристойным и непристойным планами: невинные читательницы должны были воспринимать только ее внешний — шутливо-галантный — смысл, в то время как «посвященная» (несомненно, по преимуществу мужская) часть аудитории должна была получать дополнительное удовольствие от знания того, какого рода подтекст скрывается за невинной по видимости шуткой (этой рискованной двуплановости, похоже, уже не ощущал Чайковский, включивший державинскую песенку в оперу «Пиковая дама»)»^{203}. Но мало этого: в «Шуточном желании» Державина таится куда более глубокий смысл, чем это может показаться на первый взгляд. И этот смысл (или смыслы) проницательно выявил А. Э. Скворцов: Державин, в отличие от Баркова, рисует «некий, условно говоря, исполинский многочлен, растущий из единого корня и имеющий тысячи

ответвлений»^{204}. Но это еще не всё: Державин «прямо говорит о неиссякаемой плодородной силе гигантского дерева. Возникает образ «птенцов», потомства. <...> С этой точки зрения стихотворение оказывается уже кратчайшим гимном животворящей природе»^{205}. И это еще не всё: «Стихотворение можно прочесть не более и не менее как поэтическое провидение Державина. <...> Державин прекрасно понимал свою уникальную роль в истории русской поэзии. В «Шуточном желании» он с полным правом ставит себя на место отца-основателя русского «сучка», одного из многих на общем древе мировой поэзии. Все поэты, явившиеся в России после него, вольно или невольно окажутся птенцами его гнезда — либо даже множества гнезд — все будут его потомками. Физическая смерть рядом с таким поэтическим бессмертием ничто»^{206}. Невероятно! «Так вот, — как сказал Пушкин в поэме «Домик в Коломне», — куда октавы нас вели!» (IV, 243). А ведь начиналось все со стихов Баркова!

Коль скоро мы опять вспомнили Пушкина, пожалуй, надо вспомнить и его нескромную стихотворную сказку 1822 года «Царь Никита и сорок его дочерей». Пушкин, который читал и приведенные выше стихи Баркова, и стихотворение Державина «Шуточное желание», воспользовался мотивами и образами их сочинений, более того, сделал их своего рода движущими силами своего забавного сюжета. При этом он виртуозно балансирует на грани пристойного и непристойного, вызывая у читателей улыбки и смех.

Царь Никита «от разных матерей / Прижил сорок дочерей». В них

*Душу, сердце всё пленяло;
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.*

*Ничего иль очень мало,
Все равно — недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не разсердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне, бог!
У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, —
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых (II, 126-127).*

Это стихи Пушкина — шаловливые и живые, скромные при всей их нескромности. Вот Баркову бы так...

А дальше, после восторженного обсуждения проблемы, угроз тем, кто позволит себе царевнам даже только намекнуть на недостачу, бабам вырезать язык, «А мужчинам нечто хуже», царь во все концы посылает гонцов искать ведьму, которая «дело всё поправит: / А что надо — то и вставит». Наконец, один ретивый гонец «заехал в темный лес» и нашел-таки ведьму. «Ведьма мигом все смекнула», приманила беса.

*Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,*

*Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Все отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла.
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула (II, 129).*

Гонец с ларцом отправился в обратный путь. Но — «любопытство страх берет».

*И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на сучьях сели,
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — все напрасно
(Видно, кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,
А в ларце сидеть зачем? (II, 130)*

И птички-безделки, и сучки — от Баркова и Державина. А дальше гонцу помогает собрать птичек в ларец старуха с клюкой:

*Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно. —
«Ну, спасибо!» — он сказал...
И лишь только показал —
Птички вмиг к нему слетели*

И квартирой овладели (II, 131).

Во дворце же

*Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили (II, 131).*

Опять Барков, правда, несколько переиначенный, но все равно Барков.

Сравним:

*Все расставили бы сетки,
Посадили б в нижни клетки (213).*

Показательно завершение пушкинской сказочки:

*Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу (II, 131).*

Наверное, и Барков также мог ответить на подобный вопрос — хочу! Ведь и его срамная поэзия носит в общем-то шутливый характер. Вспомним суждение Новикова о том, что к стихотворениям «в честь Вакха и Афродиты» «веселый его нрав и беспечность много способствовали».

Когда мы знакомимся со срамной поэзией Баркова, наверное, нужно вспомнить о простоте нравов в его эпоху. Не будем говорить о любовных придворных романах — это не его круг. Да и что о них говорить, если у Екатерины II была приближенная к ней Марья Саввишна Перекусихина, которая «пробовала» будущих

любовников императрицы — годятся или не годятся они для «жаркого дела». При всем уважении к многочисленным достоинствам Екатерины Великой, при всех ее достижениях на государственном поприще, на ниве просвещения, согласимся, что Пушкин имел основания так писать о ней:

*Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно (II, 207).*

Любопытно, что представления в России о пристойном и непристойном отличались от европейских. На многое у нас смотрели свободнее, что весьма удивляло иностранных путешественников. В 1786–1787 годах Россию посетил венесуэлец Франсиско де Миранда. Он побывал в Крыму, Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Он имел счастье общаться с Екатериной II и ее приближенными. К счастью для нас он вел дневник. Посетив подмосковную усадьбу графа П. Б. Шереметева Кусково, Миранда оставил в дневнике такую запись:

«В отдельном кабинете находятся небольшие восковые фигуры: Вольтер, Руссо, Д'Эстен, Франклин и т. д., и среди них фигуры двух женщин; одна, обнаженная, лежит на постели, другая, высоко подобрав юбку, так что видны все ее прелести, моется над тазом. Последняя, как говорят, была куплена в Париже за сто ливров и, безо всякого сомнения, это весьма тонкая работа, ибо на бедрах и грудях видны мельчайшие прожилки, волоски и т. п., а самое забавное, что сюда заходят и женщины, но в России сие не считается непристойным^{207}.

Что же касается крута Баркова, простого народа, то здесь нормы поведения были еще свободнее. Миранду изумила русская баня. Несмотря на воспрещение мужчинам и женщинам париться вместе, их отделяла дощатая перегородка, и иностранные путешественники могли беспрепятственно войти не только на мужскую, но и на женскую половину, не обращая на себя никакого особенного внимания:

«...Поехали в Большие бани на Москве-реке. Зашли сначала в мужские, где увидели великое множество голых людей, которые плескались в воде безо всякого стеснения. Через дверцу в дощатой перегородке проследовали в женскую часть, где совершенно обнаженные женщины прохаживались или из раздевальни в парильню, или на двор, намыливались и т. д. Мы наблюдали за ними более часа, а они как ни в чем не бывало продолжали свои манипуляции, раздвигали ноги, мыли срамные места и т. д.

<...> поистине, разглядывая всех этих обнаженных женщин, всех возрастов и с самыми разнообразными формами, я не смог отыскать в них большого сходства с «Венерой» из собрания Медичи... Оттуда мы вышли наружу и последовали к реке, чтобы посмотреть на женщин, которые после бани идут туда купаться. Их было очень много, и они спускались к воде безо всякого стеснения. А те, что были на берегу и еще мылись, кричали нам по-русски: «Глядеть гляди, да не подходи!» Мужчины там купаются с женщинами почти вперемешку, ибо, если не считать шеста, их в реке ничего не разделяет»^{208}.

Еще одна примечательная запись:

«Зашел на небольшой постоялый двор... наблюдал за девушкой, доившей корову: она прятала от меня лицо, но в то же время выставляла напоказ свои ляжки»^{209}.

Пишет Миранда в своем дневнике и о продажных девках, услугами которых он пользовался во время

своего путешествия по России. Пишет добросовестно и точно, без сантиментов: где, когда, с кем и сколько заплатил. И еще — кто поставлял. А поставляли девок сводни, домопровительницы, кучера, слуги. Надобность в служительницах Венеры была в Крыму, Кременчуге, Киеве, Москве, Торжке, Санкт-Петербурге. Приведем петербургские записи Миранды.

«16 июня

В половине одиннадцатого пришла хорошенькая девица, которую прислала домопровительница Анна Петровна; она немного говорила по-французски, и мы преотлично понимали друг друга. Потом легли в постель и были вместе до восьми утра, после чего девушка ушла... Заплатил ей за ночь девять рублей, но ее хозяйка осталась недовольна, передав через моего слугу, что этого мало и что я должен был дать ей по меньшей мере 25 рублей. <...>

28 июня

Слуга привел мне русскую девушку — швею, которая показала себя в постели настоящей чертовкой и в пылкости не уступит андалузкам. За ночь я трижды убеждался в этом. Утром она ушла, удовлетворившись пятью рублями. <...>

14 июля

Дома меня ждала русская девица: удовлетворив мои желания, она тут же ушла. <...>

27 июля

...в десять отправился к одной 15-летней девице и спал с нею, но кровать была такая неудобная, что пыл мой угас, и когда утром возвратился домой, чувствовал ревматические боли в спине. Дал ей пять рублей, и она осталась довольна. <...>

27 августа

Отправился домой переспать с какой-то девицей, которую привел мой слуга, да не все ли равно, с кем спать»[{210}](#).

Вот так. А еще говорят: Барков, Барков...

Возвращаясь к срамной поэзии Баркова, на наш взгляд, нужно вспомнить и сказавшуюся в ней традицию народного творчества и ее литературный контекст. Похабные частушки и сказки, срамные припевки скоморохов, лубочные картинки — все это было в русской культуре XVII века. Если же говорить о европейской литературе, то с некоторыми скабрёзными стихотворениями Баркова соотносятся новеллы из «Декамерона» Бокаччо: в саду девушка поймала «птичку» у своего возлюбленного; любовник под видом покупателя бочки заставил ее хозяина в бочку залезть, в то время как сам развлекался с его женой. В стихотворении Баркова «Попадья и три ее хахаля» один из хахалей уверяет попа, что у него стекло в окне создает впечатление, что поп грешит с женой. Простодушный поп идет на улицу смотреть в окно, а там в самом деле хахаль совершает с попадьей то самое:

*Поп глядь и так
И сяк —
Все видит то же дело:
Детина без порток,
Жены нагое тело, —
Уверился попок,
Приходит в избу смело,
Детину умного тут поп благодарил,
А то стекло дурное
Тотчас разбил
И вставил тут иное.
Крестьянский поп-простака
Подумал, что в стекло ему казалось так (163).*

Большое влияние на Баркова оказала французская эротическая поэзия. В XVIII веке эротические стихи

писали Ж.-Б. Руссо, Ж.-Б.-Ж. Виллар де Грекур, А. Пирон. Перу последнего принадлежала непристойная «Ода Приапу». Она получила необыкновенную известность и принесла ее сочинителю скандальную славу. Сохранился любопытный анекдот. Когда Пирона избирали во Французскую Академию и зачитывали список его сочинений, старый писатель Фонтенель, глуховатый на ухо, спросил у другого академика, о ком идет речь. «Тот взял лист бумаги, на котором написал: «Говорят о Пироне. Мы соглашаемся с тем, что он заслужил кресло (то есть кресло академика. — *Н. М.*); но он написал «Оду», которую вы знаете» — «Ах! Да, — ответил Фонтенель. — Если он ее написал, его следует побороть; но если он ее не написал, его не следует принимать»^{211}.

Французские академики, видимо, вполне оценившие остроумие «Оды Приапу», в которой воспевался бог плодородия и сексуальной мощи Приап и пародировалась реальная история и мифология Древнего мира (герои и боги были представлены в момент соития, а весь мир — огромным борделем), единогласно проголосовали за автора этого сочинения. Правда, Людовик XV избрание Пирона в Академию не утвердил (впрочем, он сделал это по настоянию духовенства).

Барков вслед за Пироном написал «Оду Приапу». Это не столько перевод французской оды, сколько вольное ее переложение — также непристойное, но с другим сюжетом. Барков рассказывает такую душераздирающую историю: к Приапу является изможденный, обессиленный старик и повествует о том, как он с молодых лет без устали совокуплялся, а сойдя в царство мертвых, продолжил свои любовные подвиги с перевозчиком мертвых Хароном, с трехглавым псом Цербером, с владыкой царства мертвых Плутоном, его женой Прозерпиной и многими другими.

*Приап, услыша столько дел,
Плескал м... с удивленья,
В восторге слыша речь, сидел,
Но, вышед вдруг из изумленья, —
Поди, друг мой, ко мне, — вещал, —
Прими, что заслужил трудами (61).*

Старик «вдруг пришел в юность», «бодро вострепнулся «и с честью» отправился в путь, не пропуская встречных и поперечных.

*Когда б ты мог, Приап, в наш век
Должить нас чуды таковыми,
К тебе бы с просьбами своими
Шел всякий смертный человек (62).*

«Ода Приапу» все же скорее исключение, а не правило французской эротической поэзии. В большинстве случаев стихи французских авторов представляют не столько эротику в ее натуралистическом виде, сколько забавную игру с эротикой. Французский язык, в отличие от русского к XVIII веку достаточно разработанный, дает возможность поэтам в рискованных местах текста пользоваться эвфемизмами, то есть заместителями неприличных слов. Заметим, что в XIX веке в русском образованном обществе именно так и поступали. В этом отношении характерно письмо В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 марта 1819 года, в котором он рассказывает о курьезном случае, приключившемся с А. А. Шаховским:

«Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то Пустодома, новую комедию плодотворной своей музы. Третьего дня он читал ее в доме Андрея Семеновича Кологривова; креслы под огромную тушу

Гашпара (имеется в виду А. А. Шаховской, названный здесь именем героя его поэмы «Расхищенные шубы». — Н. М.) подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули, и он показал присутствующим

Ce qui servit au premier homme
à procréer le genre humain.

La Fontaine.

(То, что служило первому человеку для продолжения рода человеческого. Лафонтен)»[{212}](#).

Разумеется, Барков не пользовался эвфемизмами, а все называл своими именами, как есть. Так он поступал и тогда, когда переводил французские эротические стихотворения. Любопытно, что многие срамные стихи Баркова — не что иное как переводы. Воспользуемся несколькими примерами, почерпнутыми нами из статей М. Шрубы и А. А. Добрицина, которые в свою очередь почерпнули их из популярных сборников «Le Joujou des Demoiselles» («Девичья игрушка») и «Cabinet satyrique» («Сатирический кабинет»). Стихи из этих сборников и переводил Барков.

Le laid Visage

*Sincophoron aussi laid q'un Diable,
Fait des enfans aussi beaux que L'Amour.
Sur quoi certaine Dame aimable
Lui demandoit un jour:
Comment cela se pent? C'est, dit le Personnage,
Que je n'en fais point avec mon visage.*

Перевод:

Некрасивое лицо

*Сенкофорон, некрасивый как черт,
Делает детей, красивых как Амур*

*На что некая любезная дама
Его однажды спросила:
— Как это возможно? Человек отвечает: —
Потому что я их не делаю своим лицом*^{213}.

Барков:
Сафрон

*Сафрон как черт лицом, и к дьявольским усам
Имеет еще нос, подобный колбасам,
Которы три года в дыму будто коптились;
А дети у него прекрасные родились,
Что видя, госпожа, имевша мимо путь,
Сказала, чтоб над ним немного подсмехнуть: —
Куда как дурен нос, хозяин, ты имеешь,
А деток не в себя работать ты умеешь.
Надулся тут Сафрон, боярыне сказал:
— Не носом я детей, а х... добывал (187-188).*

М. Шруба обращает внимание на то, что «русский переводчик сильно разукрасил образец»^{214}. Героя он наделил дьявольскими усами и огромным носом, передав его французское имя Сенкофорон схожим по звучанию русским именем Софрон. Ну и конечно, французские намеки и эвфемизмы заменены непристойным русским словом.

Еще один пример.

Le Ca ca

*Lucas revenant au logis
Avec plusieurs gens de sa sorte,
Dit U Pierrot dessus sa porte:*

*CE ta mère est-elle? mon fils?
Elie est dans la chambre prochaine,
Dit-il? avec un Capitaine.
Pourquoi n'y restes-tu donc pas?
Ils vont faire ca ca, mon père;
Car j'ai vu qu'il troussait ma mère,
Et qu'il avait ses chausses bas.*

Перевод:

Кака

*Люка, вернувшись домой
Вместе со многими людьми его рода,
Спрашивает Пьеро у двери:
— Где твоя мать, мой сын?
— Она в следующей комнате, —
Говорит тот, — с неким капитаном.
— Почему же ты не остаешься там?
— Они идут делать кака, мой отец,
Раз я видел, что он раздел маму
И что он спустил свои штаны^{215}.*

Барков:

Кака

*— Где мать — пришед домой, спросил Сазон
Ванюши.
— Она пошла, — отцу лепечет малой, — тпруши,
И там портки долой она у мужика,
Мужик у маменьки меж ног — кака (183).*

Здесь в переводе французский оригинал, как видим, вдвое сокращен, но смысл-то остался тем же.

И еще один пример.

*Il faudroit, pour faire un tombeau
Dont Ysabeau ne fit que rire,
Monter sur elle, et puis écrire:
«Icy dessous gist Ysabeau».*

Перевод:

*Следовало бы, чтобы создать надгробие,
Над которым Изабо лишь посмеялась бы,
Взобраться на нее и затем написать:
«Здесь внизу лежит Изабо»^{216}.*

Барков:

*Надгробной просишь ты, любезная Агафья:
Ляг! Мертвой притворись! — я буду эпитафья!
(221)*

И последний пример.

Vênus manioit de Mars

*Son casque, son glaive, ses dards:
Arnies de dcfense et d'attaque;
Mais le dien lui cria soudain:
Belle, jen ai sous ma casaque*

De plus propres pour votre main.

Перевод:

Венерины доспехи

*Венера орудовала Марсовым
Шлемом, его мечом и дротиками:
Орудием оборонительным и наступательным;
Но бог вдруг закричал ей:
Красавица, у меня под плащом есть
Более подходящее <оружие> для вашей
руки^{217}.*

Барков:

*Венера у Марса смотрела с почтеньем
Шлем бога сего, и меч, и копье.
Что видя, Приап ей молвил с презреньем: —
Для ваших вить рук х... лутче ружье (191).*

Опять же, у Баркова, в отличие от французского оригинала, появляется Приап, а вместе с ним — и матерное слово.

Чтение срамных стихов Баркова, на наш взгляд, довольно утомительно — их слишком много. Невольно возникает вопрос: а поэзия ли это? И все же мы отвечаем на этот вопрос утвердительно: да, поэзия. Да, в ней много непристойного. Но в ней есть и много забавного, остроумного — и в сюжетах, и в портретных набросках, и в диалогах. В ней есть та веселость и беспечность Баркова, о которых писал Новиков. В ней

есть та безумная шалость, о которой писал Пушкин в лицейском послании к гусару Петру Павловичу Каверину:

*Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви.
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом:
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом (I,
211).*

И еще — в стихах Баркова порой под грудой матерного словесного мусора скрывается глубокое чувство. Так, в оде «На воспоминание прошедшей молодости», представляющей собой сетования (в самой грубой форме) об утрате мужской силы и соответственно женского внимания, есть лирическое призыванье юных лет:

*О, юность, время скоротечно,
Которая теперь прошла,
Когда б ты длилась, юность, вечно,
Ты б тех забав не унесла,
Которыми я наслаждался
В тебе, какими восхищался.
Приди опять, как ты была! (68)*

Конечно, это еще не пушкинское:

*Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,*

*О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне... (V, 119)*

Еще не пушкинское. Но всё же...

Глава седьмая

ИЗДАТЕЛЬ АНТИОХА

КАНТЕМИРА

*Издатель — кто издал постановление
или книгу.*

Владимир Даль.

*Толковый словарь живого
великорусского языка*

Первое издание сатир Антиоха Кантемира было предпринято Академией наук в 1762 году. Честь подготовки этого издания к печати принадлежит Баркову. Оно вышло в свет спустя 18 лет после смерти автора. История же издания началась еще при жизни Кантемира, и об этом, на наш взгляд, небезынтересно рассказать. Но сначала напомним, кто такой Кантемир.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир родился в 1709 году в Константинополе в семье будущего правителя Молдавского княжества Дмитрия Константиновича Кантемира. Молдавия находилась тогда под владычеством Турции. Молдавским господарем с конца XVII века был дед Кантемира. Для того чтобы избежать измены, турецкий султан держал при себе сына Константина Кантемира Дмитрия заложником в Константинополе. Потому будущий поэт и появился на свет там. После смерти его деда молдавским господарем стал его отец, который желал, чтобы Молдавия присоединилась к России. Этого желал и Петр I. Но после неудачи русской армии на реке Прут в 1711 году Дмитрий Кантемир вынужден был бежать с семьей в

Россию. Так двухлетний Антиох оказался в Харькове, потом в Москве, а потом в Петербурге.

Отец Антиоха Кантемира был ученым и писателем, членом Берлинской академии наук. Он сумел дать сыну блестящее образование, обучал его сам, а также приглашал для его обучения прекрасных учителей — русских и иностранных. Выпускник Славяно-греко-латинской академии И. Ю. Ильинский преподавал Антиоху старославянский и русский языки, сочинял стихи. По-видимому, именно ему будущий автор сатир и других стихотворений был обязан первыми уроками стихотворства. В 1724–1725 годах Кантемир брал уроки математики, физики, нравственной философии у профессоров Петербургской Академии наук. В 1715 году он был записан в гвардейский Преображенский полк. 1730 году, уже будучи на действительной военной службе (правда, в чинах небольших, лишь поручиком), Кантемир участвовал в возведении на трон Анны Иоанновны. К этому времени он уже успел написать свою первую сатиру «На хулящих учение. К уму своему». Она не была напечатана, но широко распространилась в списках, принесла двадцатилетнему автору первую литературную славу. Первый успех воодушевил Кантемира. Он начал писать поэму «Петриада», посвященную кончине Петра Великого (впрочем, ее не закончил), перевел книгу Фонтенеля «О множестве миров» (того самого, который одобрительно отозвался об «Оде Приапу» Пирона и которого будет читать Пушкин и его герой Онегин: «Прочел творенья Фонтенеля»), Этот перевод был издан Петербургской Академией наук в 1740 году, и его мог читать Барков. В 1731 году Кантемир сочинил «Оду к императрице Анне в день ее рождения» и еще несколько басен.

В 1732 году Кантемир навсегда покинул Россию. Его путь через Берлин и Гаагу лежал в Лондон, куда он был назначен резидентом, то есть российским посланником.

Шесть лет Кантемир провел в Лондоне, успешно выполняя возложенную на него дипломатическую миссию, а с 1738 года, будучи пожалован титулом камергера, стал чрезвычайным послом (полномочным министром) в Париже. Там Кантемир встречался с известными писателями, учеными, артистами, художниками, беседовал с Фонтенелем и Монтескье, чьи «Персидские письма» перевел (перевод не сохранился, но о нем знал Барков), переписывался с Вольтером. Как писал К. Н. Батюшков в очерке «Вечер у Кантемира», «Антиох Кантемир, посланник русский при дворе Людовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего двора. Свободное время от должности он посвящал наукам и поэзии»^{218}. Кантемир переводил Анакреона и Горация, к пяти сатирам, сочиненным в России, присовокупил еще три. Умер он в 1744 году, когда ему не исполнилось и тридцати пяти лет. В 1745 году его останки были привезены в Петербург (Барков мог знать об этом), а затем доставлены в Москву, похоронены на кладбище греческого монастыря на Никольской улице, подле могилы его отца.

А теперь вернемся к истории издания сатир Кантемира. Заметим, что сам автор очень дорожил своими сатирами, видел в них свое призвание писателя и долг гражданина. Весной 1743 года Кантемир послал из Парижа рукопись своей книги канцлеру М. И. Воронцову. В сопроводительном письме он писал о том, что «смелость принял» посвятить свою книгу императрице Елизавете Петровне, покорнейше просил книгу эту ее величеству поднести и выражал надежду на то, что «Ея Императорское величество изволит сама судить, должно ли их (сатиры и приложенные к ним стихотворения. — *Н. М.*) в люди показати, или нет»^{219}. В следующем письме Воронцову от 4 апреля 1743 года Кантемир просил переписать книгу его сатир с тем, чтобы рукописная книга была передана для сохранения

в Императорскую библиотеку, «понеже у меня столь исправной копии уже не осталось»^{220}.

В царствование Елизаветы Петровны книга «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями» не была издана. Почему? Потому что сатиры разили пороки, не только присущие человечеству вообще, но и родовитым дворянам, церковникам, потому что в них можно было легко узнать известных людей. Кантемир, ревнитель просвещения, убежденный сторонник петровских преобразований, обличал невежд, всех тех, кто мешал начатому Петром I движению России вперед. Не случайно, когда Тредиаковский публично прочитал восхитившую его первую сатиру Кантемира, архимандрит Платон написал на него жалобу в Синод.

Итак, книга сатир Кантемира не была напечатана, но в 1755 году копия с нее была передана в библиотеку Петербургской Академии наук. Вероятно, с этим так называемым академическим списком и работал Барков, готовя сатиры Кантемира к печати. Академический список был положен в основу издания сочинений Кантемира, вышедшего в свет под редакцией П. А. Ефремова в 1867 году, а затем и издания «Собрания стихотворений» Кантемира в серии «Библиотека поэта» в 1956 году. По этому последнему изданию мы и будем далее цитировать кантемировские сатиры.

Что могло привлечь Баркова в сочинениях Кантемира? Что он мог в них по достоинству оценить?

Наверное, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что Барков, по характеристике Новикова, «человек острый и отважный», не мог не оценить остроту и отважность Кантемира-сатирика, его замечательное сатирическое дарование. Уже первая сатира «На хулящих учение. К уму своему» в полной мере обнаруживает его сатирический дар. По существу его произведение — это взволнованное слово поэта-гражданина в защиту науки

и в то же время гневное обличение врагов науки, противников просвещения. Кантемир находит единственно верные, точные слова для создания сатирических портретов тех, кто пытается доказать вред научных знаний. Выдвигаемые ими доказательства для обоснования своей позиции свидетельствуют об убожестве мысли и нравственной нищете. Первая сатира построена как сменяемые друг друга интервью о вреде науки.

*Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети,
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами...
[{221}](#).*

Святоша Критон сетует на то, что и дети-то стали непокорны, все «потеряли добрый нрав, забыли пить квасу», «уже свечек не кладут, постных дней не знают», а главное, полагают, что церкви «поместья и вотчины весьма не пристали» (вот оно, главное: как говорил принц Гамлет, «а не привесилось ли к этому что-нибудь посущественнее»).

Силван другую вину наукам находит.

*Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли [{222}](#).*

Замечательна логика рассуждений помещика Силвана, применяемый к научным знаниям критерий пользы, практики. Нужно ли «в поту томиться дни целы», чтобы вывести «строй мира и вещей», если это не прибавит к жизни ни дня, в ящик не положит ни гроша, да и не поможет «узнать, что приказчик, / что дворецкий крадет в год?» А потому не надо ни химии, ни медицины, ни астрономии, ни алгебры.

Румяный, трижды рыгнув, Лука подпевает:

«Наука содружество людей разрушает;

<...>

*В веселье, в пирах мы жизнь должны
проводати:*

И так она недолга — на что коротати,

Трудиться над книгой и повреждать очи?

*Не лучше ли с кубком дни прогулять и
ночи?»{223}.*

Далее румяный от вина Лука, видимо, продолжая с перепоя рыгать, произносит гимн вину:

Вино — дар божественный, много в нем провору:

Дружит людей, подает повод к разговору,

Веселит, все тяжкие мысли отнимает,

Скудость знает облегчать, слабых ободряет,

Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,

Любовник легче вином в цель свою доходит{224}.

В примечании Кантемир пишет:

«Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas dissignat? operta recludit:

Spes jubet esse ratas, in praelia trudit inermem;

*Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quern non fecere disertum!
Contracta quern non in paupertate solutum!*

<что только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши вина кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты>^{225}».

Таким образом Кантемир указывает на литературный источник своего текста. Любопытно, что сходный гимн вину есть в «Оде кулашному бойцу» Баркова:

*Вино на драку воспаляет,
Дает в бою оно задор... (79)*

И у Баркова любовники разгорячаются вином, «с вином и трус живет смелее», и еще вино побуждает к красноречию: «Вином гортань, язык вещает» (79). Текст Баркова перекликается и с текстом Кантемира, и с текстом Горация, со стихами которого Барков мог познакомиться и независимо от Кантемира. В данном случае укажем лишь на то, что у Баркова, в отличие от героя Кантемира Луки, вино не противопоставляется наукам. Иначе и быть не могло: издатель сатир Кантемира Барков сам был служителем науки.

Против науки, книг выступает и щеголь Медор:

*Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри,
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Вергилий не стоит;*

Рексу — не Цицерону похвала достоин{226}.

Конечно, для Медора важнее книги философа Сенеки — фунт пудры; более важная персона, нежели поэт древности Вергилий, — сапожник Егор, а похвал достоин не прославленный оратор Цицерон, а портной Рекс.

В завершении сатиры Кантемир рисует безрадостную картину всеобщего невежества:

*Гордость, леность, богатство — мудрость
ододело,
Науку и невежество местом уж подсело,
<...>
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
<...>
Все кричат: «Никакой плод не видим в науке,
Ученых хоть голова полна — пусты руки»{227}.*

Поэт-сатирик скорбит об обществе, отвергающем науку, возмущается воинствующим невежеством церковников, вельмож, судей, подьячих, помещиков, но не отказывается от своих убеждений просветителя, последователя петровских преобразований, готов «вместо похвал <...> достать хулу злую».

В третьей сатире «О различии страстей человеческих», адресованной архиепископу Новгородскому, сподвижнику Петра I Феофану Прокоповичу, Кантемир мастерской кистью рисует сатирические портреты скупого, сплетника, лгуна, лицемера и сластолюбца. Он сообщает читателю выразительные детали, которые как нельзя лучше характеризуют его героев.

*Весь вечер Христип без свеч, зиму всю колеет,
Жалея дров; без слуги обойтись умеет
Часто в доме; носит две рубашку недели,
А простыни и совсем гниют на постели.*

<...>

*...уж сундуки мешков не вмещают,
И в них уж заржавлены почти истлевают
Деньги...{228}.*

Христип — предшественник Плюшкина Гоголя, Иудушки Головлева Салтыкова-Щедрина, которых, конечно, не читал Барков. Зато он читал Кантемира.

*Варлам смирен, молчалив, как в палату войдет —
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;*

<...>

*Бесперечь четки в руках, на всякое слово
Страшное имя Христа в устах тех готово.*

<...>

*Когда в гостях, за столом — и мясо противно,
И вина не хочет пить; да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, и на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.
Жалки ему в похотях погибшие люди,
Но жадно пялит с-под лба глаз на круглы
груди...{229}.*

Сребролюбивый Клеарх в долг набрал «обманом, слезами, / Клятвами и всякими подлыми делами». Менандр «новизн наберет нескудно»: «Встретит ли тебя — тотчас в уши вестей с двести / Насвищет...» «Искусен и без вестей голову распучить / Тебе Лонгин». «Фока утро все торчит у знатных в передней. <...> Так шалеет, чтоб достать в жизнь и по смерть славы». «Гликон

ничего в других хвально не находит». Клитес «Нищ, дряхл, презрен, лучшему счастью не завидит, / Когда полну скляницу в руках своих видит; / И сколь подобен скоту больше становится / Бессмыслен-ну, сколь он больше веселится». «Язык Сизимов унять не может злословий». «Трофим, наслаждаясь, все хвалит без разбору». А еще — подозрительный Новий. Аеще — завистливый Зоил...

Читая третью сатиру, хочется вместе с Пушкиным воскликнуть: «О люди! жалкий род, достойный слез и смеха! (III, 302).

Думается, Баркова могла привлечь вторая сатира — «На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений». Она связана с важнейшим документом Петровского времени — «Табелью о рангах». Согласно этому документу 1722 года утверждался принцип личной заслуги для государства. По «Табели о рангах» вводилось 14 классов военных, статских и придворных чинов. Те, кто достигал благодаря своей усердной службе 8 класса, имели право на получение наследственного дворянства. Таким образом, наиболее способные и деятельные люди, независимо от их знатного или же незнатного происхождения, могли достичь, благодаря своим личным заслугам, высокого общественного положения. Без личных заслуг знатное происхождение, заслуги прославленных предков в расчет не принимались, и потомки родовитых бояр, старые аристократы могли оказаться без чинов и наград. Вот об этом и идет речь в диалоге между Филаретом (в переводе с греческого — «добродетельный») и Евгением (в переводе с греческого — «благородный»). В Евгении «унывает» его благородство, и есть от чего: обошли его чинами и наградами. И ему тем более это обидно, что выдвинулись-то те, «кто не все еще стер с грубых рук мозоли», «Кто с подовыми горшком истер плечи» (более

чем прозрачный намек на А. Д. Меншикова, продававшего в детстве подовые пироги в разнос; мимо роскошного дворца вельможи Меншикова в Петербурге не раз проходил Барков). А как же знатность рода? Как же заслуги предков?

*Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели —
Государства лучшими чинами владели*^{230}.

С отповедью Евгению выступает Филарет, обличающий невежественных, бездарных и ленивых потомков славных отцов и дедов. Гневная отповедь Филарета — одновременно и взволнованная проповедь (отменно длинная) личных достоинств и личных заслуг. Это еще и мудрое поучение:

*Разница — потомком быть предков благородных,
Или благородным быть*^{231}.

Вызывает восхищение великолепная сатирическая зарисовка пробуждения щеголя XVIII Евгения, которая соотносится с описанием начала дня русского дэнди XIX столетия Евгения Онегина. Герой Антиоха Кантемира сладко спит на пуховых перинах, просыпается, когда уже «дня пробегут две доли», час-другой нежится в постели, «ожидая / Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая» (то есть кофе или чая). А потом — «Из постели к зеркалу <...> одним скоком», перед зеркалом — причесываться по моде — «По румяным часть щекам, в колечки завиты». Перед зеркалом — одеваться опять же по моде: «Деревню взденешь потом на себя ты делу», то есть кафтан обходится в стоимость целой деревни.

Евгений Онегин — достойный литературный потомок Евгения:

*Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере... (V, 17).*

Бедный Барков! Какие зеркала? Какие наряды? Ну а что касается авторской позиции Кантемира, то она выражена в словах Филарета, и вряд ли можно сомневаться в том, что Барков эту позицию разделял.

Особый интерес могла вызвать у Баркова и четвертая сатира «О опасности сатирических сочинений. К музе своей». Особый — потому что ведь и Барков — во многом сатирический поэт. Кантемир, обращаясь к музе, рассуждает о том, сколь тернист путь сатирика, сколь много бед и неприятностей ждет его на этом пути, как ненавидят его те, кто увидел себя в зеркале его сатиры:

*Одним словом, сатира, что чистосердечно
Писана, колет глаза многим всеконечно*^{232}.

Но при всех опасностях Кантемир видит свой долг в том, чтобы говорить правду, разить порок, исправлять нравы и тем приносить пользу обществу.

*Знаю, что правду пишу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных
плачу*^{233}.

Вот он, декларированный уже Кантемиром гоголевский смех сквозь незримые миру слезы. Задуматься над осмыслением такого рода смеха,

конечно, не помешало бы издателю Кантемира Баркову. Это нужно было бы сделать хотя бы потому, что издание переведенных Барковым сатир Горация (оно появится в 1763 году) предваряло адресованное графу Г. Г. Орлову стихотворение о сатире, которое перекликается с суждениями, высказанными Кантемиром:

*Двояка в сатирах содержится потреба:
Злых обличение в злонравии и смех,
В котором правда вся, без страха, без помех,
Как в зеркале, чиста представлена народу (337).*

Любопытно, что в предисловии к «Сатирам» Горация Барков объясняет, почему он не перевел письма, то есть послания Горация: «Я лучше рассудил за благо оных не переводить, нежели подать о себе такое мнение, будто бы чрез то хотел я унижить честь и славу князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, которых им уже переведены и при Академии напечатаны»^{234}. (Речь идет о выполненных в Париже переводах десяти писем Горация, которые вместе с трактатом Кантемира по стихотворству «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» были напечатаны Академией наук в Петербурге в 1744 году.)

Нет сомнений в том, что Барков прочел все предназначенные для печати сатиры Кантемира. Прочел он и пространные примечания к ним. Примечания заслуживают, несомненно, того, чтобы сказать о них хотя бы несколько слов. По существу, это энциклопедический комментарий к поэтическому тексту, предложенный самим поэтом. Он включает в себя реальный комментарий, комментарий историко-литературный и лингвистический. Не может не удивлять обширность самых разнообразных сведений, которые включены в него. Ну и, само собой, не может не

удивлять эрудиция автора комментариев. Чего только мы не узнаем!

«Завертеть завитые кудри. Когда хотим волосы завивать, то по малому пучку завиваем, и, обертев те пучки бумагою, сверх нея горячими железными щипцами нагреваем, и так прямые волосы в кудри претворяются»^{235}.

«Пойло, что шлет Индия. Кофе или шоколад. Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым в забаву после обеда. Шоколад есть состав из ореха, какао называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтобы пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе»^{236}.

«Избит пол и под башмак. Чтоб натянуть тесный башмак на ногу, нужно долго и сильно бить ногою в пол, и подмазывается тогда подошва башмака мелом, чтоб не скользить и тем лучше опираться можно было»^{237}.

«Не столько купец божбы учинит. Обыкновенно купцы, когда продают, чрезмерно божатся. Если у них что торгуешь, часто услышишь: Как перед богом стать — себе больше стоит; бог свидетель — в лавку выше пришло; еже ей-ей для переду тебе в свою цену уступаю»^{238}.

Кантемир дает пояснения ко всем именам, которые встречаются в его сатирах. Иногда эти пояснения становятся своего рода словарной статьей. Так, например, статья о Феофане Прокоповиче включена в примечания к третьей сатире: в ней представлена его краткая биография и дана характеристика его трудов. Сообщаются сведения также о Вергилии, Ювенале, Горации, Персии, Буало и многих других авторах.

Кантемир поясняет также отдельные слова, выражения, порой объясняет ту или иную словесную форму трудностью версификации:

«Чтоб не счернеть. Вместо чтоб не почернеть, за нужду меры стиха»^{239}.

Предпринятые Барковым в 1763 и 1764 годах издания переводов сатир Горация и басен Федра также имели пространные примечания, и опыт его работы с текстами Кантемира был для него важен.

Сатиры Кантемира нужно было не только подготовить к печати, отредактировать. Нужно было еще написать краткий биографический очерк, который бы сатиры предварял.

Митрополит Евгений Болховитинов в «Словаре русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России», сообщил об источнике созданного Барковым «Жития» Антиоха Кантемира:

«Сатиры (Кантемира. — Н. М.) незадолго до смерти его в Париже с рукописи русской переведены италианским аббатом де-Гваско, приятелем его, на италианский язык, с помощью его самого; а после смерти, в 1745 г., италианец сей перевел их на французский язык и напечатал в Лондоне, в 1750 г., с избранными из подлинника примечаниями и с пространном описанием жизни автора. В сем жизнеописании помещено много весьма любопытных политических известий о происшествиях, современных автору, и о его дипломатических действиях, а русское жизнеописание, напечатанное при сатирах его, есть только сокращение с оногo»^{240}.

Внесем некоторые уточнения и дополнения в приведенный текст. В самом деле, с итальянского перевода был сделан прозаический перевод сатир Кантемира на французский язык, который при участии Монтескье был напечатан в 1749 году вместе с историей

жизни Кантемира, сочиненной Гуаско. Через год перевод вышел вторым изданием в Париже. В 1752 году в Берлине был опубликован стихотворный немецкий перевод сатир, выполненный с французского издания. Таким образом, можно говорить о мировой известности сатир Кантемира, русский текст которых будет издан только в 1762 году. Что же касается биографии Кантемира, написанной аббатом Гуаско, то она действительно была использована Барковым, благо иностранные языки он знал.

Барков на основе биографии Кантемира, созданной Гуаско, написал «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира». Не биографию, а житие. То есть само обозначение жанра имеет, на наш взгляд, значение для понимания текста, предложенного Барковым. Житие обычно прославляло святого. Барков прославляет своего героя, создает идеальный образ гражданина и поэта. Служение Кантемира Отечеству на дипломатической службе и его служение отечественной словесности уравниваются в своей значимости. Сообщив о рождении Кантемира от благородных родителей, Барков рассказывает о его «беспрестанном чтении», о склонности к наукам с детских лет. Здесь важны такие подробности, как, например, сведения о том, что в Голландии Кантемир прежде всего «старался запастись хорошими книгами», о том, что и в Лондоне, и в Париже он стремился познакомиться с учеными людьми, все свое свободное время от обязанностей дипломатической службы он посвящал занятиям наукой и поэзией. Примечательно, что в житии Кантемира подчеркиваются нравственные основания его деятельности.

«В отправлении политических дел поступал он праводушно и искренно, почитая лукавство за недостойное своего разума, и всегда достигал до намерения своего прямою дорогою, не оставляя однако потребного в случае благоразумия»^{241}.

Особо акцентируется нравственная цель сатир Кантемира:

«Надлежало бы теперь упомянуть о преимуществах и недостатках сих сатир; но издавая их в свет, оставляем читателю самому об них рассуждения. Довольно, что намерение князя Кантемира в том состояло, дабы чрез осмеяние истребить в народе грубые и застарелые мнения, к чему силы здравого разума бывают иногда недостаточны. Сам он признавал, что разумные и нравоучительные сатиры легко могут вдохнуть склонность к добрым делам и верить пристойные мнения о справедливости, чести и правосудия»^{242}.

Житие Кантемира было бы неполным, если бы не было сказано о его «отправлении христианской должности». «Часто говаривал он, что нет ничего приятнее, как употреблять знатность и силу свою на благотворение ближнему»^{243}.

В конечном счете в предисловии к сатирам создан чрезвычайно привлекательный образ их автора, вызывающий уважение и сочувствие. Но ведь в основе предложенного жития, как мы уже знаем, лежал биографический очерк, написанный аббатом Гуаско. В чем состояла работа Баркова над этим литературным источником? Какова была работа Баркова-редактора над текстом издаваемых им сатир и составленными самим Кантемиром примечаниями? На эти вопросы ответила выдающаяся исследовательница русской литературы XVIII века Галина Николаевна Моисеева. Поводом к ее блистательной статье «Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года» стали обвинения в адрес Баркова — издателя и редактора, — которые появились в XIX и XX столетиях.

В 1866 году, то есть чуть больше ста лет спустя после первого издания сатир Кантемира, П. А. Ефремов затеял их новое издание. Подготовку текста по первому,

барковскому изданию 1762 года взял на себя профессор В. Я. Стоюнин. Но тут П. А. Ефремов узнал от академика А. А. Куника, что найден тот самый академический список сатир Кантемира 1755 года. П. А. Ефремов и В. Я. Стоюнин сверили полученную рукопись с публикацией Баркова и обнаружили в них много расхождений. В основу нового издания сатир Кантемира решено было положить академический список, с которым, по-видимому, и работал в свое время Барков. Разумеется, издатели не преминули обвинить Баркова в искажениях кантемировского текста:

«Сатиры его (Кантемира. — Н, М.) и некоторые из мелких стихотворений первоначально были изданы Императорскою Академиею наук в 1762 г., но И. С. Барков, которому тогда было поручено печатанье их, перенаправил многие стихи, примечания почти все переделал по-своему»[{244}](#).

Разумеется, такое обращение Баркова с творениями Кантемира было признано недопустимым. Еще почти 90 лет спустя, в 1956 году, «Собрание стихотворений» Кантемира вышло в свет в серии «Библиотека поэта» с вступительной статьей Ф. Я. Приймы, подготовкой текста и примечаниями З. И. Гершковича. И в этом издании Барков обвиняется в том, что он «весьма вольно обошелся с текстами Кантемира»[{245}](#). Через все примечания настойчиво проходит констатация искажений, которые позволил себе редактор Барков.

Когда читаешь эти обвинения в адрес Баркова-издателя и редактора, то возникает ощущение, что вот-вот, еще немного, еще чуть-чуть, и Барков будет охарактеризован стихами А. Т. Твардовского:

*Весь в поту статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,
То свое словечко вставит,*

*То чужое зачеркнет.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит*^{246}.

За честь Баркова в 1967 году и вступилась Г. Н. Моисеева. Она, как добросовестный исследователь, задала вопрос: «Действительно ли И. С. Барков, которому была поручена подготовка к изданию сатир А. Кантемира, грубо и произвольно искажил текст произведений и примечания к ним?»^{247} Для того чтобы ответить на этот вопрос, Г. Н. Моисеевой была проведена скрупулезная, поистине ювелирная работа: прежде всего, произведено сравнение текста, напечатанного Барковым в издании сатир 1762 года, с академическим списком, по которому это издание готовилось. Далее выявлены разночтения между ними. И наконец, эти разночтения тщательно проанализированы и осмыслены.

Приведем некоторые наблюдения Г. Н. Моисеевой.

Отмечено, что из биографии Кантемира, написанной Гуаско, Барков исключил некоторые страницы: он уточнил дату основания Петербургской Академии наук — не 1725 год (как указано Гуаско), а 1724 год. Барков в данном случае мог читать указ об основании Академии, который был напечатан 22 января 1724 года, а кроме того, мог узнать эту дату из «Краткой хронологической росписи дел Петра Великого», составленной при участии Ломоносова и посланной Вольтеру, работавшему над «Историей России при Петре Великом». Мелочь? Нет, не мелочь. История жизни Кантемира должна была быть включена в историю России, и мелочей здесь быть не могло.

Далее — и это для Баркова было принципиально важно — творчество Кантемира должно было быть включено в общее движение русской литературы конца XVII — первых десятилетий XVIII века. Что сказал об этом Гуаско? Он утверждал (и утверждал ошибочно), что до Кантемира в России один только Тредиаковский отважился сочинять стихи, да и то неудачно. Барков кардинально изменил текст Гуаско:

«Что касается до сложения его стихов, то он последовал в том древнему в России употреблению. Бывшие прежде его стихотворцы, как Симеон Полоцкий, который в 1680 году Псалтырь переложил стихами, и Максимович, издавший по алфавиту Жития святых, о котором сатирик в сатире четвертой под стихом 143-м упоминает, и другие наблюдали токмо известное число слогов с некоторым сечением, разделяющим каждый стих на два полустишья, оканчивая согласным падением слогов или рифмою; по чему оные их стихи были бесстопные, какими и сатиры князя Кантемира писаны»[{248}](#).

Г. Н. Моисеева высказала предположение, что мысль переделать этот отрывок мог подсказать Баркову Ломоносов.

Значительная правка (именно смысловая правка, а не искажения) была внесена Барковым в примечания, составленные самим Кантемиром. Здесь Барков учел и изменившиеся со времени подготовки сатир к печати их автором исторические обстоятельства (как-никак прошло почти два десятилетия!), и изменения развивающегося русского литературного языка, и достижения литературы и науки. Можно привести много примеров (и Г. Н. Моисеева их приводит), свидетельствующих о эрудиции Баркова и его высокой филологической культуре. Так, например, Барков устранил иностранные термины в тех случаях, когда их можно было заменить русскими эквивалентами. Если в

академическом списке в первой сатире речь идет о «сате-лессе» (то есть саттелите: satellit), то в редакции Баркова это «спутник», так как в русской астрономической науке к началу XVIII века этот термин уже использовался. Бережная стилистическая правка, внесенная Барковым в редактируемый им текст, позволила просторечные формы заменить литературными, устранить тяжеловесные церковнославянизмы, не изменяя смысла текста. Основываясь на «Российской граматике» Ломоносова, которую Барков дважды переписал, он форму устаревшего звательного падежа везде заменил на форму именительного падежа: вместо «Видишь, Никите, как крылато племя» — «Видишь, Никита, как крылато племя»; вместо «Музо, не пора ли слог отменить твой грубый» — «Муза! Не пора ли слог отменить твой грубый». Барков учел и исторические труды Ломоносова, его «Древнюю Российскую историю» и «Краткий российский летописец», и труды его учителя в области естественных наук.

Вывод, к которому приходит Г. Н. Моисеева на основании предпринятого ею исследования, следующий:

«Подготавливая к печати собрание оригинальных сочинений А. Кантемира, написанных автором в 20—30-е годы XVIII века, И. Барков соотнес их с уровнем научно-эстетической мысли последующего исторического периода — 40—60-х годов XVIII века. <...> Конкретное сопоставление рукописной копии 1755 года с изданием сочинений А. Кантемира 1762 года исключает вывод о произвольной переделке и грубых искажениях текста и примечаний к ним, допущенных И. Барковым. Речь может идти только о «доведении» сочинений А. Кантемира до уровня эстетических и научных требований последующей эпохи»^{249}.

С этим заключением, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Мы можем только поблагодарить

Г. Н. Моисееву за прекрасную работу о Баркове-издателе и редакторе. И еще, как нам представляется, мы должны поблагодарить Баркова за его труд, давший возможность не одному поколению русских читателей и писателей познакомиться с сатирами Антиоха Кантемира, впервые напечатанными на языке оригинала, то есть на русском языке, вполне оценить заключенные в них мысли и чувства, мастерство поэта XVIII века. Среди тех, кто читал Кантемира по изданию Баркова, были Ломоносов, Сумароков, Державин, Пушкин.

Белинский так отзывался о сатирах Кантемира:

«...В них столько оригинальности, столько ума и остроумия, также яркие и верные картинки тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка Кантемира и прочесть какую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение»^{250}.

Слова Белинского «развернуть старика» стали названием книги О. Л. Довгий, вышедшей в свет в 2012 году. Подзаголовки книги — «Сатира Кантемира как код русской поэзии», «Опыт микрофилологического анализа». О. Л. Довгий предприняла попытку прочесть сатиры Кантемира сквозь призму более поздней русской поэзии, сквозь магический кристалл поэзии пушкинской. Это увлекательное чтение: увидеть в темах, мотивах, образах, словесных формулах и риторических приемах Пушкина их первоисточник — сатиры Кантемира. Исследователь задает вопрос «о степени знакомства Пушкина с творчеством Кантемира; чтобы иметь право хоть в какой-то степени предполагать диалог прямой, а не опосредованный, включающий различные промежуточные звенья (Ломоносов — Державин — Батюшков, etc)»^{251}.

Нам представляется возможным однозначный ответ на этот вопрос. Впрочем, О. Л. Довгий сама ответила на

него в подготовленной к печати статье «К теме «А. С. Пушкин — читатель А. Д. Кантемира»» для сборника «А. С. Пушкин и книга» (выпуск 2-й). Да, Пушкин читал Кантемира; да, это мог быть прямой его диалог с поэтом-предшественником. В библиотеке Пушкина помимо книги «Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира» (СПб., 1836) было то самое первое издание сатир Кантемира, подготовленное к печати Барковым и вышедшее в свет в 1762 году. Более того, Пушкин был внимательным читателем этой книги. Свидетельство тому — закладка (клочок бумаги), обнаруженная Б. Л. Модзалевским при описании пушкинской библиотеки между 22 и 23 страницами. На ней рукою Пушкина сделана запись: «Блудить т. е. блядить — вместо заблуждает или заблуждается...» (далее, как отметил Б. Л. Модзалевский, следует одно неразобранное слово)»^{252}. Запись Пушкина — не что иное, как пояснение к стиху второй сатиры:

*Но бедно блудит наш ум, буди опираться
Станем мы на них одних.*

То есть — но заблуждается наш ум, если мы станем опираться на одни только заслуги своих предков (о чем шла речь в предыдущих стихах второй сатиры). А вот знал ли Пушкин, что издание сатир Кантемира, которое было в его библиотеке, готовил Барков? Мог знать, если читал «Опыт Исторического Словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, где впервые сообщалось об этой издательской и редакторской работе Баркова.

Глава восьмая ПЕРЕВОДЧИК ГОРАЦИЯ И ФЕДРА

*Переводчики — почтовые лошади
просвещения.*

Александр Пушкин.

Заметки и афоризмы разных годов

Когда сегодня, в XXI веке, в разных жизненных ситуациях мы говорим: «Надо придерживаться золотой середины», то, как правило, не вспоминаем о том, что этой мудростью обязаны римскому поэту I века до нашей эры Квинту Горацию Флакку. А ведь именно ему принадлежит само словосочетание «золотая середина». В оде, адресованной свойственнику покровителя Горация Мецената Лицинию Мурене, поэт наставляет его так:

*Правильнее жить ты, Лициний, будешь,
Пролагая путь не в открытом море,
Где опасен вихрь, и не слишком близко
К скалам прибрежным.*

*Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.*

(Перевод З. Морозкиной){253}

«Здесь, в оде, — писал М. Л. Гаспаров в своей блистательной статье о римском поэте, — Гораций влагает свою мысль в поэтические образы; а в одной из сатир он провозглашает ее в форме отвлеченной, но от этого не менее решительной (1,1,106-107):

*Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть
на свете!»*[{254}](#).

Затем исследователь справедливо замечает:

«Лициния Мурену, по-видимому, такие наставления не убедили: не прошло и нескольких лет, как он был казнен за участие в заговоре против Августа. Но для самого Горация мысль о золотой середине, о мере и умеренности была принципом, определявшем его поведение решительно во всех областях жизни»[{255}](#).

Со школьных лет мы помним наизусть стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Но всегда ли вспоминаем о том, что эпитафия к нему «Eхegi monumentum» — из оды Горация «К Мельпомене»?

*Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушит его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон...*

(Перевод С. Шервинского)[{256}](#)

Оду Горация «К Мельпомене» переводил Ломоносов:

*Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю...*[{257}](#)

Свой «Памятник», восходящий к оде Горация, написал в 1795 году Державин:

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

*Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить...*[{258}](#)

Следуя за Горацием и Державиным, Пушкин в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» сказал о божественном предназначении поэта, о вечной ценности идей добра, милосердия и свободы, высказанных им в его творениях наперекор «жестокому веку».

Пушкина живо интересовали личность и сочинения Горация. Об этом свидетельствует обилие цитат и реминисценций из Горация в его творческом наследии, эпитафьи из его стихотворений, упоминания Горация не только в сочинениях, но и в письмах.[{259}](#)

Пушкин, еще в Лицее читавший Горация в оригинале, переводил Горация. Ему принадлежит вольный перевод оды «К Помпею» — «Кто из богов мне возвратил» и перевод оды «К Меценату» — «Царей

потомок, Меценат». Позволим себе привести последний перевод полностью:

*Царей потомок, Меценат,
Мой покровитель стародавний!
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной ограда
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И мнят быть равны с божеством.
Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные кливриты
Им предают... молву (III, 250).*

Как видим, Пушкин не завершил свой перевод. А теперь приведем этот же фрагмент оды Горация в переводе А. Семенова-Тян-Шанского:

*Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастье —
Пыль арены дает в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квивритов толпы, пылкой и ветреной ^{260}.*

Пушкин стремился как можно точнее переложить текст Горация и вместе с тем сохранить дух подлинника. Но вот что интересно: перевод Пушкина датируется 1833 годом. Русский поэт и раньше обратил внимание на

первую оду Горация. В первом издании четвертой главы «Евгения Онегина» (она вышла в свет вместе с пятой главой в 1828 году) в XXXVI строфе был предложен читателям своего рода русский вариант размышлений римского поэта, который в первой оде рассказал о том, какие страсти, какие увлечения движут людьми:

*У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопущей мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом (V, 447).*

И у Горация:

*Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать...
<...>
Многих лагерь манит — зык переменчивый
И рогов, и трубы, и ненавистная
Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая
Все охотник в лесу...{261}*

Про себя же Гораций говорит, что его манит только поэзия:

*Только б Евтерпа мне
В руки флейту дала, и Полигимния*

Мне наладить пришла лиру лесбийскую^{262}.

Любопытно, что в издании «Евгения Онегина» 1833 года Пушкин исключил из текста четвертой главы XXXVI строфу, в которой сказалась первая ода Горация. Быть может, он это сделал потому, что предполагал завершить свой перевод оды и напечатать его.

Быть может, так оно и было, но при чем здесь Барков?

Барков, как и Пушкин, — переводчик Горация, один из тех, благодаря кому римский поэт вошел в русскую литературу и укоренился в русской культуре. Более того, Барков был одним из первых переводчиков Горация.

Как мы уже отмечали, Горация переводили Ломоносов и Державин. Еще Горация переводили Антиох Кантемир, Тредиаковский, Сумароков, В. В. Капнист, Жуковский и многие другие поэты. Горацию подражали, развивая такие темы его поэзии, как счастье уединенной деревенской жизни, культ вина, любви и дружбы, культ поэзии. Среди подражателей Горация назовем А. А. Дельвига и В. Л. Пушкина, для которого римский поэт был любимым автором. Но еще раз следует подчеркнуть: Барков — один из первых переводчиков Горация, о чем нередко несправедливо забывают.

В 1763 году вышли в свет выполненные Барковым переводы сатир Горация. Возможно, на этот труд, осуществленный переводчиком в свободное от службы время, его подвигнул Г. Г. Орлов, которому Барков посвятил свою работу. Возможно, что Ломоносов подсказал своему ученику саму мысль о переводах Горация: ведь Ломоносов не только переводил римского поэта, но и считал необходимым рекомендовать его сочинения для обучения в гимназиях. Но скорее всего, Барков сам, по собственной инициативе обратился к

сатирам римского поэта. Они были во многом созвучны его собственному сатирическому дарованию, его размышлениям о специфике сатиры, о пользе сатир для человека и для общества. Мы уже приводили слова из адресованного Г. Г. Орлову своего рода стихотворного предисловия к переводам сатир Горация:

*Двояка в сатирах содержится потреба,
Злых обличение в злонравии, и смех,
В котором правда вся, без страха, без помех,
Как в зеркале, чиста представлена народу*^{263}.

В следующем далее прозаическом предисловии Барков отметил, что «Гораций подтверждает <...> собственным своим искусством, что и смехом правду писать можно»^{264}. Русский переводчик римских сатир полагает, что в описании «разных пороков по различию страстей человеческих» заключается их воспитательное значение, воспитательная роль сатирика по искоренению пороков и улучшению нравов:

«Сатир, изображающий оныя живо, скорее может возбудить в сердцах человеческих отвращение от злонравия или паче омерзение к порокам. Гораций присуждает каждому, как в добрых, так и в злых своих делах знать себя лучше, нежели оныя на театрах представляются»^{265}.

В сатирах Горация обличаются скупость, непостоянство, легкомыслие, распутство, болтливость, себялюбие. При этом сатирик не только «вписывает» носителей пороков в живописные картины римской жизни, но и проповедует свой взгляд на мир, ту самую «золотую середину», о которой шла речь в начале этой главы. Так, убеждая скупого в бессмысленности накопительства, Гораций утверждает:

*Хотя б сто тысяч мер ты хлеба с пашен сжал,
Не больше б моего желудку дани дал*^{266}.

В самом деле, как справедливо заметил впоследствии В. В. Маяковский:

*Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?*^{267}

Чрезмерность, крайности вредны во всем и всегда:

*Тот нежен через чур, а сей щеголеват,
Мастями душист Руффил, козлу Горгоний брат,
Благоприятная посредственность забвенна
У тех, которых мысль сластям порабощения*^{268}.

В одной из сатир Гораций высмеивает философию стоиков, в другой — философию эпикурейцев. Он утверждает свои жизненные ценности: независимость, внутренняя свобода, покой, гармония. В этом отношении особенно интересна шестая сатира из второй книги сатир «Загородный дом» — та самая, из которой Пушкин взял первый эпиграф ко второй главе «Евгения Онегина»: «O rus!..»

«Латинское слово «rus» значит «деревня», «поля», «сельское имение» в противоположность городу. <...> Пушкин юмористически сближает латинское «rus» с «Русью» («O Русь!» — второй эпиграф ко второй главе

романа в стихах. — Н. М.) и начинает вторую главу «Онегина» словом «Деревня»:

*Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок»[{269}](#).*

Барков так перевел текст Горация:

*Когда увижу я любезну деревушку!
Когда веселу жизнь иметь удастся мне,
Книг древних в чтении, в забавах и во сне
Приятные часы спокойно провождая,
И городских сует, мятущих мысль, не зная![{270}](#)*

Истинное счастье — на лоне деревенской тишины
беседовать с друзьями о смысле жизни:

*...идет тихая беседа тут любезно
О том, что нужно, что знать умному полезно:
В богатстве ли людей блаженство состоит,
Иль в добродетели, кто прямо ону чтит?
И польза ль к дружеству нас больше привлекает,
Иль честный нрав к любви взаимной побуждает?
Прямое благо, в чем должны мы познавать,
И что в нем надлежит за главное считать?[{271}](#)*

Гораций жил в маленьком имении, подаренном ему Меценатом. Там, вдали от шумного и суетного Рима, он наслаждался радостями уединенной сельской жизни. Для Баркова это был некий поэтический идеал, конечно же, недостижимый для него в действительности. Да он к этому и не стремился. И принципу золотой середины переводчик Горация никогда не следовал. Исправили ли

сатиры римского поэта пороки Баркова? Нет, разумеется.

Барков, которому часто не хватало денег на хлеб, добросовестно перевел восьмую сатиру из второй книги с описанием пышного ужина у богача Назидиена:

*Сперва Луканский вепрь поставлен был на стол,
Пойманный, как он рек, в тихую погоду;
Коренья пряные и зелень с огорода,
И с Койским соусы составлены вином
Стояли на столе перед гостями кругом,
Какия сытому приличны яствы брюху,
И только правятся для вкусу и для духу*[{272}](#).

Вряд ли Баркову пригодился совет Горация, как угождать неожиданно явившегося гостя:

*Когда вечерний гость нечаянно нагрянет,
Приятней курицу ту в ужин кушать станет,
Которую велишь живую ты сварить,
И в кипяток вина фалернского подлить*[{273}](#).

В примечании к приведенным выше стихам из четвертой сатиры второй книги Барков неожиданно обнаруживает глубокие познания кулинарного искусства:

«Искусные повара в нужном случае для нежности вкуса курицу опускают в цельное вино, а не с водою смешанное, или не требуя ни воды, ни вина, колят птиц иглою сквозь мозг пропущенную, а иные колят их, вливая наперед носом уксус с водою разведенной, и другие различные способы употребляют»[{274}](#).

О примечаниях, которыми Барков снабдил свой перевод сатир Горация, нужно сказать особо. Прежде

всего обратим внимание на их обширность: текст примечаний едва ли не равен по объему тексту переводов. По существу это научный комментарий, включающий разнообразные сведения — исторические, литературные, лингвистические. Барков демонстрирует широкую осведомленность в античной истории, литературе и мифологии, в подробностях быта и культуры древнего Рима. А сколько имен пришлось комментировать Баркову: императоры, консулы, сенаторы, полководцы, философы, стихотворцы, музыканты, шуты, красавицы...

В примечаниях к сатирам Барков явился настоящим просветителем. Он стремился приблизить тексты римского поэта к русскому читателю, помочь ему осмыслить реалии далекой от него римской жизни. На этом трудном пути Барков обращался к мудрости русского народа, к русским пословицам, которыми, следуя в данном случае за Антиохом Кантемиром, обильно насыщал свои примечания. Тому можно привести множество примеров. Так, к стиху «Мастями душист Руффил, козлу Горгонский брат» он дал следующее пояснение: «То есть, хотя люди в прихотях между собою не сходятся, но как того, так и другого обычаи порочны. То же почти изъясняет наша пословица: Горшок котлу насмехается, а оба черны»^{275}. Стих «Голодный черствые готов жевать куски» сопровождается таким примечанием: «Голодному черствый хлеб вместо калача кажется, по пословице: голодный волк и заворотки рвет»^{276}. (Бедный Барков! И ему, голодному, часто черствый хлеб калачом казался.) Стих «Ездою Кастор, брат боями веселится» поясняется так: «Сим отличаются разные склонности людей, как у нас говорят просто: Иной любит попа, а другой попадью, или всякий молодец на свой образец»^{277}.

Отметив, что «подобные примечания не случайность, они имеют принципиальный характер, Г. П. Макогоненко

пишет:

«Расположенные под стихами, эти примечания иногда занимают треть или половину страницы, приобретая некоторую самостоятельность. Щедро вводимые пословицы не только приближали содержание сатир к русской жизни, но и служили образцом, эталоном простоты слога, ясности синтаксического построения фразы, афористичности стиля»[{278}](#).

В данном случае принципиально важно новаторство Баркова, на которое обратил внимание исследователь:

«Интерес к пословицам будут проявлять писатели-разночинцы и просветители. В конце 60-х годов Чулков свою прозу-роман «Пригожая повариха» и новеллы, напечатанные в журнале «И то и се» будет насыщать пословицами. Пословицы вернутся в комическую оперу. В 1769 году Курганов напечатает в письмовнике собрание пословиц. Фонвизин и Новиков в своей работе по созданию нового слога будут сознательно опираться на эстетический и стилистический опыт пословиц. Раньше всех в 60-е годы это начал делать Барков в примечаниях к сатирам Горация»[{279}](#).

Перед переводами сатир Барков поместил написанное им житие Горация, биографический очерк. Каждый автор, которому приходилось писать биографические статьи для энциклопедий, знает, какая это трудная задача — кратко рассказать о своем герое, сообщить не только наиболее важные биографические сведения, но и дать представление о его творчестве. Барков с этой задачей прекрасно справился. Он написал о Горации, его жизни и сочинениях настолько кратко и вместе с тем содержательно, что трудно удержаться от соблазна и не привести текст Баркова почти полностью.

Итак — «Житие Квинта Горация Флакка»:

«Квинт Гораций Флакк родился в Венузии, пограничном городе в Апулии и Лукании. Отец его был раб, пущенный на волю, как об нем сам сатирик во

многих местах упоминает. Незнатность рода, которую многие из римских вельмож в укоризну ему вменяли, была Горация почти главною причиною писать сатиры, в коих он наиболее всего доказывает, что прямое благородство состоит не в знатности и древности предков и не в великом достоинстве, но единственно в добродетели, которой знатные римские вельможи для безмерной роскоши весьма мало последовали. Изъявляя их пороки, приписывает он особливья похвалы благодетелю своему Меценату, который по Virгилиеву и Варневу старанию содержал Горация в отменной любви и милости, как пишет в сатире:

*Мне не фортуна в том свою явила службу,
Что в милость Меценат меня принял и дружбу;
Virгилий с Варнем к тому открыли след,
И кто я, все о мне сказали наперед.*

Посредственный достаток отца его, который он получал от збору за продаваемые с молотка вещи денег, был некоторым побуждением к тому, что не хотел он бедного своего состояния сделать участником и преемником по себе Горация, но с молодых лет он отвел его в Рим для Наук, где он весьма малым иждивением обучившись недостаток отца своего наградил разумом. Философии учился в Афинах, и между последователями Эпикуровыми первым почитался, коих учение потом пренебрег. Вскоре после того пришел он в милость у Брута, при котором во время происходившей в Риме войны служил Трибуном воинским, а будучи взят в плен Цесарем Августом по получении победы для Меценатова предстательства освобожден. За сие благодарение Гораций в стихотворных своих сочинениях весьма чувствительно изъявляет благодарность и почтение свое

Меценату и Августу, коим он для дружества Меценатова напоследок также любим был.

Хотя был росту малого, но дебел телом, и при том подслеп, каким сам себя в сатире описывает. Невоздержание его в сластолюбии довольно познать можно из сочиненных им к разным любовницам своим песен. Нравом был гневлив и непостоянен, как оное видно из сатиры седьмой, книги второй, в коей слуга обличает легкомысленные поступки своего господина; ибо Гораций иное оказывал делом, нежели что говорил словами. Из разных его стихотворений за наилучшее почестъ можно сатиры или беседы и письма, в коих по большей части строгое философское нравоучение заключается, а особливо там, где хотя язвительным и забавным слогом, но впрочем сильными доводами и примерами Стоиков и Епикурово учение опровергает. <...> Умер пятидесяти девяти лет, и погребен в Эквилах, возле Меценатова гроба»[{280}](#).

Если быть придирчивым критиком, то Баркову можно попенять разве что на то, что в его очерке не указано время, в которое жил Гораций. Впрочем, вероятно, образованные читатели XVIII века это знали (всё же Гораций — классический автор). А так всё есть — место рождения, происхождение: Гораций, сын вольноотпущенного раба; его укоряли вельможи за незнатность рода — по-видимому, этот факт биографии римского поэта обратил на себя особенное внимание сына священника Баркова. Воспитание, образование Горация — и об этом сообщаются необходимые сведения. Историческое событие — война Брута с Августом, изменившее судьбу Горация, тоже обозначено. И Меценат, сыгравший важную роль в его жизни, конечно же, в очерке Баркова присутствует. А как пронзительно и при этом просто, буднично сообщается о том, что Гораций был похоронен подле могилы своего

благодетеля. И еще — в очерке есть описание внешности и характера Горация.

Заметим, что многие сведения о Горации Барков почерпнул из его сочинений. По-видимому, он глубоко проникся мыслью, впоследствии высказанной Пушкиным:

*Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят (II, 233).*

Как оценили современники Баркова его переводы сатир Горация? Мы не располагаем какими-либо откликами на его труд. О том, что Барков, еще до поступления в Академический университет изрядно владел латинским языком, сообщал в Академию Ломоносов. Отдавал должное познаниям Баркова в латыни его литературный противник Сумароков. Исследователи XX века отмечали точность переводов Баркова. А вот в начале XIX столетия в адрес переводчика была высказана нелицеприятная критика. С ней выступил забытый ныне поэт Александр Александрович Палицын в «Послании к Привете» 1807 года, в котором представлен обзор русской литературы XVIII — начала XIX века. О Баркове здесь было сказано так:

*Дары природы чтя, нельзя забыть Баркова,
Хотя он их презрел:
Он нам Горация и Федра перевел.
Но также, говоришь ты, плохо их одел.
Как жаль, что он не шел
За ними к Геликону,
А пресмыкался вслед Скаррону!
Его бы мирный глас*

*Мог славить наш Парнас.
О воспитание! о нравы!
Без вас, при всех дарах ни пользы нет, ни
славы*^{281}.

А. А. Палицын говорит о плохой «одежде» Горация и Федра в переводах Баркова, который вслед за переводом сатир Горация, вышедшим в свет в 1763 году, напечатал в 1764 году свой перевод басен Федра. На наш взгляд, на такой критический отзыв повлияла дурная репутация Баркова — автора срамных стихов, которые, впрочем, А. А. Палицын в примечании ставит выше переводов. Между тем в статье «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», написанной в 1821 году и напечатанной в 1823 году, взыскательный критик П. А. Вяземский, хотя и с некоторыми оговорками, но все же весьма благожелательно отозвался о переводах Баркова:

«Барков, более известный по рукописным творениям, нежели по печатным переводам классических поэтов древности, переложил в шестистопные стихи все басни Федра. В переводе своем старался он придерживаться краткости и точности подлинника, и за исключением выражений обветшалых, черствых и какой-то тупости в стихосложении, пороков, кои должны приписывать более времени, нежели поэту, басни его и теперь еще можно читать с приятностию, хотя они и преданы забвению несправедливому»^{282}.

Прислушаемся к суждению П. А. Вяземского и обратимся к басням Федра, переведенным Барковым.

«Федра, Августа отпущенника, нравоучительная басни, с Езопова образца сочиненная, а с латинских — российскими стихами преложенная, с приобщением подлинника, Академии наук переводчиком Иваном

Барковым. В Санктпетербурге. При Императорской Академии Наук. 1764 года».

Эзоп — легендарный баснописец Древней Греции, живший в VI веке до нашей эры. Именно его, раба, отличавшегося необыкновенной мудростью, принято считать создателем басенного жанра. В его баснях, написанных прозой, — сюжеты известных со времен античности басен (нам они хорошо знакомы по басням И. А. Крылова). В I веке басни Эзопа переложил стихами римский поэт Федр, который, как и Эзоп, был рабом, правда, отпущенным на волю императором Августом. Переложения Эзоповых басен, созданные Федром, и перевел Барков.

В кратком житии Федре, предпосланном переводам его басен (а это пять книг), Барков сообщил то немногое, что было известно о римском баснописце: о его рабстве, об успехах в науках, «отменном разуме» и благонравии, что и послужило к дарованию ему Августом свободы. Рассказав о злоключениях Федре после смерти Августа, Барков объяснил само побуждение его к басенному творчеству тем, что в баснях он мог «под видом шуток собственного утешения обличить <...> несправедливые поступки своего гонителя»^{283}. Сославшись на «свидетельства ученых людей», русский поэт отметил, что слог Федре «есть самый простой, вразумительной и чистой»^{284}.

В предисловии к изданию Барков счел нужным сказать несколько слов об очевидной пользе басен для воспитания детей, изъяснить иносказательный смысл басенных персонажей, подчеркнуть необходимость краткости и ясности басенного повествования:

«Дети предлагаемыми в баснях простыми примерами приучаются способнее к добродетели, нежели философским нравоучением. Смешные разговоры, действия и различная натура животных показывают сходство деяний в обществе человеческом, по колику

люди, так как и звери, бывают добрые и злые. Хищная натура волка изъясняет наглость и зависть; простота и незлобие овцы — кротость и чистосердечие; хитрость лисицы — коварство; свирепство льва над зверями и гидра над жабами — тиранскую власть и насильство; злость отогретой змеи — неблагодарность; украшение галки павлиньими перьями — гордость и тщеславие; неprovорство осла — легкость и безумие и пр. Применяя сии и другие многие басенные прилоги к обращениям житейския, находим мы следы, чего держаться и чего убегать долженствуем. <...> басни, сияя живо примерами действия, вливают в юных охоту с большим прилежанием вникать в оныя, и чем короче и яснее писаны, тем им памятнее и внятнее. Что касается до моего перевода, то старался я, сколько возможно, соглашать свои мысли с Федровыми»^{285}.

Любопытно сообщение Баркова о том, что им «некоторые басни для непристойного содержания <...> не переведены»^{286}.

И, наконец, в самом конце предисловия (по законам риторики — это «удовлетворительное окончание», особенно значимое место в ораторской речи) переводчик басен Федра заявил о своем желании:

«...что учащееся юношество, а особливо любящее стихотворство и словесные науки, сим моим трудом с добрым успехом пользовалось»^{287}.

Читая барковские переводы басен Федра, небезынтересно, на наш взгляд, сопоставить их с другими переложениями эзоповских сюжетов, к которым в свое время обратился римский поэт.

Прочтем басню «Лисица и Ворон» (конечно, она известна нам прежде всего как басня Крылова «Ворона и Лисица»). Но сначала — Эзопова басня «Ворон и лисица»:

«Ворон унес кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей получить это мясо. Стала она

перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царем над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него еще и голос. Ворону захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы еще и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтобы царствовать».

Басня уместна против человека неразумного»^{288}.

Перед нами — забавная сценка. Монолог льстивой лисы дан в авторском пересказе. Лесть и поставленная лисой перед вороном высокая цель — стать царем, властвовать, позволяют лисе достичь ее собственной цели — глупый ворон каркает и роняет добытый им кусок мяса. И в завершение басни — поучение лисицы, обращенное к ворону (дескать, умнее надо быть) и моралистический комментарий к происшедшему автора басни, направленной «против человека неразумного».

А теперь — басня Федра «Лисица и Ворон» в переводе Баркова:

*Которым хитрое льстецов приятно лыценье,
Те поздно вскаются, пришедши в сожаленье.
С окна унесши сыр, на древе Ворон сел,
И рад добыче той, лишь только есть хотел;
Увидев онаго, Лисица подбежала,
И ласковы слова безумцу расплужала:
Павлиньев перьев ты превысил красоту!
Какую ж станом всем являешь доброту!
Ярчае зрит Орла твоя, драгой, зеница!
Дражайшая б была ты всех на свете птица,
Когда б при красоте толикой был и глас.
Безумной краснопев хотел зевнуть в тот час,
Желая показать свои пресладки песни;
Упал на землю сыр; умолк и глас небесный.
Проворно хитрая лиса схватила кус,*

*И с радостью тот час побегла в свой улус,
А ворон, как шальной, взглянул лишь вслед за
нею,
И с горести вздохнул, обманут лестью сею.
Что может чрез хвалу искусный лицемер;
Сколь острота сильна, являет сей пример*^{289}.

Как видим, моралистическое поучение у Федра обрамляет басню. Главным героем басни становится хитрая Лисица (и басня названа не «Ворон и Лисица», а «Лисица и Ворон»). Центральное место в басне занимают прямая речь Лисицы, ее льстивый по отношению к Ворону монолог, в котором она, добиваясь своей цели — куска сыра (а не мяса, как у Эзопа), прельщает глупого Ворона не властью, а возможностью быть (при наличии прекрасного голоса) самым совершенством (ведь всё остальное у него уже есть — и перья, лучше павлиньих, и стан, и зоркий глаз). Федр ироничен по отношению к Ворону, когда называет его карканье «гласом небесным», хотя обманутый Ворон, горестно вздыхающий о потере сыра, вызывает и сочувствие. Но урок на то и урок: бойтесь льстецов и лицемеров!

Сюжет басни «Ворон и Лисица» получил воплощение и в европейской, и в русской поэзии. В XVII веке знаменитый французский баснописец Лафонтен, творения которого пользовались огромной популярностью и во Франции, и в России, написал очаровательную стихотворную сценку, действующие лица которой — дядюшка-ворон и дядюшка-лис. Привлеченный сырным запахом, лис обратился к благородному ворону (лесть уже в этом эпитете — «благородный»), расхваливая его красоту, комплиментом вынуждая его продемонстрировать свои прекрасные голосовые данные: ведь, как сказал лис, если голос ворона также ярок, как его перья, то он

просто Феникс дубрав. Схватив кусок сыра, лис не довольствуется добычей, а еще и поучает ворона, предлагая ему запомнить, что всякий льстец кормится за счет своих слушателей, говорит, что это ворону урок, а урок стоит сыра. И смущенному ворону ничего не остается, как согласиться с этим, заявить, что другого урока ему и не понадобится.

В России басни о вороне и лисе сочинили современники Баркова Херасков, Тредиаковский и Сумароков.

В басне Хераскова (у него не Ворон, а Ворона) Лисица предлагает Вороне спеть песенку с тем, чтобы она, лисица, пошла плясать. Когда же ворона «сыр наземь упустила», то Лиса стала хохотать, заявив, что Ворона впредь должна быть умнее и знать, что ее голоса нет гнуснее. Мораль не декларируется, читатель сам должен извлечь ее из басни.

Тредиаковский также отказывается от прямой дидактики, предлагая свой вариант льстивой речи Лисицы: она готова признать Ворона Зевсовою птицей, если услышит его песнь. Обманщица смеется над обманутым: «Всем ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех»^{290}, то есть ты — чучело.

В освоении русской поэзией жанра басни шагом вперед, на наш взгляд, явилась басня Сумарокова, который декларировал «превращение Федра» «на русску статью», плетение басни «русским образцом». По существу, его басня во многом предвосхищает басню Крылова, отличающуюся «веселым лукавством ума, насмешливостью и живописным способом выражаться», что так восхищало Пушкина. В самом деле, в басне Сумарокова «Ворона и лиса» лиса так обращается к вороне:

*Дружок, Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица!*

*Какие ноженьки, какой носок,
И можно так сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша!*[{291}](#)

Можно не цитировать басню Крылова «Ворона и Лисица», которую мы с детства знаем наизусть: «Какие перышки! какой носок!» «Спой, светик, не стыдись». И завершающий басню стих в баснях Сумарокова и Крылова почти одинаков. У Сумарокова: «Сыр выпал изо рта, — Лисице на обед»[{292}](#). У Крылова: «Сыр выпал — с ним была плутовка такова»[{293}](#).

Заметим, что Крылов возвращает басне изначальное поучение, моралистическое назидание, то есть возвращается к истокам жанра, при этом широко включая свой текст просторечия, используя живые разговорные интонации. Как начинается басня «Ворона и Лисица»?

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру...*[{294}](#)

И вот оно, лукавство: что значит «бог послал кусочек сыру»? Не что иное, как очаровательный эвфемизм: да украла ворона сыр, и никак иначе.

А Барков? А басня Федра «Ворон и Лисица»? В точном и кратком переводе Баркова — своя прелесть, свое обаяние первоисточника. Прав был П. А. Вяземский, когда говорил, что басни Федра в переводах Баркова «и теперь еще можно читать с приятностию». Чтобы убедиться в этом, позволим себе привести еще три

басни Федра, переведенные Барковым, сюжеты которых нам известны по басням Крылова.

Петух к найденной жемчужине

*Попалась Петуху жемчужина драгая,
Когда в сору искал он корму, разгребая.
Сколь драгоценна вещь, да где лежишь, сказал!
О! Если бы тебя кто знающий искал;
Была бы в прежней ты чести, а мне не к стати,
Коль более всего пекуся корм достати.
Почто ж нашел, коль в том нет пользы и
самой? —
Внимай, кто силы притч не знает сих
прямой{295}.*

Лисица и виноградная кисть

*Был в брюхе у Лисы от глада зуд жестокой,
И прыгая, она на виноград высокой,
Всей силой ягод кисть старалась сорвать;
А как не удалось ей оную достать,
То с грусти отходя безщастная сказала;
Возможно ль, чтобы есть не зрелую я стала!
Кто за безделку чтет, что трудно произвести,
Тот долженствует сей прилог к себе
причесть{296}.*

Волк и ягненок

*Из одного ручья для утоленья жажды
Ягненку с волком пить случилось однажды:
Ягненок ниже был, а выше волк стоял.*

*Тогда, разинув пасть, затеял здор нахал:
Я пью; как смеешь ты мутить, бездельник, воду?
Ягненок отвечал, бояся, сумасброду:
Льзя ль статья оному, пожалуй, разсуди?
Ко мне бежит воды, а ты ведь впереди.
Опешил грубиян, как правду тут увидел;
Потом рек: Ты еще за полгода обидел.
Я в те поры, сказал ягненок, не рожден.
Да я отцом твоим злословно обнесен,
Сказал, схватил его и растерзал напрасно.
Всяк может разуметь чрез оную баснь ясно,
Как приобыкшие невинных подавлять
Умеют ложные причины составлять*[{297}](#).

Что еще добавить к сказанному? Пожалуй, сообщить, что книга басен Федра в переводах Баркова и книга сатир Горация в его же переводах были в библиотеке Пушкина. Он их читал.

Глава девятая

УЧЕНИК М. В. ЛОМОНОСОВА

Что есть благодарность? — память сердца.

Константин Батюшков.

Мысли

«Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным подвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» (VII, 194).

«...С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Всё это истина несомненная»[{298}](#).

Мы позволили себе привести давно ставшие хрестоматийными суждения Пушкина и Белинского о Ломоносове, чтобы обозначить масштаб личности того, кто волею судеб стал учителем Баркова.

Напомним, что первая встреча Ломоносова и Баркова состоялась 24 апреля 1748 года в Александро-Невской семинарии. Профессору Ломоносову было поручено отобрать семинаристов, способных обучаться в университете, основанном при Академии наук. Списки прошедших собеседования и отборочные испытания (а это было в начале 1748 года) были поданы в Академическую канцелярию. Занятия в университете должны были начаться 16 мая. А 24 апреля, когда до начала занятий оставалось меньше месяца, Барков

явился к Ломоносову, сказал, что во время экзаменов болел (это подтвердили преподаватели семинарии) и просил его испытать.

В апреле 1748 года Ломоносову шел тридцать седьмой год — по тем временам солидный возраст. За плечами — целая жизнь, учеба в Славяно-греко-латинской академии в Москве, в Петербургской Академии наук, в Германии. В 1745 году указом императрицы Елизаветы Петровны он был произведен в профессора. Когда Ломоносов встретился с Барковым, он был уже восьмой год женат. Конечно, Ломоносов выглядел не так, как на парадных портретах — «красный камзол, башмаки золотые, белый парик, рукава в кружевах». Но парик, наверное, на нем все же был: вряд ли на экзамен профессор мог прийти без него.

Перед Ломоносовым предстал шестнадцатилетний юноша, попов сын, полный решимости изменить свою судьбу. Ну что же, ведь некогда и он, Ломоносов, девятнадцатилетний сын крестьянина-помора, движимый желанием учиться, из Архангельской губернии с рыбным обозом отправился в Москву. Конечно, стремление к наукам всегда похвально. Ломоносов посвятил наукам и их поистине всеобъемлющей пользе для общества панегирик в «Оде на день восшествия на всероссийский императорский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,*

*В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде^{299}.*

Надежды на дальнейшее развитие и процветание наук в России Ломоносов возлагал на молодежь:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих, —
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать^{300}.*

Быть может, экзаменуя Баркова, Ломоносов увидел в нем «быстрого разумом» будущего ученого. Что же касается Баркова, то он, может быть, читал оду Ломоносова, изданную в том же 1747 году. Возможно, его вдохновили стихи о науках и о молодежи, которая может и должна науками успешно заниматься.

Ломоносов экзаменовал Баркова на знание латинского языка.

*Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по латыне,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить vale,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.*

*Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей (V, 10).*

Так, в первой главе «Евгения Онегина» Пушкин с легкой иронией повествует о познаниях своего героя в латинском языке, античной литературе, истории Древнего Рима. Время действия первой главы — 1819 год. Барков сдает экзамен почти за три четверти века (точнее — за 71 год) до «онегинского» времени. В эпоху Баркова и Ломоносова речи не могло быть о том, в моде латынь или не в моде. Это был международный язык науки, ученых людей. Если не знаешь латыни, значит ты и не ученый вовсе. Однажды Ломоносов кричал в Академии одному из своих недругов: «...Говори со мною по латине! <...> Ты дрянь, никуда не годишься и недостойно произведен»^{301}. Дескать, ежели не можешь говорить по латыни, так вообще помалкивай. Лекции в Петербургском университете Академии наук читали на латинском языке. Кстати, именно Ломоносов, который блестяще знал латынь и античную литературу и еще в бытность свою студентом в Германии приобретал сочинения Вергилия, Овидия, Сенеки, Цицерона, в 1746 году первым стал читать лекции по физике на русском языке.

Барков порадовал Ломоносова своими знаниями, во время экзамена успешно переводил с латинского языка предложенные ему тексты, говорил со своими экзаменаторами по латыни. Мы уже цитировали заключение Ломоносова: «...Я усмотрел, что он (Барков. — Н. М.) имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что профессорские лекции разумеет

может»^{302}. И, пожалуй, самое главное: «...Я уповаю, что он в науках от других отменить себя может»^{303}. Это была своего рода путевка в другую жизнь.

Итак, благодаря «Доношению» Ломоносова, поданному в Академическую канцелярию, Баркова зачислили в студенты, приняли в университет. Впрочем, Баркова сначала отправили в Академическую гимназию для доучивания, для дополнительной подготовки к студенческим занятиям. Но, так или иначе, студенческая жизнь началась. Правда, для Баркова, как мы помним, начались не только занятия, но и драки, пьянство, выяснение отношений с университетским начальством, и это сопровождалось бранью и угрозами, разумеется, со стороны Баркова в адрес начальства. Начальство же не тратило зря слов, полагая, что лучше «власть употребить». Баркова жестоко наказывали за его «худые дела»: нещадно секли, однажды заковали в кандалы, грозили отдать в матросы.

Как относился к Баркову в данном случае Ломоносов? Нам представляется, что снисходительно. Тем более что он сам в молодые годы (да и не только в молодые) и дрался, и пьянствовал, да и за девицами в Германии бегал. Вообще, он умел постоять за себя. Якоб Штелин, его коллега по Академии и первый его биограф (причем многое о себе ему рассказал сам Ломоносов) сохранил для истории такой случай:

«Однажды в прекрасный осенний вечер пошел он один-одинехонек гулять к морю по большому проспекту Васильевского острова. На возвратном пути, когда стало уже смеркаться и он проходил лесом по прорубленному проспекту, выскочили вдруг из кустов три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругом. Он с величайшей храбростью оборонялся от этих трех разбойников. Так ударил одного из них, что он не только не мог встать, но даже долго не мог опомниться; другого так ударил в лицо, что он весь в крови изо всех

сил побежал в кусты; а третьего ему уж нетрудно было одолеть; он повалил его (между тем как первый, очнувшись, убежал в лес) и, держа его под ногами, грозил, что тотчас же убьет его, если он не откроет ему, как зовут двух других разбойников и что хотели они с ним сделать. Этот сознался, что они хотели только его ограбить и потом отпустить. «А! каналья! — сказал Ломоносов. — Так я же тебя ограблю». И вор должен был тотчас снять свою куртку, холстинный камзол и штаны и связать все это в узел своим собственным поясом. Тут Ломоносов ударил еще полунагого матроса по ногам, так что он упал и едва мог сдвинуться с места, а сам, положив на плечо узел, пошел домой с своими трофеями, как с завоеванной добычей, и тотчас при свежей памяти записал имена обоих разбойников. На другой день он объявил об них в Адмиралтействе; их немедленно поймали, заключили в оковы и через несколько дней прогнали сквозь строй»^{304}. Я. Штелин справедливо видел в этом происшествии «пример необыкновенного присутствия духа и телесной силы Ломоносова»^{305}.

Правда, «телесная сила» русского гения не всегда проявлялась движимая чувством справедливости. Матросы первыми напали на Ломоносова, желая его избить и ограбить, и получили по заслугам. В другом случае, о котором пойдет речь, Ломоносов сам был зачинщиком драки. Это случилось в сентябре 1742 года. Поводом к драке послужило предположение изрядно выпившего Ломоносова, будто бы его сосед, садовник Иоганн Штурм, украл у него епанчу, то есть плащ с капюшоном. Епанча, конечно, вещь в холодном Петербурге нужная, но зачем же, не разобравшись, крушить всё и всех на своем пути? А дело было именно так. Ломоносов вломился в комнату Штурма, застал там гостей, обвинил их в краже епанчи, стал избивать, призывая и слугу своего бить всех до смерти. Потом он

схватил деревянный болван для париков и дрался уже болваном, разбил зеркало, шпагой попортил дверь. На крики явились полицейские. Ломоносова доставили сначала на съезжую, а потом под караулом отправили в канцелярию Академии. На следующий день Ломоносов вернулся домой, вызвал лекаря, который зафиксировал полученные увечья — распухшее левое колено, рубец на животе, синий глаз. А начиналось-то все с предположения о краже епанчи, с бездоказательного обвинения в краже.

*Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,
характер — как из кости слоновой точен,
а этому взял бы да и дал по роже:
не нравится он мне очень [{306}](#).*

Как известно, Ломоносова отличала страстность натуры. Он, как и его ученик Барков, был человеком страстей, которые сказывались и в научной деятельности, и в быту. Но не будем уподобляться толпе обывателей, которая, по словам Пушкина, «жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе» (X, 148).

В драках Ломоносова, конечно, сказались еще и быт, и буйные нравы его эпохи. И сильные мира сего не гнушались рукоприкладства. Так, граф Алексей Григорьевич Разумовский, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, также этим отличался. В «Записках князя Петра Долгорукова» сообщается следующее:

«Он (А. Г. Разумовский. — *Н. М.*) любил охоту, и придворные очень помогали чести сопровождать его. Его приглашений добивались, и они были весьма желанны, несмотря на то, что во время обильной трапезы, следовавшей за охотой, граф Алексей, если ему случалось захмелеть, совершенно менялся: прекрасный добрый человек становился скандалистом, задиристым и таким буйным, что тузил своих гостей, которые с покорностью сносили его тумачи, уверенные в том, что будут вознаграждены милостями и благодеяниями двора. Когда граф Петр Шувалов сопровождал Разумовского на охоте, графиня Шувалова ставила свечи перед иконами святых, надеясь, что с их заступничеством охота пройдет спокойно, без рукоприкладства со стороны Разумовского. Ее молитвы не всегда были услышаны, и не раз Шувалов, как и другие, возвращался изрядно вздутым»^{307}.

Но всё же заметим, что одно дело — сильные мира сего, и совсем другое — человек, не облеченный властью, не принадлежащий по рождению к дворянскому сословию, не обладающий крупным состоянием. Для такого человека, в данном случае — для Ломоносова, дерзкое поведение могло быть своего рода формой защиты личного достоинства. На наш взгляд, то же можно сказать и об ученике Ломоносова Баркове.

В 1743 году (за пять лет до встречи Баркова с Ломоносовым) в Академии наук произошел громкий скандал. Академические склоки (к сожалению, они были всегда) привели к тому, что Ломоносов был отстранен от участия в Академической конференции. Он не согласился с этим решением и 26 апреля самовольно явился на заседание. При этом вел себя вызывающе: «напившись пьян», он ни с кем не поздоровался, шляпы не снял, профессору Винсгейму показал кукиш, изругал его и других профессоров «многими бранными словами,

называя их плутами». И еще угрожал Винсгейму, что «он ему зубы поправит», а советника Шумахера назвал вором. 11 мая возмущенные профессора подали «Доношение» в Следственную комиссию. В «Доношении» Ломоносову припомнили все его проступки: пьянство, непорядки и драки.

По решению Следственной комиссии Ломоносов больше двух месяцев просидел под караулом, а потом с августа 1743 года по январь 1744 года шесть месяцев провел под домашним арестом. Мало этого, указом императрицы за учиненные Ломоносовым «предерзости» обязали его просить у профессоров прощение и жалованье его в течение года ополовинили.

Как нам представляется, сказанного выше довольно для того, чтобы больше не объяснять, почему Ломоносов снисходительно относился к «предерзостям» Баркова.

В университете Ломоносов занимался словесностью с некоторыми студентами, в том числе и с Барковым. Конечно, эти занятия не прошли для поэта Баркова даром. Разумеется, Барков читал сочинения Ломоносова, и это чтение так или иначе сказалось в его творчестве — не только в «Оде», адресованной Петру III, но и в пародийных одах, в других стихотворениях. Позволим себе заметить, что здесь важны не только цитаты и реминисценции из произведений Ломоносова в стихах Баркова (их выявление — задача дальнейшего изучения творчества Баркова). Несомненное значение имеет здесь сама культура стихосложения, уроки мастерства, преподанные Ломоносовым Баркову.

Барков участвовал в литературных битвах, отважно сражался с противниками Ломоносова — Тредиаковским и Сумароковым.

Самой громкой была полемика, которая развернулась вокруг сочиненного Ломоносовым «Гимна бороде». Это было в 1757 году. Но всё по порядку.

В 1756 году любимый ученик Ломоносова и соученик Баркова Н. Н. Поповский, ставший к этому времени профессором Московского императорского университета, перевел на русский язык философскую поэму английского поэта А. Поупа «Опыт о человеке», воспользовавшись ее французским переводом. Труд Поповского был высоко оценен Ломоносовым и представлен куратору университета, другу и покровителю Ломоносова графу И. И. Шувалову. Тот, в свою очередь, представил перевод Синоду. 16 сентября 1756 года Синод вернул его Шувалову, известив его о том, что «к печатанию оной книги Святейшему Синоду позволения дать было несходственно»: «Издатель оныя книги ни из священного писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему, також и мнения о множестве миров, священному писанию совсем не согласные»[\[308\]](#).

В 1757 году «Опыт о человеке» А. Поупа в переводе Н. Н. Поповского был всё же напечатан, правда, искаженный цензурой. Впоследствии он выдержал еще пять изданий. Запрещение же Синодом в 1756 году этой публикации задевало не только Н. Н. Поповского и графа И. И. Шувалова, но и Ломоносова, который, по-видимому, был возмущен притязаниями Синода на контроль за литературой. В этом решении он увидел наступление на науку, мракобесие высокопоставленных церковников. Ответом поэта и ученого явился сатирический «Гимн бороде», написанный в конце 1756 — начале 1757 года. Ах, нельзя печатать «Опыт о человеке»? Так вот, получите, извольте. Сами-то вы кто? Борода одна, а головы-то и нет.

*Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет*^{309}.

В «Гимне бороде» еще девять куплетов и после каждого рефрен:

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена*^{310}.

Второй куплет, на наш взгляд, сочинен не без влияния Баркова и его «Оды п....». Сравним:

Барков:

*В ефире светлая звезда
Или блестящая планета
Не так прелестна как п....,
Она творительница света.
Из сих торжественных ворот
Выходит всякий смертный рот
И прежде всех ее целует.
Как только секелем кивнет,
Двуножну тварь на свет пихнет
И нам ее она дарует (50).*

Ломоносов:

*Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота [{311}](#).*

Но обратимся к бороде, сатирически воспетой Ломоносовым в других куплетах. Чтобы вполне оценить сатиру Ломоносова, вероятно, нужна краткая историческая справка.

Когда Петр I варварскими методами искоренял в России варварство, когда он распорядился носить европейское платье, то тогда же повелел запретить ношение бород. Дворяне, все, кто состоял на службе у государства, солдаты — все должны были сбрить бороды. На бороду был введен налог. Бородачами оставались купцы, крестьяне. Бороды носили священники, для которых борода была не только обязательной, но и становилась знаком независимости от государства. Вот на почтенные особым отличием бороды высшего духовенства и обрушился со всей страстью Ломоносов.

Раскольники, которых преследовало правительство, за ношение бороды платили подать в двойном размере. Когда в «Гимне бороде» Ломоносов писал о керженцах (раскольниках, живших в Нижегородской губернии у реки Керженец), о «двойном окладе», который за бороду брал с них им «любезный брат», он, по-видимому, метил в епископа Димитрия Сеченова, прозрачно намекая на то, что после самосожжений раскольников высокопоставленному церковнику доставались их богатства.

В «Гимне бороде» современники узнавали еще одного влиятельного деятеля церкви — придворного проповедника Гедеона Криновского:

*Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом,
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен, —
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!*[{312}](#).

Незнатный и невзрачный Гедеон Криновский, никому неизвестный монах, бежавший из Казанской семинарии в Петербург, в 1854 году стал «знатен чином и нескуден», отличен Елизаветой Петровной, назначившей его придворным проповедником. О свалившемся на него благосостоянии свидетельствует ходившая по Петербургу прибаутка: «Гедеон нажил миллион»[{313}](#). Говорили о его щегольских атласных и бархатных рясах, шелковых чулках и башмаках с бриллиантовыми пряжками. О его холеной бороде написал Ломоносов:

*Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу*[{314}](#).

Одним словом, вся сила-то оказывается в бороде. Как знать, может быть, когда Пушкин писал в поэме «Руслан и Людмила» про волшебную бороду злобного Черномора, он вспоминал «Гимн бороде» Ломоносова: «Всех удавлю вас бородою!» (IV, 37).

«Гимн бороде», разумеется, не печатался, но широко распространялся в списках. В XX веке списки были обнаружены в Петербурге, Москве, Костроме, Ярославле, Казани, Красноярске, Якутске. Можно сказать, что вся Россия читала это сочинение Ломоносова. Ознакомились с ним и представители церкви. 6 марта 1757 года императрице был подан «Всепопданнейший доклад Синода» за подписью Силвестра, архиепископа Санкт-Петербургского, Димитрия, епископа Рязанского, Амвросия, епископа Переславского, Варлаама, архимандрита Донского:

«В недавнем времени проявились в народе пашквильные стихи, подписанные Гимн бороде, в которых недовольно того, что тот пашквильянт, под видом якобы на раскольников, крайне скверная и совести и честности христианской противная ругательства генерально на всех персон, как прежде имевших, так и ныне имеющих бороды, написал. Но и тайну святого крещения, к зазорительным частям тела человеческого, наводя богопротивно обругал и чрез название бороду ложных мнений завесою всех святых отец учения и предания еретически похулил. И когда по случаю бывшего с профессором Академии наук Михайлом Ломоносовым свидания и разговора о таком вовсе непотребном сочинении от синодальных членов рассуждаемо было, что оный пашквиль, как из слогу признавательно, не от простого, но от какого-нибудь школьного человека, а чуть и не от него ли самого произошел, и что таковому сочинителю ежели в чувство не придет и не раскается надлежит, как казни Божией, так и церковной клятвы ожидать. То услыша, означенный Ломоносов исперва начал оной пашквиль шпин-ски (то есть строптиво, насмешливо. — *Н. М.*) защищать, а потом, сверх всякого чаяния сам себя тому пашквильному сочинению автором оказал, ибо в глаза пред синодальными членами таковыя ругательства и

укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущаго христианина надеяться отнюдь не возможно...»[{315}](#).

Как видно из этого доклада, члены Синода не только возмутились «Гимном бороде», осудили его за святотатство, но и «вычислили» автора «Гимна», призвали Ломоносова к ответу. Ломоносов же, представ перед членами Синода, остался верен себе: в своем авторстве признался, «пашквиль» свой защищал, да и к тому же ругался.

В докладе Синода сказано еще об одном «пашквиле», который Ломоносов «в народ издал, в коем, между многими явными уже духовному чину ругательства, безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит»[{316}](#).

В делах Синода сохранился список и «Гимна бороде», и того «пашквиля», о котором здесь идет речь. Сочинение, несомненно, заслуживает внимания, потому приведем его полностью:

*О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны,
Которы подо ртом висят у сатаны.
Ты видишь, он зато свирепствует и злится,
Диравой красной нос, халдейска печь, дымится,
Огнем и жупелом исполнены усы,
О как бы хорошо коптить в них колбасы!
Козлята малые рождаются з бородами:
Коль много почтены они перед попами!
О польза, я одной из сих пустых бород
Недавно удобрял бесплодный огород.
Уже и прочие того ж себе желают
И принести плоды обильны обещают.
Чего неможно ждать от толь мохнатых лиц,
Где в тучной бороде премножество площади?
Сидят и меж собой, как люди, рассуждают,
Других с площадями бород не признавают*

*И проклинаят всех, кто молвит про козлов:
Возможно ль быть у них толь много волосов?*[{317}](#).

Церковников особенно обидело сравнение попов с козлами. Впрочем, до сих пор козлы — обидное ругательство. Наталья Муромская сочла это ругательство обидным для козлов, с которыми сравнивают недостойных людей:

*Ну что про это вам сказать?
Козлов не надо обижать.
Они, козлы, не виноваты,
Что бородаты и рогаты.
И вовсе все они не злы.
Они добрейшие козлы*[{318}](#).

А как оскорбительна такая подробность: в тучной бороде у попов оказывается премножество площац, то есть лобковых вшей. И годятся эти бороды разве только на то, чтобы удобрять ими огород.

Стихотворение «О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны» включено в полное собрание сочинений Ломоносова. Между тем П. П. Пекарский в «Истории Императорской Академии наук в Петербурге» сообщил о том, что в одном из известных ему списков этого стихотворения его авторство приписано не Ломоносову, а Баркову[{319}](#). С. С. Илизаров согласился с этим: «По стилистике и образности это сочинение действительно ближе к И. С. Баркову, для которого характерна предельно жесткая и грубая по форме антицерковная заостренность»[{320}](#). В самом деле, стихотворение «О страх...» «вписывается» в ряд сатирических стихотворений Баркова о попах и монахах. Любопытно, что в одном из них речь идет о бородачах — козлах и...

Но, впрочем, лучше, наверное, его процитировать, заменив непристойное слово начальной буквой и точками:

*Что сильны Юпитер навесил бороды козам,
Досадно стало то бородачам козлам.
Так должен — рассуди — негодовать монах,
Что бабы бороды имеют на п... (185).*

И еще: некоторые строки стихотворения «О страх...» перекликаются со стихотворением Баркова «Сафрон». Сравним:

*Диравой красной нос, халдейска печь, дымится,
Огнем и жупелом исполнены усы,
О как бы хорошо коптить в них колбасы!
Сафрон как черт лицом, и к дьявольским усам
Имеет еще нос, подобный колбасам,
Которы три года в дыму будто коптились... (187)*

Во «Всепоподданнейшем докладе Синода» автор «пашквилей» обвинялся в кощунстве Святых Тайн, в «ругательстве духовного чина». Ссылаясь на авторитет Петра Великого, церковники требовали «таковых пашквилей сочинителей наказывать, а пашквильные письма чрез палача под виселицею жечь». Одним словом, «Гимн бороде» надобно сжечь, а Ломоносова «для надлежащего в том увещания и исправления в Синод отослать»^{321}.

Императрица оставила доклад Синода без внимания. Но дело тем не кончилось.

Ломоносов получил письмо: некий Христофор Зубницкий писал из Холмогор (на самом деле, конечно, не оттуда), что, дескать, там, в Холмогорах, все

обсуждают и осуждают «Гимн бороде» и автора «Гимна», безбожника и пьяницу. Он, Ломоносов, дескать, высокомерный хвастун, подлец, готовый на любую низость ради чарки вина et cetera, et cetera. Ну а дальше больше: вместо «Гимна бороде» предлагалось стихотворение «Переодетая борода, или гимн пьяной голове». Трудно вообразить что-либо более грубое и оскорбительное: Ломоносову указывалось на его «подлое» происхождение, говорилось о том, что и чинами-то он почтен недостойно и, вообще, когда, дескать, его за пьянство, бешенство и чванство лишат всех чинов, то он снова станет пьяным рыболовом. Такие люди, как Ломоносов, за поругание веры достойны лишь того, чтобы их сожгли.

Пушкин и П. А. Вяземский считали, что за именем Христофора Зубницкого прятался митрополит Димитрий Сеченов и он же сочинил «Гимн пьяной голове». Ломоносов же счел автором и письма, и «Гимна» Тредиаковского и адресовал ему убийственное послание «Христофору Зубницкому». Оно начиналось так:

*Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкой склад давно и смех нам и
печаль*^{322}.

Разумеется, Тредиаковский ответил — как, вероятно, ему казалось, адекватно. Он пожелал «в мечь» Ломоносову заплатить «хвалами», но «не поздоровится от таких похвал».

В перепалку вмешался Барков. Он ответил, пожалуй, на самое серьезное обвинение Ломоносова — в безбожии, ответил на угрозу таковых безбожников сжечь:

*Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтоб наше мясо печь.
Безбожника сего всеместно проклинаят,
И беззаконие его все люди знают:
Неизреченный вред закону и беда —
Обругана совсем честная борода!
О лютый еретик! против чего дерзаешь?
Противу бороды, и честь ее терзаешь!
Какой ты сеешь яд?
Покайся, на тебя уже разверзся ад;
Оплакивай свой грех, пролей слез горьких реки,
Когда не хочешь быть ты в Тартаре вовеки (345).*

Ответ Баркова — по существу. Обвинения в адрес Ломоносова доведены им до абсурда, обвинители представлены ортодоксальными идиотами. Быть может, не будет преувеличением сказать, что в полемике вокруг «Гимна бороде» — полемике, за которой изначально стояли интриги церковников^{323} — Баркову, выступившему в защиту своего учителя, принадлежит отнюдь не последняя роль.

В 1751 году, как мы помним, Баркова за его «предерзости» исключили из числа студентов Академического университета, определили учеником наборщика Академической типографии, а затем, в 1753 году, перевели копиистом в Академическую канцелярию. По должности копииста Барков часто бывал у Ломоносова, переписывал его сочинения, служебные бумаги, снимал копии с нужных Ломоносову рукописей и документов. В 1755 году Барков дважды переписал «Российскую грамматику», сочиненную учителем, скопировал рукопись второго тома «Сочинений» Ломоносова. В 1757 году он сделал для Ломоносова копию Радзивилловского списка летописи Нестора.

В 1759 году по поручению Академической канцелярии Барков каждый день после полудня приходил к Ломоносову в его дом на Мойке для переписывания «Российской истории». Эта работа, несомненно, была важна для Баркова, который, благодаря ей, познакомился с русскими летописями, приобрел навыки изучения исторических источников. Возможно, вдохновленный историческим трудом Ломоносова, он впоследствии сочинил «Краткую Российскую историю». Но, пожалуй, не менее важным было ежедневное общение Баркова с учителем. Сохранились воспоминания племянницы Ломоносова Матрены Евсеевны. Они были записаны в 1828 году в Архангельске П. П. Свиньиным и напечатаны в 1834 году в журнале «Библиотека для чтения». Матрена Евсеевна, дочь сестры Ломоносова Марьи, вышедшей замуж за крестьянина Евсея Головина, гостила у дяди в доме на Мойке и сохранила в памяти драгоценные для нас подробности его быта, его привычки. Ломоносов отличался гостеприимством, радушно принимал земляков из Архангельска, привозивших ему сельди и моченую морошку. Летом ученый много времени проводил в саду, прививал деревья, очищал их ножиком. В жару с книгами и бумагами перебирался из дома в сад, в беседку. Там он работал. В увлечении своей работой он ничего не ел, кроме хлеба с маслом, и ничего не пил, кроме мартовского пива, которое со льда приносила ему в беседку племянница. В беседке, облаченный в китайский халат, Ломоносов часто принимал гостей. В дом на Мойке к Ломоносову на шестерке вороных коней в золоченой карете с гайдуками приезжал в звездах и лентах вельможа И. И. Шувалов. Матрена Евсеевна вспоминала и о том, как во время обеда, погруженный в свои размышления Ломоносов, вместо пера, которое по школьной еще привычке клал он за ухо, помещал туда ложку или утирался своим париком, который снимал

перед тем, как начать хлебать щи. Барков мог наблюдать подобные сцены, мог видеть Ломоносова и за обедом, и за работой в беседке. О чем они говорили? Обо всем, наверное, — о жизни, о поэзии, о писателях, об Академии и академиках. Барков был связан с Ломоносовым до конца его жизни. Неизвестный автор биографического очерка о Баркове (рукопись хранится в Российском архиве литературы и искусства) писал:

«Барков был хорошо знаком с Ломоносовым и даже под конец его жизни дружился с ним. Ломоносов любил его за постоянную веселость, резкость мнений и неистощимое остроумие, которым он так и сыпал в разговоре, тонко задевая смешные стороны тогдашних членов академии и писателей... Незадолго до своей смерти, как известно, Ломоносов стал сильно пить, и в подобных возлияниях ему аккомпанировал Барков. Ломоносов ценил Баркова, признавая в нем богатые способности; часто он говаривал ему: «Не знаешь, Иван, цены себе, поверь, не знаешь»^{324}.

В примечании к приведенному тексту автор сообщал, что некогда в Москве на Смоленском рынке приобрел рукописную тетрадь, где на заглавном листе стояла дата 1774 год, и указывал:

«Это сведение о знакомстве Баркова с Ломоносовым выписано мной, в числе других интересных подробностей о его жизни, отсюда»^{325}.

Ну что же, приведенные сведения вполне могут соответствовать действительности. Ломоносов и Барков сходились темпераментами, независимостью характеров, самими слабостями. Между ними, скорее всего, были и неизбежные размолвки. Так, в мае 1756 года Барков подал в Академическую канцелярию прошение дозволить ему не работать неотлучно в доме Ломоносова, а продолжить и другие свои труды, находясь в Академии, выполняя, впрочем, и поручения Ломоносова. И всё же многое сближало сына

священника и сына рыбака. Правда, в отличие от Баркова Ломоносов сделал блистательную карьеру: в 34 года был произведен в профессора, в 40 лет получил чин коллежского советника с жалованьем 1200 рублей; спустя год императрица пожаловала ему поместье с 212 душами крестьян для строительства мозаичной и бисерной фабрики, дала значительную беспроцентную ссуду. Когда Ломоносову было 45 лет, он получил землю возле Мойки, построил там дом и мозаичную мастерскую. В 1763 году Ломоносов был произведен в статские советники с жалованьем 1875 рублей. В 1764 году ему была оказана еще одна монаршая милость: Екатерина Великая посетила его дом, и об этом сообщали «Санктпетербургские ведомости». Конечно, жизненный путь Ломоносова несопоставим с путем Баркова. Казалось бы, фортуна была благосклонна к великому ученому. Но был ли он счастлив? На этот вопрос как нельзя лучше отвечают его «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»:

*Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты Ангел во плоти иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому^{326}.*

Эти стихи не были опубликованы при жизни Ломоносова. Они впервые увидели свет в 1784 году в

«Собеседнике любителей русского слова, содержащем разные сочинения в стихах и прозе некоторых русских писателей». Являясь переложением известного стихотворения древнегреческого поэта Анакреона «К цикаде», стихи Ломоносова автобиографичны. Последняя строка «Не просишь ни о чем, не должен никому» не имеет аналогии в оригинале. В ней тоска великого ученого по независимости, усталость от постоянной необходимости просить, и просить безуспешно о привилегии для Академии, для Академического университета, в ней тяжесть от материальных обязательств, связанных с его проектами.

4 апреля 1765 года Ломоносов умер в возрасте пятидесяти четырех лет. Он был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. Похороны отличались необыкновенной пышностью: присутствовали знатные вельможи, высшее духовенство. Можно не сомневаться в том, что Барков пришел проститься со своим учителем.

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим (II, 247).*

Можно не сомневаться в том, что Барков по-христиански помянул своего учителя, не раз «подъяв к устам признательную чашу».

На следующий год на могиле Ломоносова был установлен памятник из каррарского мрамора, заказанный канцлером графом Р. И. Воронцовым в Италии. Приходил ли Барков на могилу Ломоносова? Кто знает... Со смертью Ломоносова его ученик лишился покровителя. В 1766 году Барков был «отрешен за пьянство и худые поступки от Академии».

*В кабаках — зеленый штоф,
Белые салфетки —
Рай для нищих и шутов,
Мне ж — как птице в клетке.*

*В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет! И в церкви все не так,
Все не так, как надо [{327}](#).*

Глава десятая

АНТАГОНИСТ

А. П. СУМАРОКОВА

*Смеяться, право, не грешно!
Над всем, что кажется смешно.*

Николай Карамзин.

Послание к А. А. Плещееву

О Сумарокове сохранилось много анекдотов, в них высмеивались его чрезмерно высокая самооценка и непомерное авторское самолюбие. Один из анекдотов представляет Сумарокова в беседе с отцом. Сын по сути крайне непочтительно, но остроумно публично заявляет о том, что он умнее батюшки, заслуженного воина, участника Северной войны:

«Однажды, на большом обеде, где находился и отец Сумарокова, Александр Петрович громко спросил присутствующих:

— Что тяжелее, ум или глупость?

Ему отвечали:

— Конечно, глупость тяжелее.

— Вот, вероятно, оттого батюшку и возят цугом в шесть лошадей, а меня парой.

Отец Сумарокова был бригадир, чин, дававший право ездить в шесть лошадей, штаб-офицеры ездили четверкой с фореитором, а обер-офицеры парой. Сумароков был еще обер-офицером...»[{328}](#).

В других анекдотах, в ситуациях, когда случайные собеседники не замечают его творений или же выражают несогласие с его мнением, Сумароков

выглядит вздорным, нетерпимым, даже жалким и, конечно же, смешным.

«На другой день после представления какой-то трагедии сочинения Сумарокова к его матери приехала какая-то дама и начала расхваливать вчерашний спектакль. Сумароков, сидевший тут же, с довольным лицом обратился к приезжей даме и спросил:

— Позвольте узнать, сударыня, что же более всего понравилось публике?

— Ах, батюшка, дивертисмен!

(В театре вслед за трагедией шел танцевальный дивертисмент, который с трагедией никоим образом не был связан, так что похвалы спектакля к трагедии Сумарокова не относились. — *Н. М.*)

Тогда Сумароков вскочил и громко сказал матери:

— Охота вам, сударыня, пускать к себе таких дур. Подобным дурам только бы горох полоть, а не смотреть высокие произведения искусства! — и тотчас убежал из комнаты»^{329}.

«В какой-то годовой праздник, в пребывание свое в Москве, приехал он с поздравлением к Н. П. Архарову и привез новые стихи свои, напечатанные на особенных листках. Раздав по экземпляру хозяину и гостям знакомым, спросил он о имени одного из посетителей, ему неизвестного. Узнав, что он чиновник полицейский и доверенный человек у хозяина дома, он и его подарил экземпляром. Общий разговор коснулся до драматической литературы; каждый вносил свое мнение. Новый знакомец Сумарокова изложил и свое, которое, по несчастью, не попало на его мнение. С живостью встав с места, подходит он к нему и говорит: «Прошу покорнейше отдать мне мои стихи, этот подарок не по вас»^{330}.

Но, пожалуй, самыми смешными были анекдоты о Сумарокове и Баркове. Известно, что современники называли Сумарокова «Северным Расином». Собратья же

по перу обвиняли его в том, что в трагедиях своих многое он без зазрения совести заимствует у французского драматурга. Анекдот повествует, как об этом Барков напомнил Сумарокову:

«Барков всегда дразнил Сумарокова. Сумароков свои трагедии часто прямо переводил из Расина и других. Например:

у Расина:

«Contre vous, contre moi, vainement je meprouve.
Present je vous fuis, absent je vous trouve!»

у Сумарокова:

«Против тебя, себя я тщетно вооружался!
Не зря тебя искал, а видя удалялся».

Барков однажды выпросил у Сумарокова сочинения Расина, все подобные места отметил, на полях подписал: «Украдено у Сумарокова» и возвратил книгу по принадлежности»^{331}.

Пушкин записал два анекдота о Сумарокове и Баркове.

«Барков однажды заспорил с Сумароковым в том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостинной.

Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застаёт уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его дело в шляпе. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу, и--». (VIII, 77).

«Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика, и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришел однажды к Сумарокову:

«Сумароков великий человек, Сумароков первый русский стихотворец!» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову

только того и хотелось, Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: «Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал» (VIII, 76–77).

Противостояние Баркова и Сумарокова, столь забавно представленное в анекдотах, было предопределено тем, что Барков был учеником Ломоносова. И в литературной полемике, которая разгорелась между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым, ученик занял свое место в стане учителя.

Поначалу Ломоносов и Сумароков были приятелями, чуть ли не ежедневно сходились и дружески беседовали, прислушиваясь к советам друг друга.

*Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно?.. (V, 113)*

Всё началось с чисто филологических дискуссий: о проблемах стихосложения, об оде, ее поэтике и стилистике. Но потом споры перешли границы дозволенного.

В 1748 году Сумароков написал «Критику на оду». Какая критика и какая ода? Критика, разумеется, нелицеприятная, а ода, конечно, Ломоносова — на восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны. Естественно, возникает вопрос: справедливо ли первенство Ломоносова на русском Парнасе?

В 1759 году Сумароков стал издателем собственного журнала «Трудолюбивая пчела». Желая уязвить Ломоносова, он напечатал статью Тредиаковского «О мозаике». Ломоносов, увлеченный мозаичным искусством, был задет высказанными в статье

критическими суждениями и поспешил ответить своим зоилам эпиграммой «Злобное примирение г. Сумарокова с г. Тредиаковским». Дальше больше. Ломоносову удалось воспрепятствовать печатанию четырех «Вздорных од» Сумарокова, благо «Трудолюбивая пчела» проходила цензуру при Академии наук: во «Вздорных одах» Сумароков остроумно пародировал стиль громозвучных ломоносовских од. Дальше — еще больше. После того как «Трудолюбивая пчела» перестала жужжать, то есть была закрыта, Сумароков сочинил и напечатал в 1760 году в журнале «Праздное время» оскорбительную для Ломоносова притчу «Осел во Львовой коже». Ах, так? В ответ Сумароков получил адресованную ему басню «Свинья в Лисьей коже». Одним словом: Осел? Сам свинья! Дурак? Сам дурак! И, конечно, просто невозможно было пережить речь аббата Э. Лефевра, произнесенную им 16 апреля 1760 года в салоне графа А. С. Строганова: подумать только — Ломоносов по своему таланту приравнивался к Сумарокову, а Сумароков к Ломоносову! Этого просто нельзя было допустить, и Ломоносов не допустил, воспрепятствовал публикации речи. Одним словом, ссора росла как снежный ком.

Филологические споры доходили до совсем непристойных стычек на публике. Покровитель и друг Ломоносова, фаворит императрицы Елизаветы Петровны Иван Иванович Шувалов, в доме которого встречались поэты, вспоминал об этом так:

«От споров и критики о языке они доходили до преимуществ, с одной стороны, лирического и эпического, с другой — драматического, то есть каждый своего рода, и такие распри опирались иногда на приносимые книги с текстами. В спорах же чем более Сумароков злился, тем более Ломоносов язвил его; и если оба были не совсем трезвы, то заканчивали ссору бранью, так что приходилось высылать их обоих, или

чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах... то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь о нем. Сумароков, услышав у дверей, что Ломоносов здесь, или уходит, или, подслушав, вбегает с криком: не верьте ему, Ваше превосходительство, он все лжет; удивляюсь, как Вы даете у себя место такому пьянице, негодяю. — Сам ты подлец, пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые. — Но иногда мне удавалось помирить их, и тогда они были очень милы»^{332}.

Однако о мире не могло быть и речи. За кратковременным перемирием следовали новые схватки — и личные, и литературные, оскорбительные для каждого участника. Когда вышли в свет две песни поэмы Ломоносова «Петр Великий», Сумароков откликнулся на их появление «Эпитафией»:

*Под камнем сим лежит Фире Фирсович Гомер,
Который пел, не зная галиматии мер.
Великого воспеть он мужа устремился:
Отважился, дерзнул, запел — и осрамился,
Оставив по себе потомству вечный смех.
Он море обещал, а вылилася лужа.
Прохожий! Возгласи к душе им пета мужа:
«Великая душа, прости вралю сей грех»^{333}.*

Не менее оскорбительной была и притча Сумарокова «Обезьяна-стихотворец», в которой он крохоборски напоминал Ломоносову о том, что в публикации его знаменитой «Оды на взятие Хотина» вкралась опечатка: вместо «кастальский» (кастальский ключ — источник поэтического вдохновения у подножья горы Парнас) было напечатано «кастильский» (причем дважды)!

*Пришла Кастальских вод напиться обезьяна,
Которые она Кастильскими звала,
И мыслила, сих вод напившись до пьяна,
Что вместо Греции в Испании была,
И стала петь, Гомера подражая,
Величество своей души изображая*^{334}.

Гомер, которому подражает обезьяна-стихотворец, — это опять намек на незавершенную поэму Ломоносова «Петр Великий». Далее Сумароков пародирует стиль ломоносовских од:

*Нет мыслей — за слова приняться надлежит.
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Громам дает она толчки*^{335}.

Она — обезьяна-стихотворец, она же «пухлый певец», то есть Ломоносов.

Но что стихи? Сумароков писал «доношения» на Ломоносова академическому начальству, обвиняя его в пьянстве, безбожии, злодействе и даже в повреждении ума. Копию одного из таких «доношений» Пушкин посылал П. А. Вяземскому, который работал над статьей о Сумарокове:

«Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у И. И. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были враги» (X, 216). (Академик Г. Ф. Миллер, историк, противник Ломоносова.)

Даже после смерти Ломоносова Сумароков не унимался. На похоронах Ломоносова он позволил себе заметить: «Угомонился дурак и не может больше шуметь»^{336}. Если бы Барков услышал это, то можно не сомневаться: Сумарокову бы не поздоровилось.

*Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином? (I, 172)*

Нет, это не Баркова, это семнадцатилетнего Пушкина сочинение. Но под этими стихами Барков бы, несомненно, подписался. Он, ученик Ломоносова, разумеется, ввязался при жизни учителя в литературную драку.

Барков не много не мало замахнулся на трагедию Сумарокова «Синав и Трувор». Как? Но сначала несколько слов о сумароковской трагедии.

«Синава и Трувора» Сумароков написал в 1750 году. В трагедии есть всё: любовь, неизбежная борьба чувства и долга («должности») и неизбежная победа «должности», длинные пафосные монологи, гибель влюбленных, реки крови и, конечно же, поучения — как надобно править подданными и каким должен быть правитель.

Сюжет трагедии прост. Синав — спаситель Новгорода от бедствий. Ему обещан трон и дочь Гостомысла Ильме — на. Синав, страстно влюбленный в Ильмену, жаждет стать наконец ее супругом. Но Ильмена любит младшего брата Синава Трувора. Одним словом:

*Друг милый, я люблю тебя,
А ты его...
<...>
Чего бы проще: я — тебя,
А ты меня, а он другую,
А та его, но кто любя
Потерпит правильность такую?*[{337}](#)

Трувор любит Ильмену. Они страдают:

Трувор:

*Почто ему я брат!
Увы! почто, когда пленил его твой взгляд!
О дружба! о родство! вы мне противны стали!
Вы мне источники смертельные печали!*

<...>

Ильмена:

*Какой еще удар мне сердце уразил,
Почто дражайший взор ты грудь мою пронзил:
О солнце! небеса! о праведные боги!*

Трувор:

О время, о судьбы! За что вы нам так строги![{338}](#)

Любопытно, что в трагедии Сумарокова возникают вечные темы, мотивы и образы русской и мировой литературы. Так, Трувор призывает свою возлюбленную прийти на его безвременную могилу, вообразить его тень и омочить его гроб слезами:

И как меня пожрет земли утроба Приди когда-нибудь ко мне на место гроба: И есть ли буду жить я в памяти твоей; Хоть малу жертву дай во тьме душе моей И тень вообрази мою перед глазами Оплачь мою злу часть, омой мой гроб слезами [{339}](#).

На первый взгляд это может показаться странным, но приведенный текст можно соотнести с предсмертной элегией Владимира Ленского:

*Придешь ли, дева красоты
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальной жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг! (V, III)*

Тема призыва тени умершего — в стихотворениях Барри Корнуолла, Державина, Карамзина, Пушкина:

*Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна как зимний день,
Искажена последней мукой... (III, 182)*

А «Тень Баркова»? Но обратимся вновь к трагедии Сумарокова.

Трувор признается Синаву, что он любит Ильмену, а Ильмена любит его. Между братьями разыгрывается сцена, подобная сцене из «Каменного гостя» Пушкина:

Дон Гуан:

*Что если б Дон Гуана
Вы встретили?*

Донна Анна:

*Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.*

Дон Гуан:

*Донна Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя (V, 345–346).*

Синав:

*Ах! нет, когда б ты князь о сем уведал деле,
Ты б видя, как мой дух страдает в темном теле
Давно мне знати дал, что кровь мне должно
лить,
И грудь, в котору мне сей острый меч вонзить.*

Трувор:

<...>

*Вонзай оружие, сражай его бесславна,
Вот грудь, котора пред тобой виновна!*[{340}](#)

Синав высылает Трувора из города, отправляет его в ссылку. Синав и Трувор страдают. Трувор выполняет свою «должность», подчиняется приказу, удаляется, но там, за сценой, закалывается, о чем Ильмене сообщает паж. Ильмена закалывается на глазах потрясенной публики. Го-стомysl сообщает о кончине дочери Синаву. Гостомysl страдает. Синав терзается мыслью о том, что его тиранство привело к гибели брата и друга, к смерти его возлюбленной, к безутешному горю ее несчастного отца. Синав тоже пытается заколоться шпагой, но Гостомysl и воины шпагу у него вырывают. Синав произносит заключительный, исполненный высокой

патетики монолог, заявляет о том, что он больше не хочет жить, призывает на себя проклятия небес:

*Карай мя небо, я погибель в дар приемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!..*[{341}](#)

Всё. Занавес.

Трагедия Сумарокова с успехом шла на театральной сцене, вызвала неизменный восторг зрителей. Более того, это была не просто слава, но слава международная. Известный немецкий критик И.-Х. Готшед, прочитав «Синава и Трувора» во французском переводе (правда, не стихами, а прозой), написал и в 1753 году напечатал в журнале «Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» хвалебную рецензию. Критик ставил русского автора в пример немецким драматургам, говорил о том, что и темы, и героев надобно искать в отечественной истории. В 1755 году трагедия Сумарокова была напечатана в Лейпциге в стихотворном немецком переводе К.-Г. Келльнера. В этом же году одобрительная рецензия была напечатана в «Journal etranger», которую Г. В. Козицкий перевел на русский язык и в 1758 году опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» Академии наук. Венцом триумфа автора «Синава и Трувора» явилось избрание Сумарокова почетным членом литературного общества в Лейпциге. Вот на какую замечательную трагедию дерзнул замахнуться бесстрашный Барков. Так как же он это сделал?

Барков написал крайне непристойную, но остроумную пародию — трагедию «Дурносов и Фарное», правда, не в пяти, а в трех действиях. Но Баркову вполне хватило и трех действий, чтобы высмеять и сюжет, и героев, и высокую патетику Сумарокова.

Как и в трагедии Сумарокова, в пародийной трагедии Баркова представлен любовный треугольник: Дурносов, «брат и наследник великого князя», и его наперсник Фарнос любят Миликрису, дочь «бывшего владельца княжеской столицы». Кроме них на сцене появляются отец Ми-ликрисы, ее мамка, которая в списке действующих лиц отрекомендована автором как «б... и сводня», и друг Фарноса Щелкопер. Миликриса любит Дурносова и не любит своего жениха Фарноса (то есть всё как у Сумарокова). Однако пародийный сюжет Баркова строится на проблеме, вырастающей чуть ли не до вселенского масштаба: отдаваться Миликрисе Дурносову или не отдаваться? Оба тяжело страдают. Дурносов по этому поводу кручинится. Его первая реплика: «Княжна, ты ведаешь кручинушку мою» (276). Он иступленно жаждет обладать возлюбленной, ему невтерпёж. Миликриса, будучи девицей, боится принести такую жертву любимому. Проблема обсуждается со всеми физиологическими подробностями (держись, Сумароков!)

Миликриса

*Напрасно, князь, не льстися
И не старайся, ах, чтоб ты в мою красу...*

<...>

(Уходит)

Дурносов

Увы, ахти мне, ах!

Явление 2

Дурносов

(один в горести и отчаянии)

*Ужель от моего княжне таланта страх?
О, лютая судьба и грозная минута!
Почто, любезная, сурова ты и люта?
Когда бы я на то желанье устремлял,
Чтоб только о тебе без пользы воздыхал,
На тщетные б мои тогда взирая вздохи,
Нечестные одни смеялися бы плёхи!
Сердечным пламенем несчастной весь горю,
Устами я воплю, не ж... говорю:
Склонись, дражайшая, склонись в любовь и
верность,
Почувствуй штанную мою к тебе усердность
(278).*

В трагедии Сумарокова соперники Синав и Трувор обнажают мечи. В трагедии Баркова соперники Дурносов и Фарное с не меньшей патетикой обнажают срамные места. А далее и Миликриса поднимает свой подол и заголяется. Но увы, Дурносов, столь страстно ее желавший, ни к чему хорошему не способен. Фарное подло всучил ему не ту помаду и таким образом его обезоружил. Фарное между тем скончался (за сценой, разумеется), и скончался не столько от любви, сколько от поноса и вынужденного воздержания. Об этом Миликрисе сообщает его друг Щелкопер.

Миликриса
(с плачем)

Несчастнейший Фарнос, я и тебя лишилась!

Отец Миликрисы

(в тексте названо его имя, с нашей точки зрения, неудобное для печати. — Н. М.)

Лишился друга я, и часть его свершилась.

Миликриса

*О день, горчайший день, источник лютых бед,
Князь вечно погублен, Фарноса больше нет!
Пожри всей лютостью меня, живую, бездна!
Рази, губи: мне жизнь без е... бесполезна! (318)*

Закрывающий трагедию монолог Миликрисы пародийно перекликается с заключительным монологом Синава. Оба героя, не желая жить, призывают на себя кару небесную. При этом Барков включает в монолог Миликрисы прямую цитату из монолога героя Сумарокова Синава: «Рази, губи...»

Как реагировал Сумароков на трагедию Баркова, поистине «убойно» пародирующую его замечательное сочинение? Сумароков, как известно, писал не только трагедии, но и комедии. В его комедии «Ядовитый» появился персонаж с говорящим именем Герострат, в котором сатирически представлен Барков:

«Клитандр.

А вы, сударь, Пиит?

Герострат.

Как же не так, когда я автор Сатир, Комедий и Пародий. Комедии мои на кабаках читаются: Трагические сцены, представляемый при дворе, я во сквернословие и в ругательство автора превращаю, а Сатиры мои прибиваются на заборах»^{342}.

Барков писал и эпиграммы. Сохранились две эпиграммы неизвестных авторов, адресованные Сумарокову в то время, когда он был директором первого русского публичного театра:

*— Робята, старики, старухи, молодницы
И девушки, в запас купите рукавицы;
Хотя и не хотя вам надобно купить;
Директоры забав велят в ладони бить.*

Ответ

*На что нам покупать? В том есть всегда замена:
Сама в ладоши бьет со Трувором Ильмена{343}.*

Барков вполне мог эти эпиграммы сочинить.

*Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я! (V, 115)*

Перепалка по поводу «Синава и Трувора» — и в эпиграмме Сумарокова «На сочинение Трагедии Дураков» (то есть трагедии «Дурносов и Фарное»):

*Латынска языка источник и знаток,
Российской грамоты исправный молоток,
С изрядным знанием студент наук словесных,
Составщик Сатир злых, писец стихов бесчестных,
Неблагодарный дух, язвительный злодей,
Не могший никогда сего порока стерти,
Предатель истинный и пьяница до смерти —
<Вот> кто был сей творец трагедии таков.*

Узнал? В ответ скажу: конечно, то Барков^{344}.

Нельзя не отметить, что эпиграмма Сумарокова на Баркова комплиментарна: он представлен не только пьяницей, злодеем, неблагодарным (вспомним анекдот о том, как Сумароков подносил Баркову водки), предателем (как же — ему водки, а он как?), автором злых сатир и бесчестных стихов, но и знатоком латинского языка и российской грамоты и вообще студентом с «изрядным знанием... наук словесных». И еще обратим внимание на словосочетание «язвительный злодей». Не напоминает ли оно стих, адресованный Пушкиным «счастливому Вяземскому»: «Язвительный поэт, остряк замысловатый» (II, 85)?

Одним словом, Сумароков, по-видимому, действительно, как сказано в анекдоте, записанным Пушкиным, «очень уважал Баркова, как ученого и острого критика» (VIII, 76). Что же делать, если они оказались по разные стороны баррикады?

Противостояние Сумарокова и Баркова определялось разными литературными и, можно сказать, идеологическими и морально-этическими взглядами.

Сумароков — сторонник просвещенной монархии, в которой и монархами, и подданными свято соблюдаются законы. Он противник тиранства — и не только монархов, но и их подданных, не только государственных, но и частных лиц (и подьячие, это крапивное семя, могут тиранить людей). Сумароков свято чтит добродетель и ненавидел порок. Барков — автор оды на день рождения Петра III, и мысли, и чувства которой предопределены самим жанром дежурной торжественной оды, обращенной к венценосному герою. Что на самом деле думал Барков о монархии и монархах, нам неизвестно. Барков — сочинитель срамных стихов; его любовная лирика нам

практически неизвестна (в отличие от любовной лирики Сумарокова, весьма и весьма популярной). Барков — переводчик Горация и Феда. (Впрочем, заметим, что, отбирая басни Феда для перевода, он, по своему собственному признанию, от иных отказался по соображениям нравственности.) И вообще: дворянин Сумароков, обладатель высоких и военных, и гражданских чинов, — и Барков, сын священника, всего лишь служащий Академии наук. Вот как представлен Сумароков на титульном листе собрания его сочинений, изданном после его кончины Н. И. Новиковым:

«Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного Действительного Статского Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова».

Сумароков, будучи на военной службе, достиг чина бригадира. После трудов по управлению Российским театром он был уволен из директоров с сохранением жалованья, и уже не служа более, продолжал числиться сначала по военному, а потом по статскому ведомствам. А как Барков был представлен на титульных листах изданий, где стояло его имя: всего лишь Академии наук переводчик. Правда, оба они умерли в нищете, и где они похоронены, неизвестно. Вернее, известно, что Сумароков похоронен в Москве, на кладбище Донского монастыря, но могила его давно затерялась. Что же касается характеров, то и характерами они не сходились: Барков озорничал, а Сумароков злобствовал. Сумароков, лицо которого было обезображено оспой, был щеголем; Барков, хоть и был моложе его на целых 15 лет, щегольством, насколько нам известно, не отличался.

Возвращаясь к литературной драке Баркова с Сумароковым, заметим, что в этой драке Барков защищал учителя, а Сумароков — свои принципы, которыми ни за что не хотел поступиться. И здесь уже

речь шла о принципиальном споре, о несогласиях во взглядах не только на литературу, но и на жизнь и ее ценности.

«Ода кулашному бойцу» — одно из самых известных сочинений Баркова, которое, как мы помним, оказало заметное влияние на развитие ирои-комической поэмы, отразилось в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх», в поэме В. Л. Пушкина «Опасный сосед», отозвалось в сочинениях А. С. Пушкина.

Барков в оде «поет» нового героя — кулачного бойца:

*Хмельную рожу, забияку,
Рвача, всесветна пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Ширяя в плечах бузника
<...>
Между кулашного я боя
Узрел тычков, пинков героя (78).*

Не монарх, не полководец, а кулачный боец, «тычков, пинков герой», или, вернее, в поэме воспеваются два героя, два кулачных бойца — бузник и лакей Алешка. Описывая их сражение, Барков в равной мере восхищается обоими:

*Нашла коса на твердый камень,
Нашел на доку дока тут,
Блестит в глазах их ярость, пламень,
Как оба страшны львы ревут (82).*

Баркова восхищает кулачный бой, он славит эту народную кровопролитную забаву.

Не то Сумароков. Он ни в коей мере не разделяет восторга Баркова. Дворянин Лермонтов в «Песне про

купца Калашникова» видит в кулачном бое поединок чести. Дворянин Сумароков видит в кулачном бое проявление дикого варварства, бессмысленный мордобой. Можно не сомневаться, он поддерживал указ Елизаветы Петровны о запрещении кулачных боев. Но кто же этому указу следовал? Сумароков написал антибарковское по своей сути сочинение — притчу «Кулашной бой», в которой страстно выступил против этой забавы:

*На что кулашной бой?
За что у сих людей война между собой?
За ето ремесло, к чему бойцы берутся?
За что они дерутся?
За что?
Великой тайны сей не ведает ни кто;
Ни сами рыцари, который воюют;
Друг друга кои под бока,
И в нос и в рыло суют,
Куда ни попадет рука;
Посредством кулака;
Раскрашивают губы,
И выбивают зубы.
Каких вы, зрители, тут ищите утех,
Где только варварство позорища успех?*^{345}

На отрицание кулачного боя «работает» всё: каскад риторических вопросов, ироническое именование кулачных бойцов рыцарями, исчисление разрушительных для участников боя последствий — страшных травм, простонародная, сниженная лексика. Одним словом: нет кулачному бою!

И в отношении к питию Барков и Сумароков принципиально не сходились. Правда, в жизни не только Барков, но и Сумароков отдавал должное Бахусу,

что не мешало ему и Баркова, и Ломоносова печатно и изустно обзывать пьяницами. Но все-таки одно дело — жизнь, а другое — литература.

Барков и в «Оде Бахусу», и в «Оде кулашному бойцу» эпатажно прославляет вино и самые низменные последствия возлияний:

*Вино на драку воспаляет,
Дает в бою оно задор,
Вино п... разгорячает,
С вином смелее крадет вор,
Дурак напившись умнее
Затем, что боле говорит,
С вином и трус живет смелее,
И стойче х... с вина стоит,
С вином проворней б... встречает,
Вином гортань, язык вещает (79).*

Сумароков в притче «Сатир и Гнусные люди» как будто бы следует за Барковым, у которого поклонники Бахуса «дружатся, бьются, пьют, поют» (91). И у Сумарокова у пастухов, которых он описывает, «всякой день... была тревога всяка: / Вздор, пьянство, шум и драка^{346}. Но автор притчи гневно клеймит пьянство и пьяниц, превративших пастбище в кабак:

*Во глотку
И в брюха, и в бока,
Наместо молока
Цедили водку,
И не жалел никто, ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством.
От водки голова болит;
Но водка сердце веселит;*

*Молошное питье не диво;
Его хмельней и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего инова им копить?*[{347}](#).

Ну что же? Пьянству — бой, трезвость — норма жизни.

Да, конечно, Барков и Сумароков — антагонисты. Прошло время, и время немалое, и историки литературы оценили вклад каждого в развитие русской словесности.

«Как писатель и теоретик литературы Сумароков создал жанровую систему литературы нового периода, представил образцы практически всех литературных форм (кроме эпopeи) и завершил работу по нормированию языка и стиля, — писал В. П. Степанов, завершая статью о Сумарокове в «Словаре русских писателей». — Занимаясь сочинительством профессионально, он, по словам Пушкина, «требовал уважения к стихотворству» и много способствовал утверждению общественного престижа литературы. Широкий круг последователей Сумарокова распространил его литературные принципы. Творчество Сумарокова, в особенности его драматическое наследие, явилось для русского общества своеобразной школой политического воспитания, сыграв важную роль в становлении дворянской оппозиции»[{348}](#).

В. П. Степанов является также автором статьи о Баркове. Но оценить значение его срамной поэзии (при том, что авторство Баркова, творческие автографы которого не сохранились, в большей или меньшей степени гипотетично) оказалось много сложнее, тем более что в научной литературе встречаются весьма противоречивые оценки. «С одной стороны, — писал исследователь, — ее рассматривали как самое грубое

кабацкое сквернословие, с другой — пытались интерпретировать как явление внутрилитературной борьбы, принципиальный, по сути своей нигилистический протест против литературы классицизма со стороны демократически настроенных писателей. С этой точки зрения в «барковиане» стремятся увидеть пародию на всю жанровую систему классицизма, ходовую тематику и стиль его крупнейших представителей. <...> Предполагалось также изучать литературную деятельность Баркова как попытку применить в рамках жанровой системы классицизма поэтику и стилистику, приближающуюся к реалистической, сблизить поэзию и действительность»^{349}. Признавая необходимость дальнейших исследований, В. П. Степанов влияние барковианы на позднейшую литературу полагает несомненным.

При всем различии и неравноценности вклада Сумарокова и Баркова в сокровищницу нашей литературы, при всем их противостоянии было ли что-то, что их сближало? Наверное, это было общее литературное поле. Но играли они в разных командах.

Глава одиннадцатая

ПУШКИН И БАРКОВ

*Какое счастье — даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!*

Александр Кушнер.

Наши поэты

10 июля 1826 года Пушкин писал Вяземскому из Михайловского:

«Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» (X, 163).

В самом деле, в бумагах декабристов были найдены списки стихотворений Пушкина, воспевающих свободу, призывающих к уничтожению крепостного права — ода «Вольность», «Деревня», «Кинжал»... Правда, они имели «хождение» задолго до восстания 14 декабря 1825 года. Не случайно в апреле 1820 года Александр I сказал директору Лицея Е. А. Энгельгардту: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает»^{350}. «Бич жандармов, бог студентов» — это Марина Цветаева о Пушкине. О том, насколько широко распространялись списки «возмутительных рукописей», не только написанных Пушкиным, но и приписанных ему, свидетельствует само сравнение, к которому он прибегает, заметив, что таким же образом все «похабные» рукописи «ходят под именем Баркова». Пушкин не только очень точно определяет масштаб

бедствия (как известно, срамные стихи получили чрезвычайно широкое распространение в народе), но и предвидит его будущее: похабные стихи, сочиненные и Барковым, и другими, оставшимися неизвестными авторами, под именем Баркова распространялись не только в XVIII веке или в пушкинское время, но и во второй половине XIX столетия, и в XX веке. Но вот на что хотелось бы обратить внимание: псевдо-Пушкину принадлежат не только созданные другими поэтами вольнолюбивые стихи (среди них — политическая басня Дениса Давыдова «Голова и ноги», стихотворение Вяземского «Негодование»), но и стихи в политическом отношении вполне безобидные. Так, долгое время считалось, что Пушкин написал остроумное четверостишие:

*Всегда так будет, как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет! (I, 403)*

Между тем, как установила Т. Г. Цявловская, четверостишие это принадлежит перу поэта, прозаика и журналиста Б. М. Федорова, к которому Пушкин и писатели его круга относились иронически, называя пренебрежительно Борькой Федоровым. Теперь, когда авторство Федорова доказано, стихи воспринимаются по-иному: ведь содержательность, глубина высказывания во многом определяются личностью того, кому оно принадлежит. Одно дело сказать: «Вслед за зимой приходит весна. Михаил Михайлов». И совсем другое: «Вслед за зимой приходит весна. Конфуций».

Псевдо-Пушкин — еще и автор эротических стихов в духе Баркова. Но если приписанные Баркову похабные стихи сочинялись в большинстве своем после его

смерти, то под именем Пушкина непристойные стихи создавались преимущественно при его жизни и при его жизни распространялись в многочисленных списках, и это Пушкина крайне беспокоило. Когда в 1831 году после его женитьбы по рукам стало ходить приписанное ему непристойное стихотворение «Первая ночь», то Пушкин, по свидетельству его современника В. Т. Плаксына^{351}, был возмущен, пришел в страшное негодование, назвал это сочинение мерзостью. В дневниковой записи от 10 мая 1834 года Пушкин упоминает «скверные стихи, наполненные отвратительного похабства», «которые публика благосклонно и милостиво приписывала» ему (VIII, 38). Заметим, что подобные сочинения он сравнивал со срамной поэзией Баркова. В черновике «Отрывка» («Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы»), который во многом носит автобиографический характер, его герой-поэт, как и Пушкин, страдает от приписанного ему авторства непристойных стихов, и здесь в пушкинском тексте появляется имя Баркова:

«Но главную неприятностью почитал мой приятель приписывание ему множества чужих сочинений, как то: эпитафия попу покойного Курганова, четверостишие о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коль хочешь быть в аду, женись, стихи на брак, достойные пера Ивана Семеновича Баркова, начитавшегося Ламартина. Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихи Нахимова (А. Л. Нахимов, 1782-1814, поэт-сатирик. — Н. М.) от стихов Баркова, укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэтическому достоинству и остроте» (VI, 504).

Сочинения, приписанные Пушкину (в том числе и стихи барковского свойства), неоднократно привлекали

внимание исследователей, среди которых такие выдающиеся пушкинисты, как Н. О. Лернер, Б. Л. Модзалевский, М. А. Цявловский. Эти сочинения с конца прошлого века являются предметом пристального изучения А. В. Дубровского, выступившего автором нескольких публикаций под названием «Мнимый Пушкин»^{352}.

Неизвестные сочинители, пуская «в народ» похабные стихи под именем Пушкина, в известной степени как бы «уравнивали» их со срамными стихами Баркова, которому также во множестве приписывали непристойные сочинения. По существу это явление массовой культуры, на перепутье которой встречаются имена Баркова и Пушкина, объявленного молвой своего рода наследником и продолжателем барковской эротической традиции.

Еще одно явление массовой культуры — реклама. Здесь Баркову повезло значительно меньше, чем Пушкину. Единственный известный нам случай: в начале XXI века Барков стал брендом Санкт-Петербургского Центра простатологии. В 2002 году главный врач этого центра И. В. Князькин выпустил в свет книгу «Русский Приап Иван Барков». На обороте титула книги — реклама в стихах и прозе:

*«Тот, кто сей труд сумел осилить,
Когда придет к нам на прием
он с книгой,
Цену может снизить,
Сказав: «Барков просил о том».*

Главный врач Санкт-Петербургского Центра простатологии И. В. Князькин приглашает Вас на консультацию.

По предъявлению данной книги — скидка 10 %».

В центре простатологии установили модель памятника Баркову, автор — скульптор Александр Бодяков. Двенадцать миниатюрных копий модели были подарены уважаемым людям, в том числе губернатору Петербурга В. А. Яковлеву.

«Когда мы поставили у себя в клинике модель памятника, — пишет И. В. Князькин, — многие пациенты стали отмечать, что и лечение стало проходить лучше. А некоторые из тех, кому я подарил миниатюры, говорили, что и им стало как-то больше везти в жизни»^{353}.

Вот она, магическая сила Баркова!

Пушкин в рекламе преуспел неизмеримо больше. Еще при жизни его произведения пытались использовать в рекламных целях.

26 октября 1826 года в Москве Пушкин рассказал А. Г. Хомутовой о таком курьезном случае:

«Ко мне приходит толстый немец и, кланяясь, говорит: «У меня к Вам просьба». — Охотно исполню, если только смогу. — «Позвольте мне украсить мое изделие вашими стихами». — Много для меня чести, но что за изделие и какие стихи? — «У меня готовится превосходная вакса для сапог, и, если позволите, на баночках я поставлю: Светлее дня, чернее ночи» (оригинал по-французски. — *Н. М.*)»^{354}. Стихи, которые хотел использовать для рекламы своей продукции немец, — из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Это было начало пушкинской рекламы, которая расцвела пышным цветом в год открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, продолжила свое победное шествие в юбилейные 1899, 1937, 1949, 1999 годы и дошла до наших дней. Чего только не было: пушкинские папиросы, пушкинский шоколад, трости с набалдашниками в виде головы Пушкина, водка «Пушкин», духи «Я помню чудное мгновенье», украшенные автопортретами Пушкина гусиные перья с шариковыми стержнями, спичечные коробки с

пушкинскими рисунками... Не так давно в метро можно было созерцать наклеенные на двери вагонов листовки, рекламирующие одежду, с текстом: «Унылая пора! Вещей очарование!» Телевидение радует нас рекламой: «Александр Пушкин. Российская классика. Майский чай. Нам есть чем гордиться. Нам есть что любить». Бедный Барков! А ведь и у него могло бы быть большое рекламное будущее.

Скажем: водка «Барков». И непременно — в память о Баркове — дешевая.

Барков и Пушкин — герои анекдотов. Впрочем, несмотря на то, что о Баркове, как не раз упоминали авторы статей о нем, ходило множество анекдотов еще в XVIII веке, нам это «множество» обнаружить не удалось. Мы привели в книге лишь несколько, два из которых в записи Пушкина. Возможно, в архивах еще будут найдены анекдоты XVIII века о Баркове. Пока же заметим, что они бытовали и в XIX веке, создавались и в XX столетии. Анекдот из Интернета: «Он читал ей Мандельштама. Она читала ему Цветаеву. Но оба они думали о Баркове». И еще сведения из Интернета: в 1930-х годах существовали анекдоты, объединившие в своих сюжетах Баркова и Пушкина, причем Пушкин выступал в них гонителем Баркова. Однако анекдоты эти настолько не смешны и не остроумны, что приводить их здесь не хочется. Что же касается Пушкина, то и в анекдотах он лидировал и в XIX, и в XX, и в XXI веках. Герой анекдотов Пушкин может соперничать по популярности с Василием Ивановичем Чапаевым, поручиком Ржевским и Штирлицем. В 30-е годы прошлого века Даниил Хармс выступил автором анекдотов о Пушкине, вызывающих смех своей абсурдностью. На наш взгляд, его анекдоты — своеобразные пародии на пушкиноведение, на многочисленные мемуары о великом поэте, его не менее многочисленные биографии, посвященные Пушкину

произведения массовой литературы и искусства. Позволим себе привести два анекдота Д. Хармса:

«Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда он спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво»[{355}](#).

Нам представляется, что это своего рода пародия на монографию П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики» (1928).

И еще. Со школьных лет мы знаем о том, что Жуковский подарил Пушкину свой портрет со знаменательной надписью «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 Великая Пятница». Ни один биограф не пропустил этот факт пушкинской биографии. По-своему откликнулся на него Д. Хармс:

«Пушкин был поэтом и все что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никакo ты писака!» С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть по-приятельски просто Жуковым»[{356}](#).

Анекдоты о Пушкине получили драматургическое воплощение в популярных телевизионных программах «Городок» и «Шесть кадров». Но вернемся в пушкинскую эпоху.

Анекдот — литературный жанр и вместе с тем — часть устной бытовой культуры. Пушкин с интересом относился к этому жанру, собирал и записывал анекдоты, объединив их общим названием «Table-Talk» («Застольные разговоры»). Среди них — анекдоты о Петре I, Екатерине II, светлейшем князе Потемкине, Суворове, Денисе Давыдове, генерале Н. Н. Раевском,

Крылове, Дельвиге, Сумарокове и Баркове. Любопытна запись анекдота о поэте Ермиле Кострове, пристрастном, как и Барков, к выпивке:

«Костров был от императрицы Екатерины именован университетским стихотворцем и в сем звании получал 1500 рублей жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым он был в тесной дружбе» (VIII, 76).

В черновике Пушкин вместо «Кострова искали» написал «Баркова искали»^{357}.

В пушкинское время анекдотом считали короткий рассказ с неожиданным концом о каком-либо замечательном или же курьезном происшествии, любопытную черту в характере исторического лица, случай, который стал поводом к остроте, остроумному высказыванию.

В остроумии и находчивости, в дерзких поступках Пушкин не уступал Баркову. Вспомним один из приведенных нами анекдотов о Баркове: Барков обыграл слово «переводить», отвечая на вопрос, выполняет ли он порученный ему Академией перевод книги: переводит, разумея под этим то, что он переводит, то есть перемещает, книгу из одного кабака в другой, оставляя ее там под заклад.

Сохранился анекдот об ответе Пушкина некому господину, сделавшему ему замечание в театре. Пушкин в ответ сказал, что он не дает ему пощечину только потому, чтобы актриса не приняла пощечину за аплодисменты.

Анекдот из лицейской жизни:

«Однажды император Александр, ходя по классам, спросил: «Кто здесь первый?» «Здесь нет, Ваше императорское величество, первых: все вторые», — отвечал Пушкин»^{358}.

Разумеется, император спрашивал, кто в Лицее первый ученик. Пушкин таковым не был. Вспоминая лицейские годы, он писал:

*Пускай опять Вольховский сядет первым,
Последним я, иль Брогльо, иль Данзас (II, 350).*

Конечно, в присутствии императора нет первых, все вторые. Что же касается первенства в поэзии, то поначалу первым поэтом Лицея был Алексей Илличевский, а только потом Пушкин. Позже славу первого поэта на Русском Парнасе Пушкину предрекали Рылеев и Жуковский. В 1826 году после возвращения из Михайловской ссылки Пушкин получил общественное признание, но сам он о своем первенстве, насколько нам известно, не писал (о бессмертии своих творений — да, о первенстве — нет).

Барков в анекдоте, записанном Пушкиным, желая получить водки, играет на авторском самолюбии Сумарокова. Объявив его первым поэтом, он достигает желаемого, а потом дразнит самолюбивого стихотворца, заявив, что первый поэт — он сам, второй — Ломоносов, а Сумароков — только третий. Анекдот, на наш взгляд, свидетельствует не столько о самомнении Баркова, сколько о его находчивости, умении играть на слабостях почтенного Сумарокова.

Современники Пушкина сохранили в памяти его остроумные замечания, эпатажное поведение в различных ситуациях. При этом сегодня многие анекдоты о Пушкине, как, впрочем, и анекдоты о Баркове, нуждаются в подтверждении, вызывают сомнения в достоверности описываемых в них происшествий.

Еще один анекдот о Пушкине-лицеисте:

«Однажды он побился об заклад, что рано утром в Царском Селе он выйдет перед дворец, станет раком и поднимет рубашку. Он был тогда еще лицеистом и выиграл заклад. Несколько часов спустя его зовут к вдовствующей императрице. Она сидела у окна и видела его проделку, вымыла ему голову порядочно, но никому о том не сказала»[{359}](#).

Выходка, прямо скажем, в духе Баркова. Хотите — верьте, хотите — нет.

Пушкин позволял себе эпатировать публику и выходками политического свойства. Так, когда в 1820 году из Парижа до Петербурга дошло известие об убийстве герцога Беррийского, Пушкин в театре ходил по рядам кресел, показывая литографированный портрет его убийцы Лувеля со своей надписью «Урок царям».

Вообще, молодой Пушкин позволял себе шалить. Он появлялся в обществе то в прозрачных панталонах, то в костюмах турка, молдаванина, еврея. На ярмарке возле Святогорского монастыря он шокировал окрестное дворянство русской красной рубахой. Не случайно Рылеев в стихотворении 1821 года «Пустыня» назвал его «Пушкин своенравный, / Парнасский наш шалун». Шалости Пушкина огорчали его отца. Еще бы! Чего только стоит такая проделка: в 1817 году, катаясь в лодке по Неве, он на глазах Сергея Львовича, который, как известно, отличался скупостью, бросал в воду золотые монеты и любовался их блеском. Однажды на Невском проспекте лицейский друг Пушкина Иван Пущин встретил мрачного Сергея Львовича. Впоследствии Пущин так вспоминал об этой встрече:

«— Видно, вы не знаете последнюю его проказу.

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить, он

окупает свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которых нельзя не любить»^{360}.

Николай Маркевич, принадлежащий к окололицейскому окружению Пушкина, выпускник Благородного пансиона, в котором учился младший брат Пушкина Лев, в своих воспоминаниях о молодечестве поэта пересказывал анекдоты о нем, отмечая необыкновенный успех его сочинений:

«Прибавим к этому его пылкий, довольно необузданный, но благородный нрав; его находчивость, остроумие, безбоязненность. Он был сам поэзия»^{361}.

По темпераменту, по взрывному характеру Пушкин был близок к Баркову. Как и Барков, молодой Пушкин пил вино, играл с азартом в карты, участвовал в драках (вспомним драку с немцами в загородном ресторане «Красный кабачок» под Петербургом). Про дуэли Пушкина по поводу и без повода мы не говорим — Барков мог только драться на кулаках. Как и Барков, молодой Пушкин волочился за женщинами, посещал бордели. В 1819 году он влюбился в билетершу зверинца. Пожалуй, Барков мог бы подписаться под пушкинской строкой: «Я нравлюсь юной красоте бесстыдным бешенством желаний».

А теперь — самое главное. Как отразилась личность Баркова и его сочинения в творчестве Пушкина? Прежде чем ответить на этот вопрос, — несколько слов о так называемой ненормативной лексике в пушкинских произведениях. Эта лексика есть. Напомним хотя бы стихотворения «Орлов с Истоминой в постеле», «Рефутация г-на Беражнера», «Сводня грустно за столом». Но присутствие непристойных слов не связано непременно с барковской традицией. Так, лицейское стихотворение «От всенощной вечер идя домой» — поэтическая шалость, впрочем, не только остроумная, но и кощунственная. Текст стихотворения привел в своих «Записках» И. И. Пущин, рассказав и о истории его

создания, и о своем смущении, и о назидании профессора И. К. Кайданова, которого Пушкин познакомил со своим сочинением:

«Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной: в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся, однако, в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

*От всенощной, вечер, идя домой,
Антипьевна с Маврушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшею шалила?
Постой — о всем узнает муженек!»
«Тебе ль грозить, — Мавруша отвечает, —
Ванюша что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи, ж, кума: и ты, как я, грешна,
Словами всякого, пожалуй, разобидишь.
В чужой... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».*

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», — сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов, — мы

собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ.

Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущин, не давайте волю язычку», — прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не другой кто-нибудь»^{362}.

«Не судите, да не судимы будете». «В чужом глазу видишь соломинку, в своем глазу не видишь бревна». Эти евангельские истины давно стали пословицами, ушли в народ, часто вспоминаются по разным поводам. Конечно, пушкинское стихотворение — кощунство. Пожалуй, Баркову, при всей непристойности его срамных стихов, до такого кощунства далеко.

Впервые имя Баркова появляется в лицейской поэме «Монах» 1813 года. Оно не просто названо. Собираясь «воспеть, как дух нечистый ада/ Оседлан был брдатым стариком, / Как овладел он черным клобуком, / Как он втолкнул монаха грешных в стадо» (I, 42), Пушкин сначала обращается к «певцу любви», автору поэмы «Орлеанская девственница», где много эротических сцен, Вольтеру с просьбой отдать ему «златую лиру», но, получив отказ, взывает к помощи Баркова:

*А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С улыбкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему». —
Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму.
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется (I, 12).*

Лицейское стихотворение «От всенощной вечор идя домой» точно не датировано. Быть может, в поэме «Монах» Пушкин решил последовать благодетельному совету профессора И. К. Кайданова, потому демонстративно отказывается брать «скрипицу» у Баркова? Думается, всё же лукавит Пушкин: в поэме «Монах» есть соблазнительные сцены, исключаящие, впрочем, барковскую лексику.

Любопытно, что обращение к Баркову, поэту, проклятому Аполлоном, отказ брать его скрипицу, по существу повторяет строки из вступления к «Орлеанской девственнице»: Вольтер обращается к автору эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция» Ж. Шаплону. Это у него скрипка и проклятый Аполлоном смычок, и брать у него эту скрипку и смычок Вольтер не желает. В 1825 году Пушкин перевел начало первой песни «Девственницы» Вольтера. В его переводе есть строки, адресованные Ж. Шаплону:

*О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай меня, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей (II, 268).*

Небезынтересно и то, что в поэме «Монах» Барков, не добравшись до обиталища муз Геликона, упал в грязь вместе с Вильоном. Здесь имеется в виду французский поэт XV века Франсуа Вийон. Лариса Ильинична Вольперт в энциклопедической статье о нем кратко, но при этом очень точно и выразительно сообщила

сведения о его поистине авантюрной биографии и представила его творчество:

«Вийон принадлежал к парижской студенческой богеме, убил в пьяной драке священника, бежал, бродяжничал, вел разгульную жизнь, связался с воровской шайкой, несколько раз сидел в тюрьме за кражи, совершил еще одно убийство и был приговорен к смертной казни, которая была заменена изгнанием. В стихах Вийона, полных непристойных острот, каламбуров, эротических образов, отражены его бурные похождения, с откровенностью выставлены напоказ самые интимные стороны его жизни, чувства, настроения, пороки, нарисованы цинические в своей реалистичности картины быта социальных низов, воспеваются утехи плотской любви и радости пьяного угара»[{363}](#).

В книге Зигмунда Кински «История борделей с древнейших времен» Франсуа Вийон представлен как сожитель и сутенер толстухи Марго, как певец шлюх[{364}](#).

Принято считать, что Пушкин-лицеист черпал свои познания о Вийоне преимущественно из «Поэтического искусства» Буало и из «Лицея» Лагарпа, хотя (и исследователи этого не исключают) ему могли быть доступны и другие, пока не установленные источники сведений о творчестве французского поэта. Во всяком случае, обратим внимание на то, что Буало отдает должное заслугам Вийона перед французской поэзией:

*Когда во Франции из тьмы Парнас возник,
Царил там произвол, неудержим и дик.
Цензуру обойдя, стремились слов потоки...
Поэзией звались рифмованные строки!
Неловкий, грубый стих тех варварских времен
Впервые выравнил и прояснил Вильон.*

(Перевод Э. Л. Липецкой)^{365}.

Так что компания Баркова с Вийоном у Пушкина в подтексте может носить не только негативную оценку.

В 1815 году опять же в Лицее Пушкин написал и в том же году в «Российском музее» напечатал стихотворение «Городок», примечательное во многих отношениях. Главное место в нем занимает описание библиотеки юного поэта, книги тех авторов, уже ушедших из жизни и еще живущих, которых он читает на досуге.

*Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы:
Над полкою простою
Над тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут (I, 85).*

Кого здесь только нет: «фернейский злой крикун, / Поэт в поэтах первый» Вольтер, Вергилий, Торквато Тассо, Гомер, «чувствительный Гораций», «мудрец простосердечный» Лафонтен, Державин, «Дмитрев нежный», Вержье, Парни, Грекур, «Озеров с Расином», «Руссо и Карамзин», «Фонвизин и Княжнин»... На книжной полке лежат в пыли «Визгова сочиненья, / Глупона псалмопенья» — здесь, возможно, имеются в виду литераторы — члены «Беседы любителей русского слова» С. И. Висковатов и Н. М. Шатров. Вот за ними-то и

спрятал поэт-лицеист «потаенну / Сафьянную тетрадь»
(то есть тетрадь в сафьяновом переплете).

*Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья
Презревшие печать.
Хвала вам, чада славы,
Враги парнасских уз! (I, 87)*

Пушкин обращается к «наперснику муз» князю Д. П. Горчакову, сатиры которого распространялись в списках, «насмешнику милому» Батюшкову, сочинителю «Видения на берегах Леты», «замысловатому Буянова певцу» В. Л. Пушкину, «шутнику бесценному» Крылову, автору шуто-трагедии «Подщипа». И в завершении монолога юного поэта-читателя неподцензурной поэзии — обращение к Баркову (здесь он назван Свистовым):

*О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из роды в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплестать венок;
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,*

Не стану я писать (I, 88).

Заметим, что среди названных «врагов парнасских уз» — князь Д. П. Горчаков, которого исследователи причисляют к участникам сборника Баркова «Девичья игрушка»; В. Л. Пушкин, творец «Опасного соседа» — поэмы, в которой сказала «Ода кулашному бойцу» Баркова; Батюшков, в «Видении на берегах Леты» комплиментарно включивший Баркова в «избранную толпу» в «Элизии священном»:

*И ты, что сотворил обиды
Венере девственной Барков!{366}*

Опять-таки — в «Городке» Пушкин, признавая достоинства Баркова («пылкого Пегаса/ Наездник удалой»), не считает возможным писать его слогом, в этом он готов поклясться. И здесь можно усмотреть принятый к исполнению совет профессора И. К. Кайданова. И всё же в стихотворной сказке «Царь Никита и его сорок дочерей» мотивы и образы скабрезной поэзии Баркова, как мы об этом уже писали, дают о себе знать.

*И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!) (V, 81)*

Читатель ждет уж «Тень Баркова» — на, вот возьми ее скорей!

«Тень Баркова» — произведение, которое по сей день вызывает ожесточенные споры: автор — Пушкин? Или кто-то другой? Все остальные вопросы, которые

возникают при чтении этого сочинения, можно считать второстепенными.

Время создания «Тени Баркова» — это время учебы Пушкина в Лицее, 1815 или 1816 год.

Автограф не сохранился. В Лицее было написано сатирическое стихотворение «Тень Фонвизина», но есть его авторизованный список, то есть список, к которому Пушкин руку приложил. А вот с «Тенью Баркова» дело обстоит сложнее: сохранилось несколько списков с разночтениями. Под одним из них стоит имя «Пушкин», а под другим «Барков». Ну не курьез ли? Барков спустя почти полвека после смерти написал стихотворное сочинение (его называют то поэмой, то балладой), где является его тень, к тому же в совершенно непристойном виде!

Несколько слов о сюжете и героях этой чудовищной по непристойности баллады.

*Однажды зимним вечерком
В борделе на Мещанской
Сошлись с расстриженным попом
Поэт, корнет уланский,
Московский модный молодец,
Подьячий из Сената
Да третьей гильдии купец,
Да пьяных два солдата*[{367}](#).

Таково начало. А дальше — пунш и девки, девки и пунш. На этом славном поприще более всех отличается задорный и трудолюбивый поп-расстрига с говорящей фамилией, неудобной для печати. Но вдруг — «Вотще!», хоть девка и «трудилась над попом». Далее действие стремительно развивается:

*Зарделись щеки, бледный лоб
Стыдом воспламенился;
Готов с постели прятнуть поп,
Но вдруг остановился.
Он видит — в ветхом сюртуке
С спущенными штанами,
С х... толстою в руке,
С отвисшими м...
Явилась тень — идет к нему
Дрожащими стопами,
Сияя сквозь ночную тьму
Огнистыми глазами
<...>
— «Но кто ты?» Вскрикнул Е...
Вздрагнув от удивленья.
«Твой друг, твой гений я — Барков!»
Сказало привиденье^{368}.*

Тень Баркова призывает попа «восстать», и совершается чудо: к попу возвращается несокрушимая мужская сила. Тень же Баркова, обращаясь к попу, вещает:

*Возьми задорный мой гудок,
Играй как ни попало!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало^{369}.*

Вот так поп стал поэтом, венчанным самим Фебом, стал «гласить везде»: «Велик Барков!» Магическая сила Баркова превращает попа-расстригу в гиганта большого секса. Но однажды он оказался в женском монастыре пленником. И пришлось ему до полного изнеможения усердно ублажать игуменью — «девицу престарелу». Но

— «Увы! настал ужасный день», когда он совсем обессилел. И тут вновь явилась тень Баркова «В зеленом ветхом сюртуке, / С спущенными штанами». И — о радость! — к попу вновь вернулась его могучая сила. Игуменья же «рассталась с духом», то есть померла. Барков вернул попу вождеденную свободу.

*Мой друг, успел найти Барков
Развязку сей интриге.
«Поди! (отверста дверь была),
Тебе не помешают,
Но знай, что добрые дела
Святые награждают.
Усердно ты воспел меня,
И вот за то награда!»
Сказал, исчез — и здесь, друзья,
Кончается баллада^{370}.*

Явившаяся к попу-растриге тень Баркова, конечно, не сопоставима с тенью отца, представшей перед датским принцем Гамлетом. А вот сатира Батюшкова 1809 года «Видение на берегах Леты», где в странном сне автору являются тени умерших и живых писателей, в известном смысле может похвастаться предшественницей «Тени Баркова», как и другое его сатирическое стихотворное произведение 1813 года «Певец в беседе любителей русского слова», где также парят тени «поэтов со стихами» (обе сатиры Батюшкова, как и «Тень Баркова», не были напечатаны, но распространялись в списках).

Да и сюжет «Тени Баркова» не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Исследователи давно обратили внимание на то, что в балладе пародируются «Двенадцать спящих дев» Жуковского. Представляется очевидной сюжетная перекличка «Тени

Баркова» и с поэмой В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх»: Елисей вынужден некоторое время жить в работном доме для проституток, который он принимает за монастырь; поп же, руководимый Барковым, оказывается пленником в настоящем монастыре. Елисей сожительствует со старой начальницей работного дома; поп до потери сил совокупляется со старой игуменьей монастыря. И еще одну литературную традицию, сказавшуюся в балладе, нужно учесть. Речь пойдет о европейской традиции — «Декамероне» Боккаччо. Новелла повествует о монастырском садовнике — молодом крестьянине Мазетто. Притворившись глухим и немым, он устроился в монастырь и щедро одарял плотскими радостями и монахинь, и аббатису. Как и герой «Тени Баркова», он истощил свои силы, но, вернув себе речь, сумел договориться с монастырскими затворницами о разумном графике свиданий, наплодил множество детей, дожил до старости, нажил богатство и вернулся домой, то есть, как и герой баллады, в конце концов обрел свободу.

Впервые о «Тени Баркова» как о сочинении Пушкина заявил В. П. Гаевский в статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения», напечатанной в 1863 году, и не где-нибудь, а в журнале «Современник», который тогда издавал Н. А. Некрасов^{371}. В. П. Гаевский основывался на устных свидетельствах лицейских товарищей юного поэта. Но кто они, эти товарищи, он не сообщил, напечатав при этом фрагменты баллады. Так началась история публикации «Тени Баркова». Издатели то соглашались с Гаевским, то отказывались от мысли об авторстве Пушкина, как, впрочем, позднее отказался от нее и сам В. П. Гаевский.

В 1930-е годы «Тенью Баркова» заинтересовался выдающийся пушкинист Мстислав Александрович Цявловский. Он тщательно изучил известные ему

списки, составил сводный текст, написал обширный комментарий — и историко-литературный, и лексико-фразеологический. Полагая, что «Тень Баркова» сочинена Пушкиным, Цявловский вполне осознавал непристойность этого сочинения, чрезмерно изобилующего похабными словами. В 1970-е годы в московском музее А. С. Пушкина, членом ученого совета которого была Татьяна Григорьевна Цявловская, ходили легенды о подготовке «Тени Баркова» к изданию. Якобы Цявловский для перепечатки текста искал не женщину-машинистку, а непременно мужчину. И еще: женщины на обсуждение работы Цявловского принципиально не приглашались. И Татьяна Григорьевна, у которой был брат-близнец, облачилась в мужской костюм, надела парик и явилась-таки на закрытое заседание. Но (так сообщает легенда) ее выдала очаровательная ножка. Татьяна Григорьевна присела на диван, Сергей Михайлович Бонди обратил внимание на ее ножку и воскликнул: «Ах, шалунья!»

«Тень Баркова» должна была быть напечатана как приложение к первому тому академического собрания сочинений Пушкина, приуроченному к пушкинскому юбилею 1937 года. При этом книга предназначалась исключительно для специалистов, предполагался ее ограниченный тираж — всего 200 экземпляров (по меркам советского времени, когда книги печатались и миллионными тиражами, 200 экземпляров — крайне мало). Но по разным причинам это издание в свет так и не вышло.

В 1990 году в приложении к «Литературной газете» «Досье Л Г» появилась статья «История несостоявшейся публикации». Это был рассказ известного пушкиниста Ильи Львовича Фейнберга, подготовленный к печати его вдовой Маэль Исаевной Фейнберг. Публикация проливает свет на перепетии тома с «Тенью Баркова». Оказывается, сигнальный экземпляр был уже послан в

Главлит. Но... тут арестовали начальника Главлита Сергея Ингулова. К новому начальнику обращаться не стали...

Перед войной, в 1941 году, Цявловский и И. Л. Андроников посетили в Барвихе А. Н. Толстого, читали балладу ему. А в конце войны Цявловскому учительница привезла из Истры еще одну (старинную!) копию «Тени Баркова», под текстом которого стояло имя Пушкина. Оказывается, танкисты нашли эту копию на чердаке. И. Л. Фейнберг рассказывал об этом так:

«Читали друг другу, потом истринским девушкам, за которыми ухаживали. Девушкам поэма так понравилась, когда они увидели подпись «А. С. Пушкин», решили показать рукопись своей бывшей школьной учительнице. Та прочла, очень стесняясь, убедилась, что в собрании сочинений Пушкина эта поэма не напечатана, решила, что это может быть неизвестная (хотя и непристойная) поэма Пушкина, и что она ценна и нужна для науки.

Танкисты согласились выменять ее на два литра водки. Учительница достала (с трудом) два литра и получила редкую рукопись. Она отвезла ее Цявловскому и даже отказалась взять у него два литра водки, какие отдала сама за рукопись»^{372}.

В 1990-е годы «Тень Баркова» под именем Пушкина не раз переиздавалась. Обстоятельная же работа Цявловского, долгое время лежавшая под спудом, была напечатана только в 1996 году в третьем томе журнала «Philologica» вместе с найденным в Российском государственном архиве литературы и искусства списком 1821 года (в подготовке издания участвовали И. А. Пильщиков и Е. С. Шальман). Затем горячие поклонники работы Цявловского, его единомышленники И. А. Пильщиков и М. И. Шапир в 2002 году вновь ее опубликовали, присовокупив к ней свою реконструкцию текста «Тени Баркова» и дополнительные аргументы в

пользу авторства Пушкина в подготовленном ими сборнике «А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы». После выхода в свет этого сборника вновь разгорелись жаркие споры об авторстве сочинения. Непримирым противником утверждения о том, что непристойную балладу написал Пушкин, выступил В. М. Есипов, выдвинув, разумеется, свои аргументы^{373}. Об истории полемики вокруг «Тени Баркова», начиная с первой публикации ее фрагментов В. П. Гаевским, кратко и вместе с тем по существу, написал А. В. Дубровский, к публикации которого во «Временнике Пушкинской комиссии» (Вып. 30. СПб., 2005) мы и отсылаем читателя. Сообщим только, что Пушкин был не единственным автором, которому приписывалось создание баллады. Так, А. Ю. Чернов полагал, что ее автор — А. Ф. Воейков^{374}. С. А. Фомичев считал, что непристойная баллада — плод коллективного творчества лицеистов^{375}. Не рискуем приводить в нашей книге все аргументы pro и contra. В противном случае мы можем погрузить читателя в состояние д'Артаньяна, слушающего богословскую диссертацию Арамиса.

Так все-таки: Пушкин или не Пушкин автор «Тени Баркова»? Мы пока не можем ответить на этот вопрос. Нам остается только дожидаться выхода в свет посвященной «Тени Баркова» фундаментальной монографии Л. В. Бессмертных, подготовленной к печати московским издательством «Ладомир», и только после этого вернуться к обсуждению баллады и ее авторства.

В замечательной книге Юрия Владимировича Стенника «Пушкин и русская литература XVIII века», в заключении первой главы, посвященной его лицейскому творчеству, сказано:

«В целом влияние Баркова на творчество Пушкина было очень ограниченным. В дальнейшем к прямым

попыткам следовать его традициям поэт не обращается, хотя произведения эротического плана им будут создаваться. Достаточно вспомнить сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» (1817–1820) или поэму «Гавриилиада» (1821). В них Пушкин не прибегает к обнажению приемов скабрёзного стиля, а ориентируется скорее на опыт французской фривольной поэзии XVIII века с ее изящной эротичностью, выражающейся в полунамеках и шаловливой двусмысленности положений (К. Ф. Вуазенон, Ж.-Б.-Ж. Грекур, Вольтер и др.). Но это уже совершенно иная традиция»^{376}.

Далее имя Баркова исчезает со страниц книги.

Позволим себе не во всем согласиться с Ю. В. Стенником. Барков и после окончания Пушкиным Лицея присутствует в его творческом сознании, в его разговорах. Ранее мы продемонстрировали это, сопоставив оду Баркова, посвященную Петру III, и «Стансы» («В надежде славы и добра»), адресованные Пушкиным Николаю I. Теперь хотелось бы обратить внимание на стихотворение Пушкина «Поэт идет — открыты вежды». Принято считать, что оно написано в 1835 году и было предназначено для повести «Египетские ночи». Но прежде чем попытаться рассмотреть его в связи с возможным отзвуком в нем поэзии Баркова, — несколько слов о «Послании цензору» 1822 года (при жизни Пушкина оно не печаталось, но распространялось в списках), где названо имя Баркова.

«Послание цензору» обращено к цензору А. С. Бирукову, «гонителю давнему» Пушкина, «угрюмому сторожу муз». Его усердные труды на поприще цензуры Пушкин называл «самовластной расправой трусливого дурака». Это не значит, что поэт отрицает необходимость цензуры. Отнюдь нет. Цензура, по его мнению, необходима, но цензор при этом должен быть гражданином, «блюстителем тишины, приличия и нравов», быть другом писателю. «Благоразумен, тверд,

свободен, справедлив» — вот пушкинский идеал цензора. Свободу печати необходимо регулировать умным свободным цензором. В противном случае при бесцензурной печати книжный рынок рискует быть заваленным прежде всего порнографическими творениями. В черновой рукописи «Послания цензору» сказано:

*Сегодня разреши свободу нам тиснения,
Что завтра выйдет в свет: Баркова сочиненья (II,
366).*

В тексте «Послания цензору» названы «шутливые оды» Баркова. Заметим: оды его — «шутливые». Для Пушкина это непристойная, но всё же шутка. Истинный цензор, по его мнению, «живой поэзии резвиться не мешает» (II, 112). К тому же бесцензурные сочинения не менее известны, чем те, что прошли цензурный контроль и были напечатаны. Небезынтересен контекст, в котором появляется в «Послании к цензору» имя Баркова:

*Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать Закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему,
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали (II, 113).*

Текст Пушкина, на наш взгляд, позволяет отнести шутливые оды Баркова к тем сочинениям, которые

высмеивают нравы. Честь же осмеивания закона и правительства Пушкин отдает Радищеву, «рабства врагу», и самому себе, автору вольнолюбивых стихов, эпиграмм на царя и его приближенных. Впрочем, возможно, в «Послании к цензору» Пушкин рядом с Радищевым и Барковым назвал своего дядюшку-поэта, В. Л. Пушкина, творца непечатной, но чрезвычайно популярной поэмы «Опасный сосед», где есть и остроумная литературная полемика, и живописное бытописание, и сатира на нравы.

Каким образом «Послание к цензору» связано со стихотворением «Поэт идет — открыты вежды»? Думается, темой свободы. В «Послании...» это свобода печати. В стихотворении — свобода творчества. Свобода — одна из главных духовных ценностей Пушкина: политическая свобода, свобода личности, свобода творчества. В повести «Египетские ночи» Чарский, образ которого во многом автобиографичен, дает импровизатору важную для него самого тему импровизации:

«— Вот вам тема, — сказал ему Чарский: — поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением» (VI, 349).

Позволим себе привести стихотворение — импровизацию итальянца полностью:

*Поэт идет — открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его.
«Скажи: зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;*

*Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет».
— Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пенек? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросись ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего (VI, 250).*

А теперь сравним тексты Пушкина и Баркова.

Пушкин:

*Поэт идет — открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его.*

Барков:

*Пошёл бузник — тускнеют вежды,
Исчез от пыли свет в глазах,
Летят клочки vlasов, одежды,
Гремят щелчки, тузы в боках.*

«Ода кулашному бойцу» (81).

Ну и что? Идентичная рифма вежды — одежды. Быть может, это просто культурная память Пушкина, которая дает о себе знать? Быть может. Но возможно и то, что на уровне подтекста Барков таким образом включается в пушкинский текст. Барков, свободно выбирающий темы своих стихов, — один из участников «сладостного союза», связующего поэтов, чуждых по судьбе, но родню по вдохновенью, союза, который объединяет Пушкина и Баркова.

Здесь можно было бы и закончить главу и книгу. Но еще одно, на наш взгляд, небезынтересное наблюдение. Барковская рифма, ставшая рифмой пушкинской, отозвалась в грациозном стихотворении Михаила Кузмина «Прогулка на воде», впервые напечатанном в 1908 году:

*Вся надежда — край одежды
Приподнимет ветерок,
И склонив лукаво вежды,
Вы покажете носок*^{377}.

Что же нам остается? Разве что признать правоту великой Анны Ахматовой:

*Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата*^{378}.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*...вот сейчас, сейчас
Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит, — прости его Господь! —
Прилаживая пышную концовку...{379}*

«Прилаживать пышную концовку» к нашей книге не хотелось бы.

Если мы сумели убедить благосклонного читателя в том, что Барков лучше своей репутации, то будем считать свою задачу выполненной.

Поначалу Барков был для нас лишь тенью, но постепенно стал обретать живые черты.

Обаяние личности нашего героя при всех его грехах (а кто без греха?), его несомненный поэтический дар, обширные знания, потрясающая работоспособность заставляют нас всматриваться в его портрет, вчитываться в его сочинения и переводы, обращаться к отредактированным и изданным им книгам.

Значит ли это, что мы поднимаем Баркова на пьедестал классической литературы? Нет, конечно. Но его веселое матерное слово сказалось в литературной полемике его времени, отозвалось в тексте русской классики. И если Баркову отдавали должное Новиков, Карамзин, Пушкин, отдадим ему должное и мы.

Трагическая судьба Баркова, который, много сделав, не успел осуществиться вполне, рано ушел из жизни, вызывает сочувствие.

Влияние Баркова на дальнейшее развитие нашей литературы и культуры вызывает изумление.

Как жаль, что мы не знаем, где его могила, не можем принести на его могилу цветы.

«Что же из этого следует? Следует жить...»[{380}](#)

И еще — следует продолжить архивные поиски документов, автографов Баркова с тем, чтобы прояснить некоторые страницы его биографии и творчества. Надеемся, что ученые и писатели еще не раз обратятся к Баркову и непременно воскликнут: «Явись, возлюбленная тень!»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Донесения И. С. Баркова в Канцелярию Академии наук

В Канцелярию Академии Наук

Всепокорное прошение.

Просит тоя ж Академии Наук ученик Иван Борков,
а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

Прошлого, 1752 года, Майя 29 числа определен я нижайший к находящемуся в типографии корректору Алексею Барсову для вспоможения ему в поправлении корректур и для записки у него бумаги и прочих материалов, понеже за множеством положенных на него Барсова дел, а имянно, что надлежит до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, такожде и для посторонних его случающихся дел, как то переводу ведомостей и иных, без вспоможения оному одному исправиться было трудно.

2

А минувшаго февраля м<еся>ца 5 числа сего 1753 года по резолюции Канцелярии Академии Наук помянутый корректор Алексей Барсов от должности, касающейся до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, уволен, и оная препоручена определенным для тех дел особым людям г<оспо>д<и>ну инспектору Томилину и наборщику Ивану Ильину, и следовательно он ныне оставлен токмо при исправлении корректорской должности и над типографскими служителями смотрение имеет, что он без труда и без помощи моей исправлять может.

3

И тако я низайший в типографии впредь имею находиться праздно, ибо как объявлено мною, для помянутых обстоятельств и умаления дел лехко может и без помощи моей оной корректор Барсов справляться.

4

А желаю я низайший принять на себя должность бывшего при ассессоре и унтер библиотекаре г<оспо>д<и>не Тауберте канцеляриста Ульяна Калмыкова, которую я свободно отправлять могу, хотя от типографии освобожден и не буду.

5

А понеже в убогом моем нынешнем состоянии определенным мне жалованьем, которого годовой оклад состоит токмо в тритцати шести рублях, содержать себя никоим образом почти не можно, ибо как пищею и платьем, так и квартиры нанять чем не имею.

Того ради прошу Канцелярию Академии Наук, дабы со-благоволено было меня низайшего на помянутого бывшего канцеляриста Калмыкова место определить и притом к окладу моего жалованья прибавить по благоизобретению Канцелярии Академии Наук, и о сем моем прошении решение учинить.

1753 года, Марта дня.

К сему прошению ученик Иван Борков
руку приложил^[1].

В Канцелярию Академии Наук

Всепокорное доношение.

Доносит оной же Академии Копеист Иван Барков
о нижеследующем:

1

Уведомился я именованный, что полученною сего апреля из г<осу>д<а>р <с>твенной Адмиралтейской Коллегии промемориею требуется в типографию морского шляхетного кадетского корпуса справщик, который бы знал российскую грамматику и по латине;

2

А понеже я в рассуждении знания объявленных в той про-мемории грамматики и латинского языка особливую имею к оной должности способность, тако ж и к типографскому поведению нарочито уже приобык, упражнявшись в касающихся к тому делах, наиначе же во исправлении корректур более, нежели полтора года;

3

Того ради, да и для претерпенной мною веема немалой бедности, в коей почти целые три года обращался, всепокорнейше Канцелярию Академии Наук прошу, дабы в порадование мое и во облегчение от оной не лишить меня в сем случае высокой милости, удостоить к определению в помянутую должность, а паче что сим способом малые труды мои в науках втуне остаться не могут, но и сверх того чувствуя толь чрезвычайную милость и пользуясь, елико возможно, приобретенными от Академии плодами учения с непременною благодарностию, по всеподданнической моей рабской должности, о многолетном здравии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВЫ молить Бога неусыпно буду, к тому ж и высокую честь и славу Академии ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА по всей моей возможности наблюдать и прославлять долженствую;

4

Что ж касается до моего исправления в житии, то не довольно еще кажется, чтоб нынешнее мое гораздо исправнейшее против прежнего состояние могло быть о честных моих поступках доказательством, но непременно во всю мою жизнь стараться не премину, дабы и всегда оказывать себя таким, какому надлежит быть трезвому, честному и постоянному человеку.

Апреля " " дня 1754 год<у>.

К сему доношению копеист Иван Барков руку приложил^[2].

В Канцелярию Академии наук

всепокорное доношение.

Доносит Академии ж наук копеист

Иван Барков в нижеследующем.

1

По резолюции Канцелярии Академии наук велено мне быть в доме коллежского советника и профессора господина Ломоносова для переписки Российской грамматики, которая мною и переписана уже двоекратно; да сверх того разных его сочинений в стихах и в прозе том второй, також и других его дел немалое число.

2

А ныне оной господин советник и профессор приказал мне переписывать набело взятую им из Академической библиотеки книгу, называемую Нестера Печерского летописец, коего уже близ половины мною и переписано, токмо продолжать впредь оную без особливаго Канцелярии Академии наук повеления опасаюсь, особливож, имея от оной Канцелярии, порученное мне от давнаго времени, другое дело, а именно Малороссийские права, которая книга мною токмо начата, но за отлучкою моею от Академии в дом его господина Ломоносова продолжаема поныне не была, и ныне находится у меня в целости.

Того ради Канцелярию Академии наук всепокорно прошу, дабы повелено было в рассуждении многих имеющихся у меня разных дел, а особливо для непрерывных и крайних повсядневных моих трудов, ныне быть мне при Академии попрежнему, да и впредь от Академии не отлучать; а ежели Канцелярия Академии наук за благо рассудит соизволит оныя его господина советника Ломоносова дела впредь мне отправлять, тоб повелено было при Академии ж, а не у него господина советника, дабы Канцелярии Академии наук об

означенных моих трудах всегда известно было. И на то
сие мое прошение ожидаю милостивой резолюции.

1756 года мая 2 дня.

К сему доношению копеист Иван Барков руку
приложил^[3].

Приложение 2

«Евгений Онегин» и «Московский Европеец»

(о прозаической пародии на «Роман в стихах»)

Пародия — жанр, представляющий особый интерес для изучения истории литературы. Являясь орудием острой литературной борьбы, пародия с новых позиций ниспровергает старое или же со старых дискредитирует новое. Пародия — всегда оценка; в этом она сближается с критикой. Но пародия шире критики, так как это еще и художественная переработка, художественное осмысление пародируемого произведения. Пародия дает возможность расширить наши представления о восприятии творчества писателя его современниками, позволяет рассмотреть его творческое наследие в живой атмосфере идейной и литературной борьбы его времени.

В XX томе «Библиотеки для чтения» за 1837 г. была опубликована повесть «Московский Европеец», которая еще не привлекала внимания исследователей. Среди современных Пушкину опытов по художественному осмыслению «Евгения Онегина» эта повесть выделяется своей полемичностью по отношению к пушкинскому роману.

Уже первые главы «Евгения Онегина», их успех, споры вокруг них вызвали поток пародий и подражаний. Большинство из них, естественно, написано в стихотворной форме^[4]. Однако «Евгений Онегин» пародировался не только в стихах, но и в прозе. По-видимому, это связано со спецификой жанра пушкинского произведения. «Пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница» (XII, 73). При

комментировании этих слов Пушкина из письма к П. А. Вяземскому обращают внимание на то, что Пушкин указывает на своеобразие стихотворной формы эпического произведения. Но для Пушкина «роман в стихах» был важным этапом его развития и как прозаика: не случайно завершение «Евгения Онегина» в 1830 г. в Болдине совпало с началом его работы над первым законченным прозаическим произведением — «Повестями Белкина». Именно романские особенности «Евгения Онегина» вне зависимости от его стихотворной формы были восприняты прозаиками, которые пытались в своих произведениях творчески осмыслить его тематику, проблематику, образную систему. В целом же прозаические вариации на тему «Евгения Онегина» явились своеобразными откликами на поставленную в пушкинском романе проблему героя времени, в спорах о котором приняли участие А. А. Бестужев-Марлинский, создатели массовой светской повести, автор повести «Московский Европеец».

Романтик Марлинский спорит с реалистом Пушкиным: он не приемлет ни пушкинского героя, «франта, который душой и телом предан моде» (XIII, 149), ни метода его изображения. Декабрист А. А. Бестужев не согласен с тем, чтобы о его поколении судили по Онегину. В повести «Испытание» он делает своего героя (такого же, как Онегин, молодого светского человека) деятелем декабристского плана, разумеется, с поправкой на исторические условия тридцатых годов^[5]. Он критикует пушкинский роман с позиции декабризма.

Авторы массовой светской повести сводят Онегина (по-видимому, бессознательно) до уровня байронического злодея, Татьяну представляют его невинной жертвой, содержание романа исчерпывают любовным треугольником. В данном случае можно говорить о тривиальном восприятии и осмыслении

«Евгения Онегина» вульгарно романтическими писателями^[6].

Иную позицию в споре о «Евгении Онегине» занимает автор повести «Московский Европеец». Его цель — в общественной дискредитации Онегина, в пародировании Пушкина, которое выявляется по ходу повествования.

Повесть начинается описанием московского бала, и на первой же странице автор дает следующий портрет героя, насыщенный ассоциациями с «Евгением Онегиным»: «Близ зеркальных дверей галереи, примыкавшей к гостиной, <...> в готических креслах сидел молодой человек. Лицо его имело странное выражение. Бледное, почти зеленоватое, оно не представляло никакого следа мысли, никакого чувства. Его тусклые, или, лучше, мутные, глаза уже совершенно потеряли блеск, какой обыкновенно бывает у глаз этого возраста. Страсти в них не было, и за исключением золотых очков даже ума в них не было <...> Коротко сказать, лицо его было общее место гостиных. Но странная улыбка, смесь эпиграммы и презрения, лежала на устах его, и по ней можно было узнать, что он был Московский Европеец, один из тех молодых людей, которые еще в чине четырнадцатого класса проглотили всю мудрость и всех женщин. В его стеклянных глазах можно было прочесть неверие в Несторову летопись и в женскую добродетель. Балланш и Бальзак составляли основание его философии: он охотно порицал все отечественное, чтобы казаться умным, хвастал своими победами над обломками нескольких разбитых добродетелей в чепчиках, чтобы прослыть разочарованным, либеральничал в гостинном дворе и придерживался правил чистого деспотизма со своими любовницами и лакеями»^[7].

Пушкин в романе неоднократно подчеркивает странность своего героя, говорит о ней и косвенно, и

прямо: поэту нравятся черты Онегина, его странность; Онегин для него «спутник странный» (VI, 189). В повести мотив странности героя также выделен: лицо его «имело странное выражение», на устах его «странная улыбка».

Пушкин упоминает об эпиграмматическом даре Онегина, который «имел счастливый талант» возбуждать «улыбку дам» «огнем неожиданных эпиграмм». Поэт признается, что он привык к «мрачной злости» онегинских эпиграмм, к тому, что Онегин «людей, конечно, знал И вообще их презирал». В повести улыбка героя определяется как «смесь эпиграммы и презрения».

«Он рыться не имел охоты В хронологической пыли Бытописания земли» (IV, 7), — говорит об Онегине Пушкин. Герой повести «не верил в Несторову летопись».

Следуя за пушкинским описанием Онегина, автор повести пишет и о любовных похождениях своего героя, его разочарованности, европеизме и либерализме. Но это сближение подчинено пародийной задаче. Опираясь на пушкинский текст, автор повести ставит иные смысловые акценты, призванные развенчать онегинские черты в его герое.

Так, если у Онегина «резкий охлажденный ум», если он знал «страстей игру» (VI, 23), то в глазах героя повести не было «страсти», «даже ума в них не было»; Московский Европеец лишь хочет казаться умным. Герой повести не разочарован, подобно Онегину; он стремится «прослыть разочарованным». В сниженном пародийном плане трактуется в повести и «наука страсти нежной». Светские красавицы, над которыми одерживал победы Онегин, заменены «несколькими разбитыми добродетелями в чепчиках»; победой над ними «хващает» Московский Европеец.

Вывернута наизнанку и ориентация Онегина на европейскую культуру: она оборачивается порицанием всего отечественного. Пародируется и либерализм Онегина. Если Онегин переводит своих крестьян с барщины на оброк, занят либеральными преобразованиями в деревне, то герой повести «либеральничал в гостинном дворе» и к тому же «придерживался правил чистого деспотизма со своими любовницами и лакеями».

Онегин — недюжинный человек, автор повести делает Московского Европейца «общим местом гостиных».

Описание героя повести завершается резюмирующей репликой автора: «Впрочем, добрый малый», отсылающей к пушкинским словам об Онегине: «Иль просто будет добрый малой, Как вы да я, как целый свет?» (VI, 168).

Однако у Пушкина «добрый малый» — одно из возможных в свете толкований Онегина, но не исчерпывающая авторская оценка героя. Слова о «добром малом» ироничны, так же как и представление об Онегине как об «ученом малом», именно так воспринимаемом в свете. Для Пушкина Онегин — «добрый приятель», но не «добрый малый». «Добрым малым» Пушкин называет Дмитрия Ларина, заурядного помещика; также и Алексей Берестов, байронизм которого был модной маской, в сущности был «добрым и пылким малым» (VIII, 116), с румянцем во всю щеку. Автор повести, называя своего героя «добрым малым», подчеркивает его заурядность. Он намечает характер Московского Европейца, отталкиваясь от пушкинского героя. Онегин разочарован в жизни и озлоблен. Но если озлобленность Онегина — важнейшая черта его личности, свидетельство его незаурядности^[8], то Московский Европеец откровенно смешон: «Он был

смешон, а не зол, и своей репутации вредил больше языком, чем поступками».

Онегин способен на решительные поступки, и именно они создают ему репутацию сумасброда и фармазона в глазах соседей помещиков. Молва нарекает его «опаснейшим чудаком» и приписывает ему самые разные грехи:

*«...он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Все да, да нет; не скажет да-с,
Иль нет-с». Таков был общий глас. (VI. 33).*

С «оглядкой» на этот пушкинский текст рисуется в повести Московский Европеец: «Московские старушки, видя, как он пьет шампанское стаканами, провозгласили его опасным человеком^[9]. Московские барышни, слыша его отзывы о браке, почерпнутые живьем из романов госпожи Санд, ужасались его как изверга. Московские мужчины, уходя от его либеральных фраз, пожимали плечами и говорили: «Видно не удалось попасть в камер-юнкеры»»^[10].

Сюжетное развитие повести напоминает пушкинский роман, хотя не во всем совпадает с ним. Светская барышня Лиза — вариант Ольги Лариной; Зинаида по своему облику напоминает Татьяну. Лиза влюблена в Европейца, он отвечает ей взаимностью. О чувствах героя во время беседы с Лизой автор повести рассказывает с его слов, используя прием несобственно-прямой речи. Эту речь он иронически интерпретирует, прозаически снижая своим комментарием возвышенно романтическую, почерпнутую из модной романтической литературы фразеологию героя. Дополнительные штрихи к образу героя создаются перечислением книг,

которые он читал. Круг чтения Онегина (произведения английского и французского романтизма, поэмы Байрона и романы, «в которых отразился век и современный человек изображен довольно верно») заменен в повести произведениями Бальзака, воспринимаемого русской читающей публикой в качестве представителя неистовой французской словесности, Балланша, французского публициста-мистика, а также Жорж Санд. Пропагандируемые ею идеи женской эмансипации воспринимались в штыки редактором, писателями и читателями «Библиотеки для чтения».

Нарисовав портрет героя, дав ему пародийную характеристику, автор повести объявляет его имя — Борков, которое намекает на известного поэта XVIII в. Ивана Баркова, автора виртуозных, но непечатных пародий^[11]. Это имя накладывает отпечаток непристойности и на поведение героя. Соблазнив в свое время Зинаиду (в повести эта героиня — жена и мать семейства), Борков переключает внимание на Лизу. Дальнейшее развитие событий связано с пародийным переосмыслением сюжетных ситуаций пушкинского романа. Вот как описывается возвращение Боркова с бала: «...меховой плащ упал с плеч его, а шляпа полетела в угол и разбила вдребезги гипсовый бюст Наполеона.

— Раздевай меня, дууурак! — закричал он со злостью сквозь зубы камердинеру, который между тем зажигал свечи.

По бюсту Наполеона и по этому благосклонному обращению к слуге вы уже узнали Московского Европейца. Нечего таиться, это был он! Долг верного историка возлагает еще на меня печальную обязанность прибавить, что в наказание шляпы за то, что она разбила бюст великого человека, который сжег Москву, камердинер получил оплеуху в левую щеку, плюс

таковую же в правую, в то самое время как этот самоед имел честь снимать сапоги Европейцу»^[12].

В повести «Московский Европейец» бюст Наполеона — деталь, которая пародийно обыгрывается. Она воспринимается как указание на Онегина, кабинет которого украшал «столбик с куклою чугунной». Но если у Пушкина эта деталь художественно многозначна, то в «Московском Европейце» она сведена к одному значению: Борков поклоняется человеку, величие которого определяется лишь тем, что он сжег столицу России Москву.

В пародийную систему повести включается и образ Аполлона Михайловича Луцкого, двойника Ленского. Ленский — «поклонник Канта и поэт» (VI, 33). Луцкий — поклонник Шеллинга; его имя Аполлон, бог поэзии. У Ленского — «кудри черные до плеч» (VI, 34). Упоминанием о длинных волосах Луцкого начинает автор повести его карикатурное описание: «Ежели вы когда-нибудь видели человека с длинными волосами, с глазами голубыми, как небо в Петербурге, то есть прекрасного серого цвету, и всегда потупленными, с лицом бледным и длинным, одетого небрежно, с тихою походкою, задумчивого, одинокого, бегущего людей и особенно женщин, то вы наверное видели Аполлона Михайловича. Это представитель другого рода московских оригиналов. Борков был Европейец. Аполлон Михайлович — умозритель. Тот — философ на манер юной французской словесности. Этот — отчаянный шеллингист»^[13].

Пушкин ироничен по отношению к Ленскому, но в то же время относится к нему с симпатией, сочувствием. Автор повести смеется над Луцким.

По замыслу Зинаиды Луцкий должен вызвать Боркова на дуэль. Зинаида без труда уговаривает его вступить за честь Лизы. Луцкий умозрительно воображает себя ее женихом, мужем, отцом ее детей и

едет к коварному соблазнителю. Но в отличие от пушкинского романа в повести дуэль не состоится. Луцкий, узнав о чистоте намерений испуганного до смерти Боркова, уступает ему Лизу. В финале повести герои окончательно развенчиваются. Борков женится на Лизе, Зинаида берет в любовники Луцкого, и так как муж отказывается от нее, разоряет Луцкого, лишая его имени. Снимая трагический ореол с самой ситуации, автор пародийно снижает пушкинские образы.

Автор повести «Московский Европейец» неизвестен. Однако литературный материал «Библиотеки для чтения», где была напечатана эта повесть, дает возможность выдвинуть следующую гипотезу.

За два года до публикации «Московского Европейца» в «Библиотеке для чтения» появилась повесть М. Н. Загоскина «Три жениха», герой которой Владимир Иванович Верхоглядов напоминает Боркова. Во многом сходны и приемы их изображения.

О Верхоглядове говорят, «будто он самый пустой человек, будто у него нет никаких правил; будто он на словах сумасшедший либерал, а на деле трехбунчужный паша; будто он толкует беспрестанно о потребности века, высших взглядах, о правах человечества и разоряет своих крестьян»^[14].

Так же как и Борков, Верхоглядов — либерал на словах и деспот на деле, своего рода маленький Наполеон: недаром в его кабинете «везде на окнах, в простенках, на столах» расставлены бюсты и статуи Наполеона, «большие, маленькие бронзовые, фарфоровые, из слоновой кости, во всех видах и положениях»^[15].

Верхоглядов толкует о необходимости европейского просвещения в России; он, как и Борков, — Европейец: «Вы знаете, что я либерал, европейец»^[16].

У Верхоглодова, как и у Боркова, странная улыбка, «горькая байроновская улыбка, о которой так много

говорят новейшие французские писатели»^[17].

На основании подобных совпадений можно предположить, что М. Н. Загоскин мог быть и автором «Московского Европейца».

«Московский Европейец» не противоречит идейной направленности творчества М. Н. Загоскина, тяготевшего к официальной народности. «Загоскин, — пишет С. Т. Аксаков, — проводил русское направление, как он понимал его, везде, во всяком сочинении, и восставал, сколько мог, против подражания иностранному»^[18].

Отмечает С. Т. Аксаков и враждебность М. Н. Загоскина к «метафизическому» направлению: «В прежнее время, когда это направление было в ходу, он врезывался иногда с Русским толком и метким Русским словом, в круг людей, носившихся в туманах немецкой философий, и не только все окружающие, но и сами умствователи, внезапно упав с холодных и страшных высот изолированной мысли, предавались веселому смеху»^[19]. Враждой к европеизму и шеллингианству проникнута и повесть «Московский Европейец».

Следует принять во внимание и еще одно обстоятельство: в 1817 г. Загоскин написал прозаический очерк «Добрый малый», а в 1820 г. — комедию того же названия. В обоих случаях «добрый малый» представлен как «обманщик, лгун, дрянной муж, пьяница и бесчестный человек», но тем не менее, как заявляет автор, «что ни говори, а он доброй малой»^[20]. «Добрый малым» объявлен и Борков.

Сопоставление повести «Московский Европейец» с творчеством М. Н. Загоскина позволяет высказать предположение о возможном прототипе Боркова.

Ю. М. Лотман указывает на Верхоглядова, героя повести М. Н. Загоскина «Три жениха», как на образ, в который, «по всей вероятности, введены грубо

шаржированные черты Чаадаева»^[21]. Повесть «Три жениха» была написана Загоскиным незадолго до комедии «Недовольные», которая была создана по заказу Николая I и направлена против Чаадаева^[22]. Герой «Недовольных» Радугин, пародирующий Чаадаева, во многом близок и Верхоглядову, и Боркову. Это — пошлый фат, бессовестный и бесчестный человек и, конечно же, «Европеец», порицающий все отечественное. Можно предположить, что Верхоглядов, Радугин, Борков в разной степени соотносятся с Чаадаевым как с реальным прототипом.

В образе Боркова в пародийной форме нашли отражение факты биографии Чаадаева, черты его личности, его мировоззрения. При этом в первую очередь пародировался его портрет, по характерным особенностям которого читатель мог узнать портретируемого: автором повести особо выделены необыкновенная бледность, стеклянные глаза Московского Европейца.

К Чаадаеву восходит деталь убранства комнаты Боркова — бюст Наполеона. Из «Записок» Ф. Ф. Вигеля известно, что изображение Наполеона, так же как и портрет Байрона, находилось в кабинете Чаадаева^[23].

С Чаадаевым, которому было отказано в его прошении поступить на государственную службу, связано и указание повести на то, что Боркову не удалось попасть в камер-юнкеры. В «Недовольных» также обыгрывается это обстоятельство: Радугин, несмотря на все усилия, так и не смог стать товарищем министра. В «Московском Европейце», пародирующем «Евгения Онегина», назван придворный чин Пушкина — камер-юнкер.

Возможно, с личностью Чаадаева в повести «Московский Европеец» связано и упоминание Шеллинга, с которым Чаадаев был знаком и состоял в переписке^[24]. Нельзя забывать, что «Московским

Европейцем» мог быть назван человек, проживающий в Москве, что опять-таки подходило к Чаадаеву. Одиозная фигура последнего окружалась легендами и сплетнями, причем толки о нем вспыхнули с новой силой после публикации в сентябре 1836 г. его «Философического письма»^[25] (повесть «Московский Европейец» появилась в январе 1837 г.).

Итак, повесть «Московский Европейец» включается не только в литературную полемику, но и в идейно-политическую борьбу 30-х годов XIX в. Это не только спор с Пушкиным, автором «Евгения Онегина», но и прежде всего выпад против Чаадаева, автора «Философического письма».

То обстоятельство, что Чаадаев пародируется в сюжетной и образной схеме пушкинского романа, представляется неслучайным и требует специального внимания.

Пушкин сам сближает своего героя с Чаадаевым:

*Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт. (VI, 15).*

Но дело здесь, конечно, не в шутливом сопоставлении франта Онегина с франтом Чаадаевым, изысканная манера одеваться которого была известна его современникам. Как справедливо заметил Г. П. Макогоненко, имя Чаадаева в пушкинском романе становится именем-сигналом^[26]. Чаадаев — человек онегинского типа, представитель широкого движения декабризма, так называемый «декабрист без декабря». Озлобленность, скептицизм — все это сближало Онегина с Чаадаевым, сближало настолько, что даже Пушкин ощутил возможность их отождествления. Но Онегин —

тип, а не портрет Чаадаева, не его подражание. И об этом Пушкин счел нужным заявить в своем романе:

*Кто ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексион?
Уж не пародия ли он? (VI, 149).*

Из предполагаемых вариантов осмысления Онегина как героя подражающего любопытно определение «москвич в Гарольдовом плаще». Почему москвич? Онегин «родился на берегах Невы» (VI, 6), он петербуржец, а не москвич. Н. Л. Бродский не комментирует эти слова^[27]. С. М. Бонди объясняет их так: «Москвич в Гарольдовом плаще — русский помещик, разыгрывающий из себя разочарованного героя байроновской поэмы «Странствования Чайльд-Гарольда»»^[28]. Но «Москвич в Гарольдовом плаще» — это и москвич Чаадаев, байронизм которого был известен читателям «Евгения Онегина».

В связи с гипотезой о том, что автором «Московского Европейца» мог быть М. Н. Загоскин, небезынтересно остановиться на его полемике с Пушкиным, которая велась им на протяжении нескольких лет и в которую включается и рассматриваемая повесть.

В 1823 г. было опубликовано выступление М. Н. Загоскина против Пушкина и поэтов пушкинской плеяды — «Послание к Людмилу», по словам П. А. Вяземского, «площадное, плоское по мыслям и стихосложению»^[29]. Поклонник романтической поэзии, собутыльник модных поэтов Людмил собирается стать сочинителем, и автор советует ему описывать всегда

Души растерзанной все бури и ненастья,

Цвет жизни молодой — грядущего обет,
Бывалые мечты, а пуще сладострастье^[30].

Стрелы М. Н. Загоскина нацелены в романтические поэмы Пушкина. Наставляя Людмила, он пишет:

Короче, модных слов, талантом освещенных,
Будь полным словарем^[31].

Пушкин ответил М. Н. Загоскину на его «Послание к Людмилу» в седьмой главе «Евгения Онегина», в уже цитированной нами строфе. Он иронически предвидит, что его герой Онегин может быть ошибочно истолкован как «слов модных полный лексикон» (VI, 149), т. е. здесь почти дословное повторение слов Загоскина: «модных, слов <...> будь полным словарем», но повторение, освещенное насмешкой Пушкина. Стрела, пущенная Загоскиным, вернулась к нему самому.

Спор с Пушкиным был продолжен М. Н. Загоскиным в 1831 г. в романе «Рославлев», наполненном сюжетными, образными и стилистическими параллелями и контрастами по отношению к «Евгению Онегину»^[32]. Идейным же центром полемики в данном случае стал образ героини. Загоскин развенчивает эстетический и нравственный идеал Пушкина — Татьяну Ларину: в его романе литературным ее двойником является Полина Лидина, которой отказано в патриотическом чувстве. За образец русской женщины-патриотки автором «Рославлева» выдается ее сестра Ольга — улучшенный вариант Ольги Лариной.

Пушкин откликнулся на «Рославлева» М. Н. Загоскина, полемически заострив свой ответ. Пушкинский «Рославлев» — «отрывок из неизданных записок дамы»: подруга Полины, прочитав роман М. Н. Загоскина, выступает «защитницею тени». Квасному патриотизму русского дворянства, который «ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками против Кузнецкого моста и

тому подобным»^[33] (VIII, 152-153), Пушкин противопоставляет истинную любовь Полины к родине и народу; знание французского языка и французской литературы не мешает Полине быть патриоткой.

Полемика о героине времени в тридцатые годы была неслучайной. После разгрома декабрьского восстания в 1825 г., когда наступила реакция, когда либеральное дворянство отрекалось от декабристов, среди которых были и друзья, и родственники, героинями стали жены декабристов, разделившие их участь.

Не менее важным в эпоху тридцатых годов был и вопрос о герое времени. Автор повести «Московский Европейец» выступил оппонентом Пушкина — автора «Евгения Онегина». Он стремился дискредитировать пушкинского героя в его общественном значении, снизить этот образ.

Пушкин не ответил на «Московского Европейца». 29 января 1837 г. его не стало. В следующем, XXI томе «Библиотеки для чтения» появилось извещение о его смерти.

Почему «Библиотека для чтения» поместила «Московского Европейца»? Если учесть, что редактор журнала О. И. Сен-ковский уже видел в Пушкине издателя «Современника», конкурента в борьбе за рынок сбыта журнальной продукции, и к этому времени он уже выступил на страницах своего журнала с пасквилями на Пушкина, а сам журнал продолжал сохранять официальное направление, — если все это принять во внимание, то публикация «Московского Европейца» в «Библиотеке для чтения» становится попятной.

«Московский Европейец» не включен в перечень сочинений М. Н. Загоскина. С 1842 г. М. Н. Загоскин начинает издавать сборники «Москва и Москвичи» (вышло четыре выпуска, пятый готовился к печати). Это сборники очерков, повестей, заметок о московской

жизни, быте и нравах москвичей. Среди набросков типов отставной столицы есть и московские европейцы, во многом напоминающие Боркова. «Московский Европейец» по теме, жанру и стилю органично вписался бы в один из загоскинских сборников. Но этой повести в них нет. Возможно, создатель «Московского Европейца» решил скрыть свое авторство, так как после смерти Пушкина началась официальная канонизация образа великого поэта. В XXI томе «Библиотеки для чтения», т. е. в томе, следующем за тем, где был напечатан «Московский Европейец», О. И. Сенковский поместил прочувствованную статью Н. А. Полевого о Пушкине. В XXVII томе в рецензии на третий том пушкинских сочинений О. И. Сенковский — автор пасквилей на Пушкина восклицал: «Враги Пушкина! Где же они теперь? Я вижу теперь одних только восторженных обожателей Пушкина. Великое дело смерть для человека с истинным дарованием! Если б Пушкин мог встать из своей бессмертной могилы, он наверное между этими восторженными обожателями своего гения с изумлением узнал бы знакомые зловещие лица злейших своих зоилов прежнего времени»^[34].

Публикуется по: Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и «Московский Европейец» (О прозаической пародии на «Роман в стихах») // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 215-223.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. С. БАРКОВА

1732 — в Петербурге в семье священника Баркова родился сын Иван.

1744 — поступил в духовную семинарию при Александро-Невском монастыре в Петербурге.

1748, 24 апреля — экзаменован М. В. Ломоносовым, отбравшим семинаристов для учебы в Академическом университете в Петербурге.

27 мая — на основании «Доношения» Ломоносова в Академическую канцелярию зачислен в университет со студенческим жалованьем.

1751, 25 мая — исключен из числа студентов, определен учеником наборщика в Академическую типографию с разрешением посещать занятия в университете.

1753, 2 марта — назначен копиистом (переписчиком) Академической канцелярии.

1755, февраль — прикомандирован к Ломоносову для переписки его бумаг.

1756 — вел письменные дела президента Академии наук К. Г. Разумовского.

1757— принял участие в полемике вокруг «Гимна бороде» Ломоносова.

1759 — начал работать над подготовкой «Нестеровой летописи» к печати, летопись издана в 1767 году без указания его участия.

1750-е — будучи студентом, перевел «Войну Катилинину» Саллюстия.

Сочинял широко распространявшиеся в списках «срамные стихи» — пародийные оды, басни, элегии, песни и др.

1762, февраль — по поручению Академии наук написал оду на день рождения Петра III, которая была напечатана и поднесена императору.

13 февраля — назначен переводчиком Академии наук. Перевел с немецкого перевода Я. Штелина драму итальянского драматурга Лодовико Лазарони «Мир героев», изданную и поставленную в июне на сцене придворного театра. Подготовил к печати и издал «Сатиры» Антиоха Кантемира, включив в издание написанное им «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира».

Написал «Краткую российскую историю», которая была напечатана без имени автора как приложение ко второму изданию «Сокращенной универсальной истории» немецкого педагога Гилмара Кураса.

1763, 5 июня — представил в Академическую канцелярию выполненный им по собственной инициативе перевод с латинского языка сатир Квинта Горация Флакка, который вышел в свет в августе с составленными им примечаниями и «Житием» римского сатирика.

1764 — перевел с латинского языка басни Федра, напечатанные с присовокуплением написанного им «Жития» баснописца.

1766 — перевел «Сокращенную универсальную историю» датского историка Людовика Гольдберга, расширив раздел, посвященный русской истории.

22 мая — уволен из Академии наук.

1768 — умер в Петербурге.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иванъ Тургеневъ

Императрица Елизавета Петровна.

И. Штенглин с оригинала Л. Каравакка. 1741 г.

Зал Библиотеки Академии наук в Кунсткамере.

Гравюра из книги «Палаты академии наук...». 1741 г.

Вид на Кунсткамеру и палаты Академии наук со стороны Зимнего дворца.

Гравюра М. И. Махаева. 1750-1752 гг.

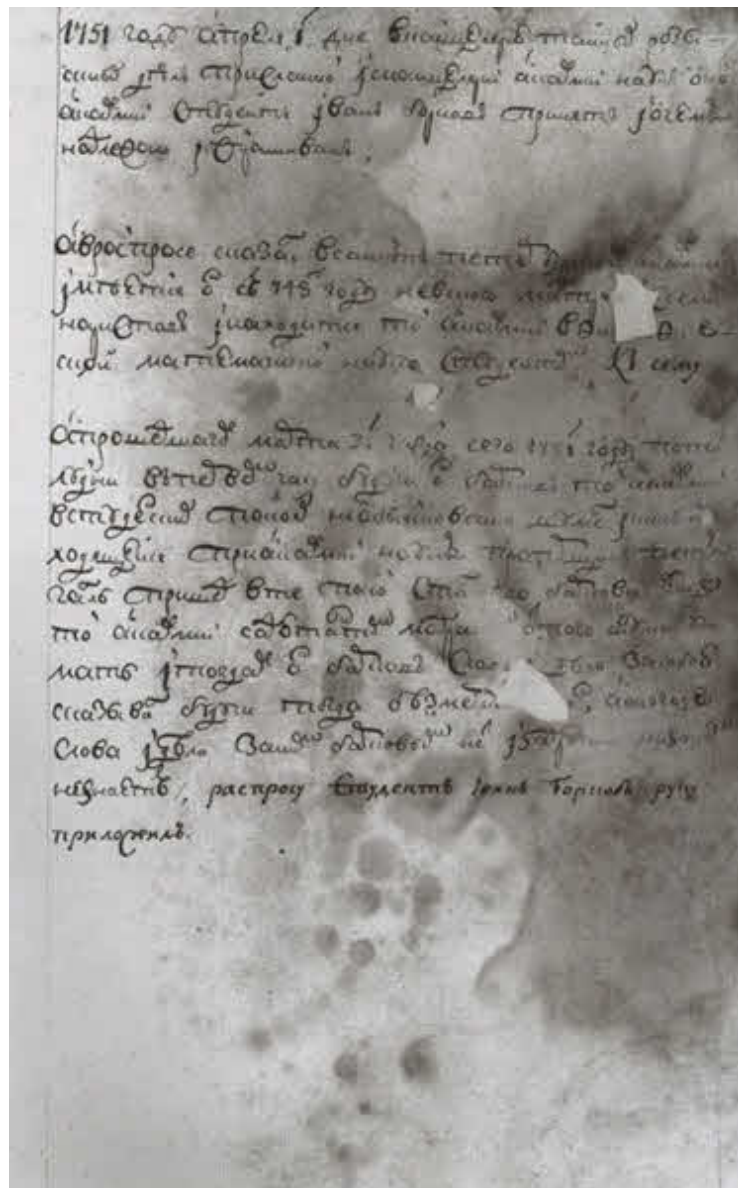
Ломоносов.

Гравюра А. Андреева по рисунку И. Переливкина. Конец XVIII в.

Дом М. В. Ломоносова на Мойке.

Акварель XIX в.

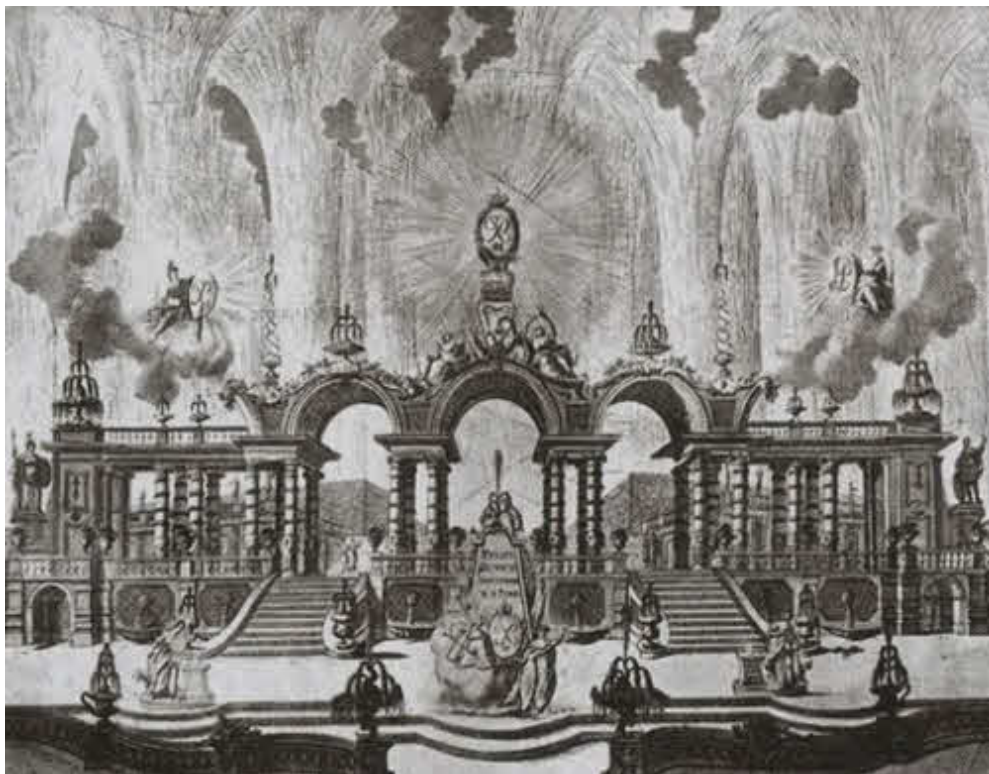
**Дело о студенте Академии наук Иване Баркове, сказавшем за собой
«слово и дело» в пьянстве».**

РГАДА. Ф. 7. Д. 1475. Л. 3. Публикуется впервые

Император Петр III Федорович.

***Гравюра неизвестного автора с оригинала Г. Х. Гроота.
Середина XVIII в.***

Изображение фейерверка в Царском Селе в честь дня рождения императора Петра III, самодержца Всероссийского. 10 февраля 1762 г.

Високоблатородний и високопочтєвний
Грнв Профессоръ,

Милостивий Богъ !

Я вѣдѣю славами болѣе, и дѣломъ пору-
чкѣю мнѣ отъ васъ дѣло само откликни-
те мнѣ, въ зѣлѣхъ крайнѣйшѣ прошу васъ
Високоблатородіе мнѣ иѣтихити. При сѣ-
пріемлѣ сѣмѣлоу на помѣнутахъ вашѣмъ
Високоблатородіе, зѣмо оспавишѣ зѣмѣ-
спѣтратѣ, зѣтѣли отпѣнѣтѣ, сѣмѣлѣмоу
мнѣ прапѣноу Россійскоу исторіи мнѣ
спѣхалопатѣ въспратѣтѣ, иѣо в дѣлова
орѣвѣкала мѣ мнѣ, а на мѣтѣлѣ охѣ
проросѣхатѣ далѣе. въспратѣтѣ въ зѣво-
зѣмѣхъ мѣтѣлѣхъ мѣтѣлѣхъ

Вашѣо Високоблатородіе
Милостивѣло Богъ

Г. 2. Маѣ
1761.

Вѣспономѣнъ сѣмѣлоу
Грнв Профессоръ Иѣанъ Барковъ.

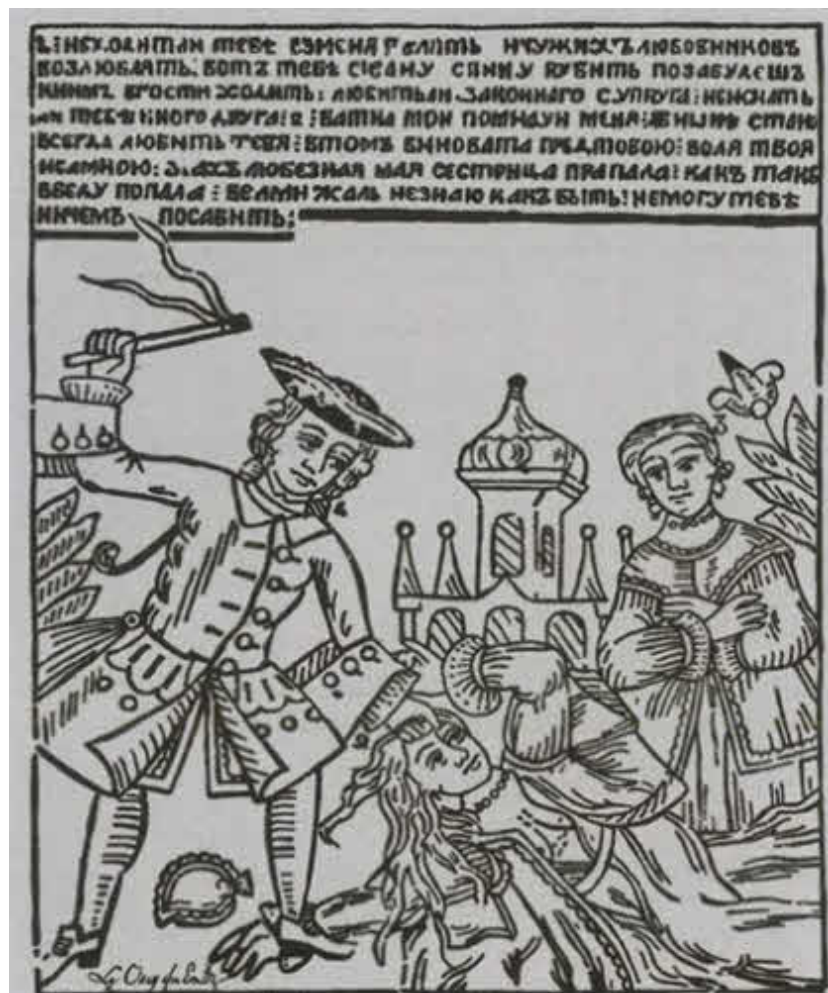
Письмо И. С. Баркова Г.-Ф. Миллеру.

2 мая 1761 г. РГАДА. Ф. 199. Оп. 546. № 13

Женская баня.

Русский лубок XVIII в.

Битье жены за измену.

Гравюра XVIII в.

Цирюльник хочет стричь бороду раскольнику.

Гравюра на дереве. Первая четверть XVIII в.

Шут и шутиха.

Гравюра на меди Д. Иванова. Вторая половина XVIII в.

Квинша Горація Флакка
САТИРЫ

или

БЕСѢДЫ
съ примѣчаніями,
съ Латинскаго языка

переложенныя

Россійскими Стихами

Академіи Наукъ Переводчикомъ

Иваномъ Барковымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Императорской Академіи Наукъ. 1763 года.

«Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы, с примечаниями, с латинского языка переложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым». Санкт-Петербург, 1763 г.

Удалые молодцы, добрые борцы.

Гравюра на дереве. XVIII в.

Наказание плетью крепостного крестьянина.

Гравюра Х.-Г. Гейслера. 1805 г.

Граф Григорий Григорьевич Орлов.

Неизвестный художник. 1760-е гг.

Граф Алексей Григорьевич Орлов.

Неизвестный художник. 1770-е гг.

Кулачная борьба.

Гравюра Х.-Г. Гейслера. 1805 г.

Александр Петрович Сумароков.

Гравюра Н. Саблина с оригинала И. Перельшина. 1780-1781 гг.

Василий Кириллович Тредиаковский.

Гравированный портрет работы А. Я. Калпашникова. 1775 г.

Василий Львович Пушкин.

Гравюра С. Галактионова с физионоотраса Э. Кенеди

Александр Пушкин.

Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

«О, юность, время скоротечно... / Приди опять, как ты была!»

Рисунок Ю. Иванова

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Основные издания сочинений и переводов И. С. Баркова

Ода на всерадостный день рождения Его Величества благочестивейшего государя Петра Федоровича, Императора и Самодержца Всероссийского и проч, и проч, и проч., сочиненная Иваном Барковым. СПб., 1762.

Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. В кн.: Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием жизни. СПб., 1762.

Краткая российская история. В кн.: Гилмара Кураса Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время, со многими пополнениями вновь переведенная и с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. СПб., 1762.

Мир героев. Драмма на музыке, представленная во время торжества благополучно заключенного мира между Его императорским величеством Петром Третьим самодержцем Всероссийским и прочая, и прочая, и прочая и Его величеством Фридериком Третьим королем Прусским Курфирстом Бранденбургским и прочая, и прочая, и прочая. Июня дня 1762 года. Италианское сочинение г. доктора Лудовика Лазарони венецианина; музыка придворного капельмейстера Манфредини; переложение российскими стихами переводчика Ивана Баркова. СПб., 1762.

Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы, с примечаниями, с латинского языка переложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб., 1763. В книгу включено

«Житие» Квинта Горация Флакка, написанное Барковым, и составленные им примечания.

Федра, Августа отпущенника, Нравоучительные басни с Езопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами переложенные, с приобщением подлинника, Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб., 1764. В книгу включено написанное Барковым «Житие Ферово».

Людовика Голберга Сокращение универсальной истории, сочиненная вопросами и ответами; с латинского языка переведено Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб., 1766.

Переводы с латинского и шведского языков. Случившееся во времена императора Марка Аврелия Римского и Каролуса 12 швецкого. СПб., 1786.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. с биографическим очерком автора. СПб., 1872.

Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Издание подготовили А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992.

Барков И, С. Полное собрание стихотворений / Вступит, ст., сост., подг. текста и прим. В. Сажина. СПб., 2004.

Литература о И. С. Баркове

Битов А. Барак и барокко (Барков и мы). В кн.: *Барков И. С.* Девичья игрушка. СПб., 1992.

Добрицын А. А. «Девичья игрушка» и «Cabinet Satyrique». В кн.: Пушкин А. С. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002.

Зорин А. Иван Барков — история культурного мифа. В кн.: *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова.* М., 1992.

Зорин А., Сапов Н. Обзор рукописных сборников барковианы. В кн.: *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова.* М., 1992.

Кибальник С. А. Пушкин, Лермонтов, Барков (Невидимая часть русского юмора). В кн.: *Кибальник С. А.* Пушкин: лики и «отраженья». СПб., 2014.

Кулябко Е. С. Барков Иван Семенович. В кн.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы академического университета. Л., 1977.

Кулябко Е. С., Соколова Н. В. И. С. Барков — ученик Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 6. М.; Л., 1965.

Макогоненко Г. П. «Враг парнасских уз» // Русская литература. Л., 1964. № 4.

Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года // Русская литература. Л., 1967. № 2.

Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Барков (Борков). В кн.: Русские писатели. XVIII в. Биобиблиографический словарь. А — Я / Сост. С. А. Джанумов. М., 2002.

Сапов Н. Иван Барков: биографический очерк. В кн.: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М., 1992.

Сапов Н. Рукописная и печатная история Баркова и барковианы. В кн.: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М., 1992.

Степанов В. П. Барков Иван Семенович. В кн.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А — И). Л., 1998.

Шапир М. И. Барков и Державин: Из истории русского бурлеска. В кн.: А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002.

Шруба М. Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1996. № 14.

Шруба М. «Девичья игрушка» и французские сборники фривольной поэзии XVIII века // Новое литературное обозрение. 2003. № 60.

INFO

Михайлова Н. И.

М 69 Барков / Наталья Михайлова. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 266[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1763).

ISBN 978-5-235-04208-7

УДК 821.161.1.0(092)

ББК 83.3(2Рос=Рус)

знак информационной продукции 16+

Михайлова Наталья Ивановна
БАРКОВ

Редактор *А. Ю. Карпов*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. Б. Рябикова*

Сдано в набор 03.09.2018. Подписано в печать 18.09.2018. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1817320.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**С. Б. Дашков
ЮСТИНИАН**

Очередной том серии посвящен императору Юстиниану I, правившему Византийской державой в середине VI века. Автор в увлекательной, отчасти беллетризованной форме повествует о трудах и свершениях одного из самых замечательных правителей в истории Раннего Средневековья. Строитель Святой Софии, создатель свода законов, заложившего основы всего европейского законодательства, он ценой невероятного напряжения сил сумел восстановить былое могущество Римской империи, поставив под власть Константинополя Италию, часть Испании, Северную Африку. Как показывает автор, жизнь Юстиниана — яркий пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

В книге представлен сжатый очерк истории Византийской империи до Юстиниана, показаны многие черты быта византийцев, даны яркие портреты современников императора — его супруги Феодоры, сумевшей подняться к вершинам власти с самых низов общества; блестящего полководца Велисария; историка Прокопия Кесарийского, исполненного тайной ненависти к императорской чете, а также многих других.

В. В. Балашова
ВАНГА

Жизнь знаменитой болгарской пророчицы Ванги — это рассказ о женщине, которая вынуждена была начать делать предсказания, просто чтобы заработать на пропитание, но впоследствии так и не смогла оставить данное занятие. Ванга пережила голод, нищету и болезни. Однако, когда в ее дом пришел достаток, слишком многие захотели воспользоваться этим. Незрячая женщина не познала ни счастья в личной жизни, ни удовлетворения от своей работы, ни человеческого тепла. Она умирала полностью разочарованной в людях, с горечью осознавая собственное одиночество. Активно давая советы окружающим, Ванге не удалось справиться со своими проблемами, предсказать себе более счастливую судьбу. Невыносимым бременем назвала пророчица свою жизнь, полную лишений и страданий.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сергеева-Клятис «КОМИССАРЖЕВСКАЯ»
К. Супоничкая «ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН»
М. Залеская «ЛЮДВИГ II»
К. Ковалёв-Случевский «ЕВДОКИЯ МОСКОВСКАЯ»
А. Васькин «ШУХОВ»
Ш. Казиев «РАСУЛ ГАМЗАТОВ»
В. Балашова «ВАНГА»
С. Дашков «ЮСТИНИАН»
Л. Кириллина «ГЛЮК»
А. Горбунов «ВИКТОР МАСЛОВ»
М. Кушников «МЕЙЕРХОЛЬД»
В. Антонов «ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ»

notes

Примечания

ААН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 175 (Материалы Канцелярии АН; текущие дела за март 1753 г.). Л. 526-526 об. Печатается по: Сапов Н. Иван Барков: биографический очерк. В кн.: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М., 1992. С. 22-23.

Там же. Ед. хр. 187 (текущие дела за апрель 1754 г.).
Л. 41-42 об. Печатается по: Сапов Н. Иван Барков:
биографический очерк. В кн.: Девичья игрушка, или
Сочинения господина Баркова. М., 1992. С. 25.

ААН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 281-281 об. Печатается по:
Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература.
Л., 1971. С. 160.

См.: *Розанов И. Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 2. М.—Л., 1936. С. 213-239.

См.: *Базанов В.* Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. М., 1953. С. 406–419.

О переработке «Евгения Онегина» авторами массовой светской повести см. статью Р. В. Иезуитовой «Светская повесть» (в кн.: Русская повесть XIX века. Л., 1973), где в связи с указанным вопросом особо отмечена повесть И. И. Панаева «Она будет счастлива». В этом плане интересны также повести «София», «Может ли это быть?» (Библиотека для чтения, 1834, т. IV; 1835, т. VIII). Любопытно, что трансформация характера Онегина в духе демонического романтизма сопровождается в этих произведениях реминисценциями, ссылками на пушкинский текст. Они появляются там, где описываются быт и нравы светского общества. Это и прозаический пересказ стихотворного текста: «Морозная пыль летела от бегунов и серебрила бобровые воротники московских щеголей» (Библиотека для чтения, 1835, т. VIII. С. 93). Это и прямое цитирование:

*«Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей, —*

Сказал поэт — и это такая истина, которой примеры мы видим к несчастью слишком часто» (так же, с. 114).

Библиотека для чтения, 1837. Т. XX. С. 99—100.

«Озлобленный ум, — писал Белинский, — есть также признак высшей натуры, потому что человек с озлобленным умом бывает недоволен не только людьми, но и самим собою» (*Белинский В. Г. Собр. соч. Т. VII. М., 1955. С. 454*).

Фраза, почти дословно повторяющая пушкинский текст. У Пушкина это — реминисценция из комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Шампанское стаканами тянул» (Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1969. С. 212).

Библиотека для чтения, 1837. Т. XX. С. 100.

См.: *Макогоненко Г. П.* «Враг парнасских уз». —
Русская литература. 1964, № 4.

Библиотека для чтения, 1837. Т. XX. С. 120.

Там же. С. 125.

Там же. 1835. Т. X. С. 36.

Там же. С. 57.

Библиотека для чтения, 1837. Т. XX. С. 38.

Там же. С. 81.

Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853. С. 51.

Там же. С. 56.

Северный наблюдатель, 1817, № 7. С. 180–181.

Лотман Ю. М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. III. М.-Л., 1960. С. 160.

См.: Усаткина Т. И. Памфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова. — В кн.: Декабристы в Москве, вып. VIII. М., 1963.

Любопытно, что Ф. Ф. Вигель, родственник М. Н. Загоскина, восторженно принявший его пасквиль «Недовольные», написавший донос на Чаадаева — автора «Философического письма», дает пародийное описание кабинета Чаадаева совершенно в духе Загоскина: «Чтобы дать понятие о чудовищном его самодовольствии, расскажу следующее, тогда мною слышанное. В наемной квартире своей принимал он посетителей, сидя на возвышенном месте, под двумя лавровыми деревьями в кадках; справа находился портрет Наполеона, с левой — Байрона, а напротив его собственный, в виде скованного гения, с надписью:

*Он в Риме был бы Брут,
В Афинах Демосфен,
А здесь лишь офицер гусарской»*

(Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 162–163).

В данном случае можно высказать также предположение о том, что в повести «Московский Европеец» в образе Луцкого мог быть пародирован увлекающийся философией Шеллинга И. В. Киреевский, издатель московского журнала «Европеец», запрещенного правительством в 1832 г. после выхода двух номеров.

В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится часть полемической статьи М. Н. Загоскина по поводу «Философического письма» Чаадаева. М. Н. Загоскин называет его «мутителем народов», «злым безумцем», а сочинение его — «отравленную льдиною» (ГПБ, ф. 291, № 25).

См.: *Макогоненко Г. П.* Роман Пушкина «Евгений Онегин». М., 1963. С. 51.

Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина.
М., 1950.

Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1976. С. 190.

Русская старина, 1888. Т. X. С. 323.

Благонамеренный, 1823, № VIII. С. 121.

Там же.

См.: Глухов В. И. О творческом замысле повести Пушкина «Рославлев». — Филологические науки, 1962, № 1. С. 98—107.

В связи с этим примечательно свидетельство Т. П. Пассек о М. Н. Загоскине: «С восторгом говорил о России и обо всем отечественном; бранил немцев и французов и обозвал некоторых из иностранных писателей свиньями» (Русская старина, 1876. Т. XVI. С. 102).

Библиотека для чтения, 1838. Т. XXVII. С. 23, 24.

comments

Комментарии

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Л., 1977. С. 93. В последующем все тексты Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома римской, страницы арабской цифрами.

Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен,
Л. Модзалевский. Репринт, воспроизведение изд. 1929 г.
М., 1991. С. 240.

Есенин С. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 174.

Зорин Л. Избранное: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 76.

Чухонцев О. Пробегаящий пейзаж. Стихотворения и поэмы. СПб., 1997. С. 90.

«Ножками по потолку». Интервью с А. Вознесенским
// Московский комсомолец. 1992. 22 февраля.

Публикуется впервые.

Разговоры Пушкина. С. 83–84.

Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Молчалины. Господа Головлевы. Сон в летнюю ночь. Сказки. М., 1999. С. 41.

Там же. С. 40.

Санктпетербургские ведомости. 1732. № 4. С. 13, 21;
№ 16. С. 67; № 17. С. 71, 82.

Там же. № 21. С. 90; № 11; № 36. С. 178.

Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 483.

Там же. С. 484.

Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 141.

Ключевский В. О. О русской истории. С. 485.

Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. М., 2016. С. 121-122.

Там же. С. 141.

Цит. по: *АНИСИМОВ Е. В.* Анна Иоанновна. М., 2004. С. 353.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. М.; Л., 1959. С. 35.

Дюма А. Путевые впечатления в России: В 3 т. Т. 2.
М., 1993. С. 252.

Санктпетербургские ведомости. № 95. В пятницу
ноября 27 дня 1741. С. 758–759.

Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907.
С. 310.

Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург.
М., 1989. С. 36.

Записки императрицы Екаитерины Второй. С. 83.

Цит. по: *Князькин И. В.* Всемирная история проституции. М.; СПб., 2006. С. 416.

Там же. С. 417.

Там же. С. 418-419.

Там же. С. 422.

Цит. по: *Искюль С. Н.* 1762 год. Документальная хроника. СПб., 2001. С. 49.

Санктпетербургские ведомости. 1762. 19 февраля.

Карамзин Н. М. Сочинения. СПб., 1848. Т. 1. С. 451.

Цит. по: *Искюль С. И.* 1762 год. Документальная хроника. С. 70.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1986. С. 375.

Цит. по: *Искюль С. Я.* 1762 год. Документальная хроника. С. 74

Там же. С. 75.

Там же. С. 71.

Там же. С. 127.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 275.

Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Молчалины. Господа Головлевы. Сон в летнюю ночь. Сказки. С. 43.

Державин Г. Р Избранная проза. М., 1984. С. 37.

Ключевский В. О. О русской истории. С. 498.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 772.

Сумароков А. И. Оды торжественные. Елегии любовные. М., 2009. С. 25.

Муромская И. Время. Диск рок-группы «Эпитафия»
«Крик». М., 2018.

Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 258.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: В 3 т. Т. 2. М.;Л., 1931. С. 109-110.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 2002. С. 151-152.

Бужинский Гавриил, епископ Рязанский и Муромский. Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его Основателя... СПб., 1772. С. 3.

Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XX века. СПб., 2002. С. 49.

Там же. С. 51.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: В 3 т. Т. 2. С. 90–91.

Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб., 1997. С. 198.

Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб., 1997. С. 200.

Там же. С. 200-201.

Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 297.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 2002. С. 74.

Там же. С. 76.

Там же. С. 155.

Цит. по: *Авсеенко В. Н.* История города С.-Петербурга в лицах и картинках. 1703–1903. Исторический очерк. СПб., 1993. С. 72.

Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. С. 324.

Авсеенко В. Н. История города С.-Петербурга в лицах и картинках. 1703–1903. С. 74.

Там же.

Сапов Н. Иван Барков: биографический очерк. В кн.: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. М., 1992. С. 24.

Берх В. Н. Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге. СПб., 1826. С. 25.

Там же. С. 25-26.

Там же. С. 26.

Там же. С. 27.

Там же.

*Ахмадулина Белла. Прощание. В кн.:
Ахмадулина Б. А. Сборник стихов. Ростов-на-Дону, 1998.*

Лапин В. В. Петербург. Запахи и звуки. СПб., 2009. С. 33.

Саквояж СВ. Официальный журнал
высокоскоростного поезда «Сапсан». Июнь 2017. С. 89.

Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 104.

Лапин В. В. Петербург. Запахи и звуки. С. 118.

Там же. С. 108.

Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 8. СПб., 1883. С. 506.

Синдаловский Н. Таинство рождения и тайна смерти
в городском фольклоре // Нева. 2015. № 4. С. 5.

Вакханалический певец Иван Семенович Барков // РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 10. Предваряющий рукописный сборник сочинений Баркова биографический очерк, написанный неизвестным автором в 1850-х гг., рассмотрен и фрагментарно цитируется в статьях Н. Сапова в сб.: Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова (М., 1992). Здесь и далее очерк цитируется по автографу.

Высоцкий В. Каюсь! Каюсь! Каюсь! СПб., 2017. С. 12.

Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. С. 312.

Рункевич С. Т. Александро-Невская Лавра. 1713–1913.
СПб., 1913. С. 507.

См.: Там же. С. 751.

Там же. С. 755.

Там же. С. 756.

Там же. С. 512.

Там же. С. 750.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 9. М.; Л., 1959. С. 440.

РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3-5.

См.: Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

Цит. по: *Степанов В. П.* Барков Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып 1 (А — И). Л., 1988. С. 58.

Там же.

Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 627.

См.: Там же. С. 626-627.

Пекарский П. Редактор, сотрудник и цензура в русском журнале 1755-1764 годов // Записки Императорской Академии Наук. Т. 12. Приложение № 5. СПб., 1867. С. 33-34.

Цит. по: *Степанов В. П.* Барков Иван Семенович. С.
58.

Дело о студенте Академии Наук Иване Баркове, сказавшем за собою «Слово и дело» в пьянстве // РГАДА. Ф. 7. Д. 1475. Л. 2.

Там же. Л. 3.

Там же. Л. 4.

Там же. Л. 5.

См.: Академическая типография. 1728-1928. Л., 1929.
С. 32.

Цит. по: *Степанов В. П.* Барков Иван Семенович. С.
58.

Цит. по: *Сапов Н.* Иван Барков: биографический очерк. С. 23.

Там же. С. 24.

Там же. С. 25.

Цит. по: *Кулябко Е. С., Соколова Н. В.* Барков — ученик Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. 6. М.; Л., 1965. С. 196.

Там же. С. 194.

Там же. С. 195.

Цит. по: *Михайлов М. И.* Биша // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 119.

См.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. С. 38-40.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 гг. с биографическим очерком автора. СПб., 1872. С. 40.

См.: Кулябко Е. С., Соколова Н. В. Барков — ученик Ломоносова. С. 201.

Там же. С. 207.

Цит. по: Там же. С. 199.

Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающий в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина *И Державин Г. Р* Избранная проза. С. 176.

Там же. С. 151-152.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 10. М.; Л., 1957. С. 546.

См.: *Искюль С. Н.* Год 1762. Документальная хроника.
С. 113.

Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин, Н. Сапов. М., 1992. С. 332. В последующем все произведения Баркова, за исключением особо оговоренных, цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках страницы арабской цифрой.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 748.

Сын Отечества. 1826. № 14. С. 181.

Цит. по: *Немировский И. В.* Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 16–17. СПб., 2003. С. 161.

См.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина. М., 1967. С. 116–170; *Осват. К.* Об одическом диптихе Пушкина: «Стансы» и «Друзьям» (материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стенфорде, 1999. М., 2001. С. 133–142.

Дмитриев. И. И. Сочинения. М., 1986. С. 164.

См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 2. М., 1999. С. 371-372.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков: В 3 т. Т. 2. С. 125–126.

О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. С. 77-78.

См.: *Искюль С. И.* Год 1762. Документальная хроника. С. 67; *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2009. С. 139.

Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1985. С. 34.

Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском. В кн.: *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. С. 403.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. СПб., 1872. С. 34.

Василий Петров. Выбор Максима Амелина. Оды.
Письма в стихах. Разные стихотворения. М., 2016. С. 28.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 801, 805.

Санктпетербургские ведомости. 15 июня 1764 г.

Макаров М. Жизнь и приключения всех российских периодических изданий от самого начала их появления на земле русской и до нашего времени. Статья II. Год 1763 // Московский наблюдатель. 1837. Октябрь. Кн. 1. С. 331.

Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. С. 583.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. Т. 2. С. 141.

Казанова Дж. История моей жизни: В 2 кн. Кн. 2. М., 1997. С. 229.

См.: Под именем Баркова. Эротическая поэзия XVIII — начала XX века/ Изд. подг. Н. Сапов. М., 1994. Примечания. С. 384.

Там же. С. 91.

140

Там же.

141

Там же.

142

Там же.

Там же. С. 325. Цитируется по второй редакции поэмы.

См.: Московские ведомости. 1991. № 21 (33).

Синдаловский Н. Таинство рождения и смерти в городском фольклоре. С. 5.

Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С. 37.

Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом
Никольским. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1814. С. 138–139.

Цит. по: *Каганович А.* «Медный всадник». История создания монумента. Л., 1975. С. 160.

149

Там же.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 9. М.; Л., 1938. С. 479–480. Для облегчения восприятия чернового текста мы позволили себе привести полностью сокращенные Пушкиным слова и имена.

См.: *Плугин В. А.* Алехан, или Человек со шрамом: жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 31-33.

Цит. по: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 254.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1.С. 137.

Державин Г. Р Стихотворения. Л., 1957. С. 238.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 405.

Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 109.

*Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.
С. 122.*

Там же. С. 123.

См.: *Шруба М.* Барков и Майков // Новое литературное обозрение. 1996. № 14.

Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 120.

См.: *Плугин В. А.* Алехан, или Человек со шрамом: жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. С. 29.

Ирои-комическая поэма. С. 148.

Там же. С. 151.

Там же. С. 155.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 137.

Ирои-комическая поэма. С. 120.

Там же. С. 166.

Цит. по: Там же. С. 98.

Там же. С. 124.

Там же. С. 122-123.

Там же. С. 141.

См. подробнее: *Михайлова Н. И.* Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 182–186.

Пушкин В. Л. Стихотворения. Поэмы. М., 2016. С. 128.

Там же. С. 130.

175

Там же.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 6. М., 1951. С. 70.

Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С. 120-121.

Там же. С. 121.

Записки Степана Петровича Жихарева. М., 1890. С. 45.

Там же. С. 46.

Там же. С. 47.

Там же. С. 176.

Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 27.

Там же.

Измайлов А. Избранные сочинения. М., 2009. С. 155.

Русския народныя картинки / Собрал и описал
Д. Ровинский. Кн. 5. СПб., 1881. С. 222.

Измайлов А. Избранные сочинения. С. 156.

Новиков Н. И. Смеющийся Демокрит. М., 1985. С. 252–253.

Ерофеев В. Москва — Петушки. Поэма. СПб., 2011. С. 118-120, 124-125.

Иван Семенович Барков (биографический очерк). В кн.: Сочинения и переводы И. С. Баркова. СПб., 1872. С. V.

Там же.

Державин Г. Р Стихотворения. М., 1983. С. 58.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 118.

Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
С. 102.

Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1983. С. 58.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 655.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Роман // Ваш Булгаков. Литературно-художественное издание. М., 2016. С. 369.

Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1976. С. 36.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 102.

Шапир М. И. Барков и Державин: Из истории русского бурлеска // А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы. М., 2002. С. 397-457

Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1983. С. 154—155

Барков И. С. Полное собрание стихотворений. СПб., 2005. С. 389.

Проскурин О. «Сказка о Золотом петушке» и русская непристойная поэзия // Русский журнал. 2002. 5 июля.
old.russ.ru/krug/razbor/20020705_prosk.html

Скворцов А. Поэтическая генеалогия. Исследования. Статьи. Заметки. Эссе. Критика. М., 2015. С. 14

Там же. С. 15.

Там же С. 15—16

Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 183

Там же. С. 189

Там же. С. 224

Там же. С. 224, 240, 265, 278, 311

Цит. по: *Кибальник С. А.* Пушкин, Лермонтов, Барков (Невидимая часть русского юмора) // *Кибальник С. А.* Пушкин: лики и «отраженья». СПб., 2014. С. 149

Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к
П. А. Вяземскому // Пушкин. Исследования и материалы.
Т. 11. Л., 1983. С. 225

Цит. по: *Шруба М.* «Девичья игрушка» и французские сборники фривольной поэзии XVIII века // Новое литературное обозрение. 2003. № 60

214

Там же.

215

Там же.

Цит. по: *Добрицын А. А.* «Девичья игрушка» и «Cabinet Satyrique» // А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы. С. 381.

Там же. С. 382.

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 34.

Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 357.

Там же. С. 359.

Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. Изд. 2-е. Л., 1956. С. 57.

Там же. С. 58.

Там же. С. 59.

Там же.

Там же. С. 65.

Там же. С. 59–60.

Там же. С. 61.

Там же. С. 90.

Там же. С. 94.

Там же. С. 69.

231

Там же. С. 71.

Там же. С. 109.

Там же. С. 110.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764.
СПб., 1872. С. 37–38.

Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. С. 65.

Там же. С. 81.

Там же. С. 82.

Там же. С. 104.

Там же. С. 118.

Словарь русских светских писателей,
соотечественников и чужестранцев, писавших в России /
Сочинение митр. Евгения / Изд. Москвитянина. Т. 1. М.,
1845. С. 269.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. С. 15.

Там же. С. 9.

243

Там же. С. 15.

Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / С портретом автора, со статьею о Кантемире и с примечаниями В. Я. Стоюнина / Редакция изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. С. V.

Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. С. 432.

Твардовский А. Теркин на том свете. М., 1964. С. 33-34.

Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года // Русская литература. 1967. № 2. С. 104.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. С. 9.

Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года. С. 115.

Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., 1948. С. 752.

Довгий О. «Развернуть старика». Сатиры Кантемира как код русской поэзии. М., 2012. С. 8.

См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1916. С. 47.

Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры.
Послания / Пер. с латинского. М., 1970. С. 105.

Гаспаров М. Поэзия Горация // Там же. С. 22.

255

Там же.

256

Там же. С. 176.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 184.

Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1983. С. 123.

См.: *Файбисович В. М.* Гораций // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18-19. СПб., 2004. С. 111-116.

Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры.
Послания. С. 43.

Там же. С. 44.

262

Там же.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
35.

Там же. С. 37.

265

Там же.

266

Там же. С. 43.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1957. С. 90.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
51.

Булих Н. В. Гораций. В кн.: Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 304-305.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
170.

Там же. С. 171.

Там же. С. 182.

Там же. С. 153.

274

Там же.

Там же. С. 51.

Там же. С. 123.

Там же. С. 115.

Макогоненко Г. «Враг парнасских уз» // Русская литература. Л., 1964. № 4. С. 139.

279

Там же.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
38–40.

Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 749.

Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 68.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
193.

Там же. С. 193-194.

Там же. С. 191.

286

Там же.

Там же. С. 192.

Басни. Эзоп. Лафонтен. Хемницер. Крылов.
К. Прутков. М., 1994. С. 11.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
203.

Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 73.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.
С. 236.

Там же.

Русская басня XVIII–XIX веков. С. 289.

294

Там же.

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 г. С.
235.

Там же. С. 244.

Там же. С. 195.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: Т. I. М., 1953. С. 42.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 206–207.

Там же. С. 206.

Билярский П. С. Материалы для биографии
Ломоносова. СПб., 1865. С. 29.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 9. С. 440.

303

Там же.

Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным. 1783 г. Цит. по: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962. С. 59-60.

Там же. С. 59.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: Т. 1. М., 1955. С. 100.

Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 556.

Цит. по: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 1062.

Там же. С. 618.

310

Там же.

311

Там же. С. 620.

Там же. С. 623.

Там же. С. 1071.

Там же. С. 625.

Цит. по: *Илизаров С. С.* М. В. Ломоносов в документах и материалах Российского государственного архива древних актов. В кн.: Новое о Ломоносове. М., 2011. С. 117.

316

Там же.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 627–629.

Муромская И. Плывет кораблик белый. М., 2014. С. 14.

См.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. 605.

Илизаров С. С. М. В. Ломоносов в документах и материалах Российского государственного архива древних актов. С. 119.

321

Там же. С. 118.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 630.

См.: *ИВИНСКИЙ Д. П.* Ломоносов в русской культуре. М., 2015. С. 127-137.

324

РГАЛИ. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9.

325

Там же.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: Т. 8. С. 736.

Высоцкий В. С. Каюсь! Каюсь! Каюсь! СПб., 2012. С. 50.

Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. С. 30.

329

Там же.

Там же. С. 31.

Там же. С. 30-31.

Цит. по: *Шубинский В. И.* Ломоносов. М., 2015. С. 263.

Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XX века. Л., 1975. С. 79.

Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 95.

Там же. С. 96.

Куник А. А. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1. СПб., 1865. С. 403.

Кушнер А. Друг милый, я люблю тебя...
<http://ntelektus.livejournal.com/50495.html>

Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покой-наго Действительнаго Статскаго Советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго Ученаго Собрания Члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. VII. М., 1781. С. 131-132.

Там же. С. 132-133.

Там же. С. 143.

Там же. С. 183.

Там же. Ч. V. М., 1781. С. 187.

Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. С. 171.

Цит. по: *Сапов Н.* Иван Барков: Биографический очерк. С. 34.

Полное собрание всех сочинений <...> Александра Петровича Сумарокова. Ч. VII. С. 243.

346

Там же. С. 129.

347

Там же. С. 130.

Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р —
Я. СПб., 2010. С. 198.

Там же. Вып. 1. А — И. СПб., 1988. С. 81.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 65.

См. о нем: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 331-332.

См.: *Дубровский А. В.* Прижизненная пушкиниана // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 73–85; «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки политических стихотворений, приписывавшихся Пушкину) // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб., 2002. С. 214–223; «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки политических эпиграмм, приписывавшихся Пушкину) // Там же. Вып. 29. СПб., 2004. С. 337–350; «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки эротических стихотворений и экспромтов, приписывавшихся Пушкину) // Там же. Вып. 30. СПб., 2005. С. 301–325.

Князькин И. Русский Приап Иван Барков. СПб., 2002.
С. 9.

Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен и Л. Модзалевский. Репринт, воспроизведение изд. 1929 г. М., 1991. С. 80.

Хармс Д. И. Анекдоты из жизни Пушкина. Псков, сельцо Михайловское, 1999.

356

Там же.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 12. М.; Л., 1940. С. 400.

Разговоры Пушкина. С. 4.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т.
Т. 1. М., 1985. С. 161.

Там же. С. 94-95.

361

Там же. С. 161.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 49–50.

Вольперт Л. И. Вийон // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18-19: Пушкин и Мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 79-80.

См.: *Кински З.* История борделей с древнейших времен. М., 2013. С. 334–335.

Буало. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 60.

366

Батюшков К Н. Опыты в стихах и прозе. М.,1977. С. 355.

Цит. по: А. С. Пушкин. Тень Баркова. Тексты.
Комментарии. Экскурсы. С. 141.

Там же. С. 143.

369

Там же. С. 144.

370

Там же. С. 150.

См.: *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. СПб., 1863. № 7. С. 155–157; № 8. С. 356–363.

Цит. по: *Чернов А.* «Тень Баркова» или еще о пушкинских эротических ножках. В кн.: Три века поэзии русского Эроса. Публикации и исследования. 1992. С. 102.

См.: *Есипов В. М.* «Нет, нет Барков: скрипицы не возьму...» (Размышления по поводу баллады «Тень Баркова»). В кн.: *Есипов В. М.* От Баркова до Мандельштама. СПб., 2016. С. 7—60.

Чернов А. «Тень Баркова» или еще о пушкинских эротических ножках. С. 117-118.

Фомичев С. А. О текстологии пушкинской лирики. В кн.: *Фомичев С. А.* Служенье муз. СПб., 2001. С. 170.

Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 60–61.

Кузьмин М. Стихотворения. СПб., 1996. С. 81.

Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. Т. I. М., 1986. С. 340.

Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. Т. I. С. 194.

Левитанский Ю. Диалог у новогодней елки.
<http://levitansky.ru>